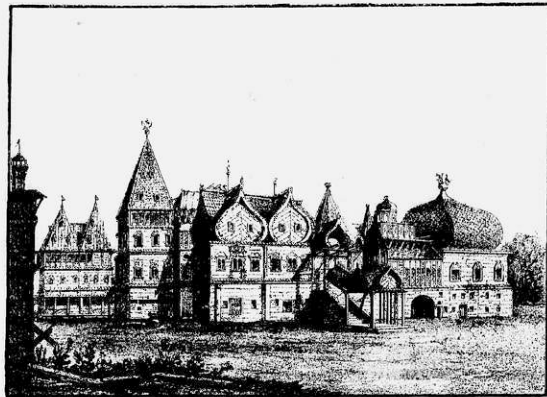

100
79
801-13
1345

Царскій Сокольникъ.

Историческая повѣсть

изъ временъ

Алексѣя Михайловича

Въ 3 частяхъ. Соч. Н. М. Павловъ.

Москва—1904.

НЕ КОПИРОВАТЬ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Глава I.

У Тихвинской.

Съ серебряными куполами и съ золотыми крестами, вся въ лѣпныхъ узорахъ, какъ въ бахромѣ или въ кружевѣ, церковь Тихвинской Божіей Матери въ царствованіе Алексѣя Михайловича была одна изъ богатѣйшихъ на Москвѣ, изъ самыхъ многолюдныхъ по праздникамъ.

За нею бѣдѣли палаты окольничаго и думнаго дворянина Обрескова. (Каменные большія палаты тогда еще были рѣдкостью въ Москвѣ.) А почти противъ нихъ, съ другой стороны улицы, глядѣли такія же точно богатая и бѣлыя боярскія палаты.

Ужъ отходили обѣдин.

Въ синемъ воздухѣ весело звенѣла праздничная перекличка всѣхъ сорока сороковъ московскихъ церквей. Издали можно было отличать удары къ Достойно кремлевскаго колокола.

Здѣсь уже звономъ звонили къ выходу. Сплошная толпа головъ напирала къ дверямъ. Свѣчи горѣли цѣлыми пучками. На высотѣ иконостаса и у царскихъ вратъ блестяло золотое узорочье. Серебряныя паникадилы играли передливчатыми огнями.

Поодаль, у витой колонны, стоялъ молодой бояринъ. На немъ была щеголеватая польская шуба—тогда еще новость на Москвѣ. Уже по одному этому нельзя бы

2011123372

издательство М. В. КУЗНЕЦОВЪ и К° Москва

въ немъ не угадать кого-нибудь изъ придворной молодежи. Но глядя на его почти отроческое лицо, на весь его недвижно-задумчивый обликъ, хотѣлось еще невольно спросить: не царскій ли это рында? (Иностранцы, случавшіеся при московскомъ дворѣ, звали рында по-своему пажамъ.)

Это было замѣчательное лицо. Бѣлое, матовое, и на немъ изумительно-черные, внимательные почти до строгости и, будто до безстрастности, неподвижные глаза. Малыя кудри сходили у него къ тонкимъ ушамъ на одинъ завитокъ.

Мимо его, къ кресту и отъ креста, извивалась волна народа.

А за толпой, въ сторонѣ, какъ маршальная лента, у самаго образа Тихвинской Божіей Матери, собиравшеся сонмище совсѣмъ иное. Бѣлы будто набѣлены, алы будто нарумянены, въ какихъ-то азіатскихъ парчахъ, тамъ сходились двѣ пожилыя боярыни, только чтобъ не сказать старухи. И еще цѣлая семья подходила къ нимъ слѣва; и еще новая семья подходила къ нимъ справа. Молодые сейчасъ отдѣлились прочь.

Но въ собраніи свѣтлыхъ личиковъ это кто? Волосы черные какъ у Грузинки; стройная, статная и вся въ мѣхахъ. У витой колонны отъ нея видны только бархаты на шапочкѣ да спинка статной шубейки. Но и того довольно, чтобы сразу узнать; эта молодцеватая боярышня—Софья Даниловна Обрескова, околышчаго любимая дочь. Хоть не на нее прямо смотреть, одну ее видить молодой бояринъ, а не мамку ея Василису Пахомовну, которая для праздника чуть не въ аттабасъ разрядилася,—не тѣхъ двухъ старушекъ: овою матушку и маменьку Софьи Даниловны, и не другую, такую же какъ и она соболинуя шубейку, что съ нею рядомъ: это родная Лѣвина сестра, Настасья Григорьевна. Софья Обрескова идетъ себѣ разговариваетъ съ Лѣвиной сестрою... Но они оба, онъ недвижно задумчивый съ черными пристальными гла-

зами и эта царь-дѣвица, смотрятся другъ на друга точъ въ точъ тѣ два бѣлые дома, которые черезъ улицу.

На паперти джогіе рослые гайдуки, откуда ни взялись, подхватили старыхъ боярскихъ женъ подъ руки и усаживаютъ для отъѣзда. Коня увѣшаны соболями и мохнатыми хвостами чернубурыхъ лисицъ. Вотъ взвились на подустахъ рывающихся вороныхъ передніе конюхи и бѣгутъ во все лопатки. Лѣва смотритъ вдоль улицы: сейчасъ за церковью у воротъ поворотъ; только и видѣли Софью Обрескову.

И такъ всякое воскресенье, всякій большой праздникъ въ году.

Веселый праздничный трезвонъ не умолкалъ въ цѣломъ городѣ.

— Здравствуй, Левъ Григорьевичъ!—кликнуло разомъ нѣсколько голосовъ.— Съ Батюшкой Христовымъ Рождествомъ,—пролепетала старушка.

И морозъ скрипѣлъ у нихъ подъ ногами.

— Спасибо, Василиса мамушка; и вамъ также, дѣвухи, спасибо.

— Мы съ новѣшнихъ святокъ своей боярышнѣ гадать начинаемъ,—докликула Палашка.—Такъ и тебѣ, князекъ, не погадать ли. Ась?

И въ воротахъ Обрескова двора онѣ пропали.

Левъ тихо проходилъ вдоль длиннаго бѣлаго дома. Онъ шелъ локтемъ объ стѣну. Но чего глядѣть на боярскій дворъ съ улицы? Одиноко въ углу за чугуною рѣшеткой блестѣло малое слюдяное окно. Оно всегда пусто; лишь изрѣдка увидишь въ немъ строгое лицо самого околышчаго. Только и видны неприступный заборъ да глухая стѣна, да отъ подваловъ тяжелые желѣзные затворы; на черепичныхъ свѣсахъ чешуйчатые крылатые драконы, и птица грифъ. И два единорога поднялись на дыбы на воротахъ.

Перешелъ улицу, ужъ и поровнялся съ соседнимъ бѣлымъ домомъ молодой бояринъ. Изъ ближняго кри-

вого переулка, изъ «тупичка», мчались разряженные повозки.

Левъ оглянулся на пройденную улицу, на бѣлый домъ.

Ярко горѣли на морозѣ прорѣзные кресты Тихвинской, большой въ золотыхъ звѣздахъ куполь посрединѣ и малые съ синими звѣздочками по четыремъ угламъ. И еще другая, сбоку, выглянула зеленая церковь... Четвертая! И много городилось крутыхъ крышъ, теремовъ, монастырей и колоколенъ... Многое множество и позлащенныхъ, и серебряныхъ, и пестрыхъ въ шахматъ, и гонтовыхъ, и чешуйчатыхъ...

И вдали Кремль.

Памятно все это Лѣвѣ еще съ той дѣтской весны, какъ онъ съ няней любовался, тутъ у воротъ, молодою травкой, выбивавшеюся по ихъ переулку, и лѣпилъ гречневники изъ песку. Давно ли оно и было!

На высокихъ каменныхъ столпахъ здѣсь все также красовались знатогривые львы; въ лапахъ они держали все тѣ же раскрашенные щиты. Въ одномъ изъ нихъ Левъ и сейчасъ могъ прочитать знакомую надпись крупнымъ уставомъ: «Добрыя люди милости просятъ». Въ другомъ... Но въ другомъ и записной дьякъ посольскаго приказа, будь онъ первый искусникъ выводить хитрые разводы, которые требуются въ грамотахъ къ хизиль-башскому или къ турецкому султану, самъ даже Григорій Котошихинъ, не вдругъ бы разобралъ узорочье мудреною вязью: «палаты боярина Григорія Романовича Засѣкина-Рындина».

Постоялъ и пропалъ въ воротахъ молодой бояринъ.

Прозвище Рындиныхъ усвоилось Засѣкинымъ именемъ съ тѣхъ поръ, какъ нынѣшній Левъ былъ уже по счету третьимъ рындой у нихъ въ роду.

Въ кремлевскомъ дворцѣ при торжественномъ приѣмѣ иностранныхъ пословъ рынды, по два въ рядъ, стояли близъ самыхъ государевыхъ плечъ у подножия трона. Ихъ отличительная красота—красный славян-

скій типъ съ явнымъ отблескомъ удали варяжской и строго внушительнымъ отпечаткомъ величавости византийской—особенно поражала иностранцевъ.

«Величiе неизъяснимое!» описывали въ началѣ шестисотыхъ годовъ одинъ французъ очевидецъ. «Одѣты въ бархатные бѣлые кафтаны съ горностаевою выпушкой; въ бѣлыхъ горлатныхъ шапкахъ; съ двумя массивными золотыми цѣпями, скрещавшимися отъ плечей у нихъ на груди, они держали ослѣпительно-блеставшія сѣкиры изъ дамасской стали, взмахнутыя на плечо какъ бы для удара».

Въ одномъ русскомъ сочиненіи XVIII вѣка пояснено: «Рынды держали на правомъ плечѣ маленькіе топорики съ долгими серебряными рукоятками. Въ сію должность выбирали обыкновенно изъ лучшихъ фамилій молодыхъ и благообразныхъ особъ, которыя себѣ тотъ выборъ въ честь ставить должны были, хотя по оному исполнять и не безтрудно было. Трудность же была та, что рынды стояли какъ статуи неподвижно, да и глазами ни въ которую сторону не оборачивались».

Впрочемъ, нашего Лѣву Алексій Михайловичъ пожаловалъ еще новою царскою милостью: онъ велѣлъ его «въ сокольниковъ чинъ перенисать». Съ тѣхъ поръ молодой Засѣкинъ навывалъ и въ сокольниковъ избѣ, и на Ловчемъ дворѣ; всѣ сокольники зовутъ его своимъ товарищемъ.

А онъ именно былъ въ томъ возрастѣ, когда отъ рынды отсталъ, а къ сокольникамъ еще не присталъ. Даже на государевыхъ охотахъ онъ ѣздитъ все больше въ рындахъ же, то-есть просто за государева оруженосца.

Алексій Михайловичъ, лишь изрѣдка бываетъ, даеть ему подержать на рукавицѣ, и то у себя на глазахъ, любимого своего сокола Гамаюна.

Глава II.

Розговинны.

Въ столовой у Засѣкиныхъ красовался длинный накрытый столъ.

Сама боярыня Татьяна Борисовна Засѣкина-Рындина (старушка, которую мы видѣли въ церкви) сидѣла въ высокихъ, широкихъ креслахъ, пока нѣсколько отодвинутыхъ отъ стола. Она какъ разъ приходилась на томъ самомъ мѣстѣ, сверху котораго на потолокъ былъ живо написанъ павлинъ во всемъ величїи вѣромъ распушеннаго хвоста.

Съ нею были и гости.

Деять боярышень, и въ ихъ сіяющемъ сонмѣ, въ бѣло-голубомъ атласѣ, сама Настасья Григорьевна, вдругъ внесли веселый шумъ въ комнату.

Вышелъ сюда и Лева. Щеголеватый терликъ сидѣлъ на немъ молодецки. Съ нимъ было нѣсколько молодыхъ людей. Одинъ изъ нихъ бѣлокурый, неуклюжий, увалень, но предобрякъ съ виду, прямо подплылъ къ одной изъ боярышень, съ тѣмъ что у него, видите ли, позади оторвалась какая-то запона. (Это была сестра его.) А Лева улучилъ минуту и былъ уже возлѣ Настасьи Григорьевны.

Они уклонились къ угольному окошку. Боярышня вздергивала свой носикъ и губки. Онъ устремилъ на нее пристальный вопрошающій взглядъ. Сестра внушительно молчала.

— Ну?—спросилъ Левъ.

— Будуть,—съ важностью молвила боярышня.

— Она что жь?—спросилъ Левъ.

— Говорить: *сама я такой радости не дождуся*,—протяжно вывела боярышня.

Левъ молчалъ.

— Сама я такой радости не дождуся!—внушительно повторила сестра.—Потомъ мы съ княжной Зиной и ея *маленькѣ* Натальѣ Ивановнѣ поминали. Говорить и та: непременно для такой радости будемъ; самъ спроси Зину. Пойдемъ, спроси Зину.

— Вдуть!—во все лакейское горло вдругъ крикнулъ съ порога слуга.

По всей комнатѣ поднялась суматоха. Мелкая дробь лакейскихъ шаговъ слышалась внизъ по лѣстницѣ.

Это вернулись изъ Кремля самъ хозяинъ Григорій Романовичъ Засѣкинъ-Рыдинъ и его зять, его главный нѣмѣшнїй гость, нижегородскій воевода. По обязанностямъ службы они выстояли обѣдню съ государемъ.

Въ передней слышались голоса.

Напередъ вошелъ со своею дочкой, княжной Зиной, нижегородскій воевода. За нимъ слѣдомъ, съ одного плеча цѣлую своего сына, а съ другаго дочъ, ввалился въ столовую палату и самъ хозяинъ Григорій Романовичъ.

— Ну,—подошелъ онъ прямо къ Татьянѣ Борисовнѣ,—съ Батюшкой съ Христовымъ Рождествомъ! Поздороваемся, хозяйка!

Отъ нея перешелъ къ сестрѣ своей, княгинѣ Лизаветѣ Романовнѣ, и потомъ всѣхъ поздравлялъ съ наступившимъ праздникомъ и обнимался на всѣ четыре стороны.

Изъ всѣхъ угловъ между тѣмъ поднялась бѣготня съ тарелками и судками; на столъ было натаскано множество всякихъ блюдъ; тутъ загромодились и порося кашей чиженое, и гусь шафранный, и хребтокъ свиной, и говяжья полость.

Въ воздухѣ колынуло еще и медовымъ легкимъ ягоднымъ духомъ. Всѣ крестились на образъ и усаживались по мѣстамъ.

— Да ну же, рассказывай! Что вы въ Кремлѣ видѣли?—голосила хозяйка.

— Государь что?—допросила княгиня Лизавета Романовна.

— Слышишь, Татьяна Борисовна,—весело заговорилъ хозяинъ, успѣвъ уже тѣмъ временемъ проглотить цѣлую вотрушку.—Нонче меня государь изъ всѣхъ золотчиковъ отличилъ!

Къ нему обернулся весь столъ.

Оказалось, что послѣ молебна, когда все боярство здравствовало государю, Алексѣй Михайловичъ вдругъ пришелъ въ восторгъ отъ Григорія Романовичева кафтана. «Одинъ ты мнѣ угодить хотѣлъ!» по словамъ Григорія Романовича сказалъ ему царь и поставилъ его турскій кафтанъ въ образецъ даже самому Афанасію Ивановичу Матюшкину.

Веселая радость шумѣла за столомъ.

— Да Милославскій, небось, и весь, съ ногъ до головы, въ золотѣ былъ!—знаткомъ вмѣшалась княгиня Лизавета Романовна.

— Ну, а Матюшкинъ, Афанасій Ивановичъ?—не утерпѣла хозяйка.

— Поди жъ ты!—возразилъ хозяинъ.—А еще любимецъ! опять по матери брать!.. Нонче на Афанасія Ивановича страсть осерчала. Сына Лева! слышишь ли, что про начальнаго твоего, московскаго-то ловчаго, говорятъ?

— Ужъ и я дивлюсь!—молвилъ сокольникъ.

Дѣло, оказалось, опять вышло изъ-за кафтана. Даромъ что Афанасій Ивановичъ, по словамъ рассказчика, былъ за мѣсто жаръ-птицы; а царю не понравился его кафтанъ. «Лучше бы ты для моихъ или для царевичевыхъ именныхъ,—сказалъ ему Алексѣй Михайловичъ,—надѣваннымъ старьемъ-то щеголялъ. А великій Господь

скій праздникъ наступилъ, само Рождество Христово... тутъ ужъ новаго наряда какъ жалѣть?»

И новымъ разпросамъ не было конца.

Подъ бренчанье ножей и вилокъ, подъ стукотню деревянныхъ ложекъ по тарелкамъ, такъ и сыпались рассказы: въ чемъ самъ государь обѣдню слушалъ? гдѣ потомъ принимала царица? въ какомъ соборѣ царевнѣ не видно ли было? И каковы были за сегоднѣшнюю службой на патриархѣ саккосъ и митра съ короной, рипиды и панагіи?

А по всему столу въ кубкахъ, въ стопкахъ, въ серебряныхъ и жестяныхъ стаканахъ уже искрился шипучій медъ, и желтый какъ янтарь, и розовый какъ малиновая вода. Въ краю боярышень замелькали хрустальные малые стаканы съ легкимъ дѣвичьимъ медомъ, совсѣмъ безцвѣтнымъ и прозрачнымъ, бившимъ какъ ключевая вода.

«И Милославскаго-то видѣлъ; и бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ былъ; князь Мамстрюкъ-Черкаскій сидѣлъ на праздникахъ побывать; и кумъ князь Терентій будетъ!» не переставалъ отдавать отчеты видимо истомившійся въ своемъ турскомъ кафтанѣ бояринъ.

— Что жъ ничего объ Обресковѣ не скажешь?—спросила хозяйка.—Его-то звалъ ли?

— Да,—спохватился Григорій Романовичъ,—стоимъ это мы съ зятемъ (Засѣкинъ указалъ на нижегородскаго воеводу) послѣ выхода во дворъ, у площадки, съ тѣмъ... какъ бишь его, ну, съ *Безжемятымъ*.

Многіе разсмѣялись за столомъ. Прозвище *Безжемятый* дано было въ Москвѣ одному недалняго ума богачу, сорокалѣтнему вдовцу отъ двухъ женъ.

— Съ Ильей Самсонычемъ,—подсказала хозяйка.

— Онъ самый; князь Мартеньяновъ-Рупцкій привалялся къ намъ. Про то да про сѣ весело разговариваетъ; къ намъ быть въ четвергъ напросился. Тутъ и Данило Ивановичъ, глядимъ, подходитъ. Такъ ни мнѣ, ни зятю говорить не далъ... А за насъ обоихъ онъ же,

Безжизненный, и Данилу Ивановича къ намъ на домъ зоветь.

Татьяна Борисовна покачала головой.

— Уже беззаботная голова, богатъ, богатъ!—сказала она.

Громко весь столъ разсмѣялся опять; а край, гдѣ сидѣли боярышни, еще громче.

— Что жъ онъ, Данило Ивановичъ? Будетъ, что ль?—допросила хозяйка.

— Да помилуй, сестрица!—всплеснувъ руками, не утерпѣла, громко кликнула княгиня Лизавета Романовна.—Да какъ же бы онъ еще для нашего прѣзда не былъ къ вамъ! Посмотрѣла бы я.

— Съ Соней?—вдругъ, будто разбуженная отъ сна (Левъ бросилъ на нее взглядъ чрезъ весь столъ), кликнула молодая хозяйка, сама Настасья Григорьевна.

— Съ Соней?—спросила и княжна Зина.

— Съ Соней?—съ разныхъ сторонъ раздались молодые свѣжіе голоса.

— Съ красавицей! Съ самою Софьей Даниловной!—весело-громко на всю комнату отвѣтилъ хозяинъ, вставая изъ-за стола и снимая съ своей широкой груди салфетку.

И загремѣли стулья да лавки.

По всей комнатѣ, какъ въ церковной тѣснотѣ, руки всѣхъ закрестились на образъ въ углу.

— Разговѣлись, привѣтъ Божь, для праздника всѣ вмѣстѣ,—сказалъ хозяинъ.—И спать пора.

Глава III.

Тезка.

Левъ не спалось.

Напрасно онъ лежалъ на своей мягкой постели подъ гаганчьимъ одѣяломъ и все глядѣлъ на изразцовую печку. Въ окнѣ къ тому же такъ весело горѣло зимнее яркое солнце. Такими «зайчиками» наигрывало оно на этихъ самыхъ печныхъ изразцахъ, гдѣ пестрѣли и красно-зеленые попугаи, и рудо-желтые грифы, и не разберешь еще какіе не то звѣри, не то птицы.

— Сама я такой радости не дожидуся!—взвѣшивалъ онъ каждое слово.

Страненъ казался Левъ отецъ Обресковой. Данило Ивановичъ всякой годовой праздникъ бывалъ у нихъ въ домѣ; опять и *маленька* Софья Даниловна раза три-четыре въ годъ непремѣнно навѣщала его матушку. Даже гдѣ бы ни встрѣтились, всѣ ихъ со стороны за родню принимаютъ. А все нѣтъ, нѣтъ.

Гаганчье одѣяло цѣлымъ краемъ уже свѣсилось на дубовый полъ.

Вдругъ на всю комнату раздался топотъ.

— Тезка! А ты и не слыхалъ какъ я подѣлхалъ... Ха, ха, ха!—раздавалось у Левы надъ самыми ушами.

Эго влетѣлъ въ комнату точно такой же, какъ и онъ, царскій сокольникъ; только постарше и бѣлокурый. Онъ былъ въ однорядкѣ, блиставшей золотымъ кружевомъ; въ какомъ-то искромечущемъ драгоцѣннымъ ожерельи и съ превеликою собольею шапкой въ рукѣ...

— Посмотри, тетка, мою новую тройку. Воронные, и у каждого во лбу звезда была. А бегут!

На всю комнату раздался его пощелк.

— Куда ни халъ, а мимо не прохалъ. Нарочно завернуть коней казать. Поѣдем гулять вмѣстѣ! Не хочешь, какъ хочешь; да чему же ты хохочешь?

Левъ не улыбался даже.

И все это хоть и такъ, да не совсѣмъ такъ говорилъ бѣлокурый. Не мимо халъ, а прямо къ нимъ во дворъ спѣшилъ съ Покровки. Не ему хотѣлъ показать для праздника свою новую тройку, а чтобы увидала Настасья Григорьевна, Лѣвина сестра. Ее съ собой въ сани не посадишь, такъ зоветъ брата. Ей не пощелкуешь, платись за нее Левка. Да ничуть и не тетка къ тому же: бѣлокураго зовутъ Александромъ; а потому только развѣ тетка, что того зовутъ Лѣвкой, а онъ—молодой князь Львовъ.

— А я завернуть все-таки за дѣломъ,—опять замолхъ онъ мельницей.—Чуденъ ты право! Тогда въ сокольничьей всего мелькомъ два слова: прѣхалъ дядя! Прѣхали, ужъ и не помню кто! Будь въ четвергъ, матушка звать приказала. Да расскажи путемъ. Или у васъ опять по-прошлогоднему?

Двинувъ первую попавшуюся скамейку, князь Львовъ подбѣлъ къ кровати молодого товарища и заигралъ въ рукахъ шанкою.

— Больше лѣтешняго къ намъ съѣхалось! — отвѣтилъ Левъ.—И здѣшніе всѣ будутъ.

— Ну! и сосѣдъ будетъ? Ахъ, слушай, тетка. Вду это сейчасъ мимо ихъ воротъ. Вдругъ въ стариковомъ окнѣ... знаешь, съ краю... думалъ самъ онъ это разраженъ стоять. Кто бы ты думалъ? Гляжу, архіерей-то нашъ: князь Мартеньяновъ-Рускій! А? вотъ сдружились. Рычагами не разведешь.

Скрипнула дверь. Князь Львовъ, какъ угорѣлый, кинулся со скамейки.

— Домна Борисовна! — заключилъ онъ въ объятія и цѣловалъ Анастасьину мамушку.

— И чтой-то, князь! Совсѣмъ было съ ногъ ошибъ! — смѣялась старуха. — Кушайте, вотъ я вамъ овощей принесла!

Такъ назвала она свой десертъ изъ пастилы, грушъ и яблокъ.

— Вижу сверху: на дворѣ князевы саночки-самокаточки.

— А вотъ Домнѣ Борисовѣ и я одарокъ привезъ,—опять подлетѣлъ къ ней молодой сокольникъ, и подаль ей не то игрушкой назвать, не то конфетой.

— Ужъ и княжескій подарокъ, погляжу!—Старуха подносила его на свѣтъ.—Или хрустальный, или самоё жаръ-птицы это перо...

А молодому только того и хотѣлось.

Теперь его занимаетъ мысль: не старая мамка, а, конечно, сама Настасья Григорьевна увидала его санки; это она, Настасья Григорьевна, прислала къ нимъ мамушку съ подносомъ; конечно, и его княжескій подарокъ, въ какія руки надобно, въ тѣ и попадетъ.

— Такъ какъ же? И Обресковы будутъ? — переспросилъ князь Львовъ послѣ мамкина ухода.

— Также,—отвѣтилъ Лѣвъ.—Общались и Обресковы бытъ.

— Затворницу увидимъ!? — вскрикнулъ князь Львовъ. — Ну, тетка, вѣришь ли? Всѣхъ нашихъ московскихъ наперечетъ знаю. А Обрескову рѣдко даже по имени слыхать. Ужъ на что теперь у Саламатовыхъ! За замками своихъ дочекъ берегутъ; а я какъ-то наменин забрался черезъ заборъ въ ихъ садъ, такъ и Саламатовыхъ выглядѣлъ. Не стоить беречь: обѣ кривобокія; затѣмъ, знатъ, и берегутъ: до вѣнца никому не покажутъ. Ну, а Обрескову! Чудо-красавица, говорятъ, а?

— Софья Даниловна очень хороша, — сказалъ Левъ.

— Я, знаешь, думаю, она въ отца! — перебилъ князь Львовъ. — Строгъ, лихъ, правда, ужъ и не мо-

лодь; а воть хоть ты что: мнѣ его лицо очень нравится. А ты слышала, силища-то какая?

— Какая силища?

Левъ вытаращилъ глаза.

— А у насъ намени на ловчѣмъ дворѣ! Вѣрно было стараго медвѣдя спустить, ну, еще неизвѣстно, чѣмъ боленъ...

— Каргасъ,—сказалъ Лѣвъ.

— Да. Замокъ что ли тамъ прижавляъ у нихъ. Аванасій Ивановичъ, извѣстно, оретъ, кричить... «Мнѣ хоть подпилкомъ пила, да чтобы духомъ». А Данило Ивановичъ тутъ какъ-то подвернулся. «На что пила, дай-ко взглянуть», говорить. Какъ хватить!.. Вѣдь отлетѣлъ замокъ.

Блеснулъ своимъ ожерельемъ и опять повернулся на каблукѣхъ бѣлокурый вѣтряный товарищъ.

— Спи, тезка!—сказалъ онъ на прощанье,

А Лева даже досадовалъ на себя, что ему не спасось.

Глава IV.

Вечеръ у Засѣкиныхъ.

Рано въ тотъ день заводились игры наверху у боярышень.

Уголокъ Настасьи Григорьевны (площадка, дубовый полъ съ бѣло-липвою балюстрадой, составляшею какъ бы продолженіе лѣстницы; дверь налѣво, съ двумя комнатками, и дверь направо, съ такими же за ней двумя комнатками), весь этотъ уголокъ теперь точно въ одинъ общій покой сошелся. Тамъ и здѣсь раздавались тѣ же веселые смѣхи, мелькали атласъ и бѣлый лебяжій пухъ, жемчужныя нитки, брилліантовые серьги...

И то и дѣло мамки хлопали дверями; все откуда-то приходили и куда-то уходили; приносили съ собой то бахрому или нарукавнички, то цѣлые тяжелые парчевые уборы. Онѣ прикалывали ленты, расправляли складки. Тучную поосѣпную Кузьминичну, когда барская барыня случилась тутъ между мамокъ, боярышни приняли со всѣхъ сторонъ смѣхомъ.

— Смѣйтесь, смѣйтесь!.. Вотъ ужъ на васъ поглядимъ!—отразивалась старуха.

А Домна Борисовна, Анастасьина мамушка, была всѣхъ искуснѣй. Снаряжая свою «малую китайскую куколку», какъ она звала Настасью Григорьевну, краше садоваго цвѣтка-тюльпана, управляя всѣми прѣзжими мамками, она, бодрая и живая старуха, успѣвала еще отдѣлываться отъ безконечныхъ приставаній боярышень: кому изъ нихъ присталъ бѣлый цвѣтъ,

кому розовый, голубой кому? Она успевала еще веселить их рассказами про молодых царевичей и царевен, как он, куколки, по дворцу живут у государя Алексѣя Михайловича. По ее увѣренію, «царевенки возьмутся пальчики за пальчики да и кружатся цѣлый день по ковру; гуль-гуль-гуль, будто голубочки воркуют».

Вечеромъ все въ домѣ заблестало ярче дня.

Большая комната, гдѣ справлялись разговины, смотрѣла теперь чуть не дворцовою палатой. Вудиничные чехлы вездѣ были сняты. Малиновые бархатныя занавѣски золотились тяжелою бахромой и висячими кистями. Лавки во всю длину стѣнъ были укрыты дорогими нарядными полавочниками тѣхъ самыхъ веселыхъ цвѣтовъ, какими только развѣ о Христовской заутрени блещутъ церковные покровы. Вездѣ свѣщивались до полу шелковые насконники. И все это было залито яркимъ свѣтомъ восковыхъ свѣчей: высокие стоячіе шандалы съ цѣлыми пучками свѣчныхъ рожковъ по угламъ; висячіе прилѣпные трисвѣчники и семисвѣчники въ простѣнкахъ, а съ потолка, какъ церковное паникадило, свѣщивалась хрустальная люстра. Круглая бѣлая печь, въ полвыступа отъ стѣны, стройно высилась отъ полу до потолка, нынѣшній день не топлена. Гостинная палата, также разряженная для праздника, составляла теперь какъ бы цѣлое особое отдѣленіе для боярскихъ женъ. Угольная комната, гдѣ обыкновенно помѣщалась Татьяна Борисовна, преобразилась въ какое-то волшебный, полузатенный уголокъ. Тамъ должны были совершаться святочные игры самихъ боярышень. Тамъ вѣяло легкимъ духомъ розоваго ароматическаго масла, употребленіе котораго, вытѣсненное лондонскими и парижскими духами, въ наши дни уцѣлѣло лишь по церквамъ да монастырямъ. Тамъ все было увѣшано цвѣтными коврами; а золоченные семисвѣчники въ простѣнкахъ горѣли разноцвѣтными синими, алыми, розовыми

и зелеными восковыми свѣчами. Сокровенный уголокъ, который, по обычаю, будеть виденъ лишь краешкомъ, лишь издали, сквозь полурастворенную дверь гостиной.

Возлѣ передней была отведена цѣлая комната подъ шубы и зимніе уборы гостей. Покои самого Григорія Романовича растворились настѣжъ; весело былъ освѣщенъ самый коридорчикъ, который велъ отсюда въ уголокъ Лѣвы.

Словомъ сказать, какъ радушный хозяинъ, такъ, казалось, и цѣлый его домъ распахнулъ широкія объятія для приема гостей.

Изъ первыхъ, разумѣется, собрались явлицо самые близкіе родные Засѣкиныхъ-Рындиныхъ; а первый прѣѣхалъ свать въ своемъ неизмѣнномъ простенькомъ кафтанѣ, сверхъ котораго однакожъ онъ накинулъ теперь и темно-вишневою ферязь. «Свать» — не было ему другого имени.

Въ гостиной палатѣ то и дѣло слышалось здравствование старухъ и пожилыхъ боярскихъ женъ. Стекланные сѣни поминутно хлопали въ передней; внизу по лѣстницѣ не умолкала мелкая дробь лакейскихъ шаговъ; поднималась возня отъ приема гостей на порогѣ. А молодыя боярышни ужъ и Богъ вѣсть какими ходами попадали въ домъ: онѣ вдругъ появлялись прямо въ кругу гостей изъ женской половины.

Вошелъ въ угольную и Лѣва. Онъ тихо прошелъ по всей комнатѣ, отдалъ молча поклонъ сестрѣ и двоюроднымъ и прямымъ, вошелъ въ дверь гостиной къ старикамъ и боярскимъ женамъ. Только прошелъ, но и сестра, и княжны, и всѣ боярышни переглянулись.

На немъ была статная одиорядка изъ бѣлаго бархата, вся пропшата тонкою золотою строккой. Лазоревая шелковая рубашка, охватывая матовую шею, подходила къ чернымъ, какъ смоля, кудрямъ и блестя въ вороту брилліантовою пуговкой. При пер-

вомъ же на него взглядъ невольно бы вспомнулось то слово, которое строгій обличитель московскихъ свѣтскихъ нравовъ, митрополитъ Даниилъ, говорилъ еще въ XVI вѣкѣ. Впрочемъ, и то сказать, царскіе сокольники были вышколены въ доброй школѣ самого царя Алексѣя Михайловича; а государь любилъ и понималъ красоту, и все, что только ни устраивалъ, устраивалъ какъ истинный художникъ.

Но пусть хорошъ сокольникъ, а развѣ дурна его сестрица? Китайская малая куклолка, какъ ее звали нѣмцы, въ своемъ жемчужномъ кокошникѣ и въ серебряномъ парчевомъ сарафанѣ между боярышнями была изъ первыхъ.

О пей-то можно было сказать: плавно ходить.

Вотъ влетѣлъ и пышный князь Мартеньяновъ-Ручкѣй; въ рукахъ великою собою шапкой размахиваетъ, громко хохочетъ на весь домъ, со всѣми чересчуръ весело разговариваетъ.

«Фазанъ-птица!» прозвала его княжна Зина, выглядывая тайкомъ изъ угольной комнаты.

Боярышнѣ сговариваются: если придется играть въ птицы, то чтобы князя Мартеньянова-Ручкаго непременно «фазанъ-птицей» прозвать.

Вотъ ужъ говоръ гостей частъ отъ часу громче становится. За орѣхами, пастилой, вареньями и за всякимъ заморскимъ угощеніемъ тетюшки цѣлою армаркой оглядываютъ своего молодого племянника.

— Лѣвушка!—шаловливо обняла его веселая Фалдѣвна.—Что у насъ давно не было?

Это была тетюшка отъ Спаса на Болвановкѣ.

— Всѣхъ забылъ!—поддакиваетъ другая отъ Николы на Берсенеvkѣ.

— И у насъ съ самаго Покрова не было!—вмѣшалась въ разговоръ добрая старуха, княгиня Львова, мать его тезки-товарища, и непремѣнно побывать къ нимъ зоветъ на Покровку.

И кругомъ, куда ни взгляни, все головы, головы тол-

пятся, мужскія бархатныя и парчевыя фезы; женскіе головные уборы, жемчужные и лаловые; веселый говоръ и смѣхъ; за столиками сидятъ, судятъ-рядятъ, руками разводятъ, будто въ карты играютъ. Толпа по всѣмъ комнатамъ. Шумнѣй да и хмельнѣй становится въ мужскомъ углу.

Но какъ и когда это случилось, а теперь въ угольной видна ужъ и молодежь попережку съ боярышнями. Дѣло въ томъ, что туда, въ угольную комнату, боярышнѣ заманили пятидесятилѣтняго свата; ну, а куда сватъ повернулся, туда и толпа валить. Къ тому же тамъ и бѣлобрысый Петя, всѣмъ здѣшнимъ молодымъ людямъ ровня и товарищъ; а оиъ, сколько ни есть боярышень въ комнатѣ, всѣмъ имъ двоюродный братъ.

Но кто лучше всѣхъ свое дѣло знаетъ и мастерски его выдѣлываетъ, такъ это вдовы честныя. Все утро онѣ возились и сновали по всему дому заодно съ челядью; отворяли шкапы, серебро считали и выдавали, а къ вечеру дворянки-дворянками разрядились, — и гдѣ теперь противъ нихъ какому хотите свату! Онѣ вмѣстѣ всѣхъ въ обществѣ веселѣи помѣшаютъ, молодыхъ прочъ отъ сѣбѣ отвѣдутъ.

Князь Мартеньяновъ-Ручкѣй все какъ-то къ себѣ отвлекалъ князя Львова; онъ все ближе прижимался къ дверямъ угольной комнаты. Громко, такъ чтобы его могли слышать, онъ все рассказываетъ о своихъ выпесенныхъ музыкантахъ. «Сами, молъ, прѣзжайте ко мнѣ, послушайте: точно ли они какъ дворовые у самого ближняго боярина Артамои Сергѣевича играютъ? Точно ли не уступятъ они у него даже государевымъ музыкантамъ, которые играютъ при комедіяхъ въ Измайловѣ?»

И развеселый князь прищуривалъ глазами, пошевеливалъ рыжею бородой и свой сплюснутый носъ подымалъ вверхъ.

Левъ, какъ именинникъ, выслушивалъ поздравленія

пріѣзжавшихъ гостей и съ вѣжливостью молодого хозяина во всѣ углы поспѣвалъ. Въ широкому, мягко-убранномъ покоѣ самого Григорія Романовича застѣдала цѣлая дума густыхъ бородъ. Тутъ можно было увидеть самую знать тогдашней Москвы. Самъ нижегородскій воевода, слышитъ Лёва, въ такихъ своихъ стариковскихъ разговорахъ вдругъ спрашиваетъ: А что Обресковъ не пріѣзжалъ еще? Долгонько». Но мало ли кого и безъ Обресковыхъ тутъ нѣтъ? Князь съ княгиней, старики Львовы, съ Покровки ужъ тутъ; а другіе князья Львовы, которые отъ Николы Красныхъ-Колоколовъ, еще не бывали. Опять и Тургины! Ну, да они, правда, Засѣкинѣмъ самая дальняя родня; опять и дворъ ихъ у Воскресенья въ Барашахъ не ближее мѣсто.

Послѣ одного изъ такихъ уходовъ въ сторону, Левъ вернулся въ шумную толпу гостей. Своимъ глазамъ не вѣрить: Обресковы тутъ. Она стоитъ вполуборотъ: это ея темная дѣвичья коса, это ея высокій станъ —отличаются! Съ золотымъ обручникомъ въ волосахъ, съ алмазными серьгами въ тонкихъ ушахъ, въ сонѣ боярышень она стояла объ руку съ Настасьей Григорьевной. И для Лёвы ясно теперь: не столько она рада своей ровесницѣ княжнѣ Зинѣ, которая ластится къ ней со всѣмъ жаромъ юной подруги, сколько рада она цѣловать и обнимать именно Настеньку, его родную сестру. Глаза ея блеснули: это ихъ взоры встрѣтились и между собою въ воздухѣ скрестились. Левъ подошелъ къ сестрѣ, будто перемолвиться съ ней о домашнемъ. А Софья Обрескова весело озираетъ ихъ покой и, —Лёва слышитъ,—въ радости говоритъ: «Вотъ привелъ Господь мнѣ у васъ въ дому быть!»

Лева отошелъ въ сторону какъ опьянѣлый и скорѣй въ сосѣдную комнату здороваться со стариками.

— А, Левъ Григорьевичъ! Здравствуй! — крикнулъ Данило Ивановичъ. На шуму гостей окольный обнималъ и цѣловалъ Лёву, какъ никогда еще прежде.

— Лёвушка милый! Здравствуй, дружокъ!—обнимала его за родного сына «маменька» Наталья Ивановна. И она голосила за четверыхъ, и весело смѣялась на шуму гостей, привыкшихъ ее почитать молчаливой. Лёвина мать Татьяна Борисовна была уже рядомъ съ ними, и обѣ старухи цѣловались другъ съ дружкой. А окольного въ ту же минуту отклонили къ себѣ опять здѣшніе старухи и старики, просили скорѣй досказать начатый веселый и забавный рассказъ о вчерашнемъ случаѣ во дворцѣ; а изъ своего покоя за нимъ сюда прибѣжалъ хозяинъ, Григорій Романовичъ, и его къ тамошнимъ старикамъ скорѣй зоветъ.

И прелюбезный окольный уже самъ растерялся, не знаетъ: туда ли къ своимъ не мѣшкая идти, рассказать ли свой, который всѣмъ понравился, докончить,—рассказъ, прерванный имъ для прихода Лёвы. А у царскаго сокольника—и отъ этихъ привѣтовъ, и отъ неустаннаго шума гостей, и отъ яркаго освѣщенія всѣхъ комнатъ, наконецъ отъ мысли что *она*, сама *она* тутъ, у нихъ въ домѣ,—у молодого царскаго сокольника душа вверхъ дномъ и голова кругомъ пошла.

Глава V.

Первое слово.

Левъ въ начавшихся играхъ игралъ въ одно: чтобъ ему какъ можно чаще бывать возлѣ Софьи Обрековой.

Въ старину игры, пѣсни и хороводы шли въ перемежку. Нынѣшній почититель баловъ не вдругъ бы догадался что творится предъ его глазами? Этикетъ игры въ комнатѣ, какъ судьба въ мірѣ, то сводитъ лицомъ къ лицу молодыхъ счастливицевъ, то въ этой же комнатѣ, опять какъ судьба въ мірѣ, разводитъ ихъ вдале по разнымъ угламъ.

Но нынѣшній почититель баловъ довольно ли знакомъ со стариной?

Тутъ-то будетъ вполнѣ уместно договорить, какъ митрополитъ Даниилъ укорялъ молодежь, и не одну молодежь, время даже не Алексѣя Михайловича, даже не Иоанна Грознаго, а при сынѣ третьяго Иоанна. Изъ-за дами четырехсотъ лѣтъ звучать его такіа слова: «Какъ глазами мигнуть, какъ головой кивнуть, какъ сложить пальцы или ноги выставить — только о томъ и думаютъ. О красотѣ сапожной весь умъ имѣютъ. Красоту свою разными кознями ухищряютъ: уставляють себѣ походку, сапоги малы зѣло закажутъ, пусть даже ногамъ отъ тѣсноты гнетеніе, лишь бы скакать щеголевато. Женамъ позавидѣвъ, продолжаютъ онѣ, юноши мужское свое лицо на женское превращаютъ, много умываются, натираются; благоуханіемъ помазавъ, ланиты свѣтлы творятъ, и ихъ лица

будто лучами, какъ драгоценный камень, сияютъ». Строгаго обличителя свѣтскихъ нравовъ поражаетъ въ молодежи того вѣка особенно то, что не только сапоги ушиваютъ себѣ шелкомъ или руки украшаютъ перстнями, но то, что каждый даже подъ безукоризненно своею сорочкой, «иже никому же зрящу», говорить онъ, «хочетъ непременно имѣть опоясаніе драгое, пуговики золотыя и серебряныя».

Лёвинъ тетка, молодой князь Львовъ, былъ счастливѣй; онъ возлѣ Лёвиной сестры случался то и дѣло. Однакожъ маменьки, сидѣвшія по стѣнамъ, видѣли молодого князя Львова все больше рядомъ съ посмѣшною Кузминичной. Какъ будто она одна его занимала. Странно, думаетъ Левъ, почему про Софью Даниловну думали, что ее держать затворницей, такъ ей и не веселѣ будетъ веселый шумъ? Она лучше всѣхъ еще, выходить, каждую игру знаетъ. Ровесницы то и дѣло ее старостой выбираютъ.

Князь Мартеньяновъ-Рущкій таки добился своего, ему удалось проникнуть въ угольную комнату. Вдругъ онъ сталъ двигать стулья; опять стали разсаживаться въ кружокъ: начали играть въ птици. Всѣ въ этой игрѣ то и дѣло переселились и пересаживались другъ къ другу.

— Какая ты птица?—спросили князя Львова.

— Филинъ!—отвѣчалъ князь Львовъ, и всѣ разсмѣялись.

— Куда летишь?

Онъ такъ и бухъ «къ канарейкѣ!» Канарейкой назвалась Настасья Григорьевна; туда и полетѣлъ филинъ; а Кузминична на ухо шепнула:

— Вотъ и пригодились старая! знала какую тебѣ давеча птичку назвать.

Кукушка, княжна Зина, очутилась въ кругу. Она круто подошла къ Леву.

— Какая твоя птица? веди ей летѣть!—сказала она сурово.

— Кречеть!—наугад молвил царскій сокольникъ.

И кречеть къ нему прилетѣлъ, сама Софья Даниловна. Левъ даже былъ испуганъ: почему она кречетомъ назвалась? Почему онъ сказалъ «кречеть»?

— Фазанъ-птица!—кликнул торжествующій князь Мартеньяновъ-Рудкій и озирался кругомъ.

Но на его долю сама тучная Кузминична теперь очутилась въ кругу. Князь Львовъ опять разсмѣшилъ всѣхъ.

— Какая ты птица?—спросила его посмѣшная.

— Щука!—громко кликнулъ князь Львовъ.

— Ахъ—всплеснула руками сидѣвшая противъ него Настасья Григорьевна, такой и птицы нѣтъ!

Только что было князь Львовъ вышелъ изъ игры на минуту: ему жарко стало, захотѣлось холоднаго медку хлебнуть, вдругъ за нимъ въ коридоръ летитъ фазанъ-птица.

— Князь-братъ, не уходи; опять зовутъ; имъ, молъ, безъ тебя неимется.

И князь Львовъ вбѣжалъ, даже закашлялся: второпяхъ у него медъ попалъ не въ то горлышко.

— Къ кому летишь?—спросили у него, когда онъ опять сѣлъ въ кругу.

И онъ въ третій разъ разсмѣшилъ всѣхъ.

— Къ нетопырь-птицѣ!—И прямо за стулья, вонъ изъ круга, полетѣлъ къ посмѣшной Кузминичнѣ, и всю игру спуталъ. Даже мамки, толпившіяся въ дверяхъ, весело зашумѣли.

Молодой князь Львовъ, случившись у Лёвы въ комнатѣ, самъ съ нимъ заговорилъ про Обрескову.

— Преобидная! вѣдь глазомъ ни на кого не поведеть, хоть ты что. А ты замѣтилъ? Вѣдь взглядъ-то у нея отцовъ?

— Удивительная она!—задумчиво отвѣчалъ Левъ.

— Пойдемъ однако тетка, мы туда удивляться: пора!—отвѣтилъ невзначай князь Львовъ, и побѣжали.

Чаще и чаще Левъ сходилъ съ Обресковой; но да-

же незначущихъ, самыхъ короткихъ словъ не смѣнили они. И «въ веревочку» сыграли, и «въ уголки» (такъ, кажется, эта игра звалась), и «въ народы». Если Анастасьяна мамушка звала Настеньку «малою китайскою куколкой», и это названіе къ ней шло, то Софью Обрескову именно можно было назвать черкешенкой. Она лучше всѣхъ сложена, она рѣшительно казачка.

— Щирый царедворецъ,—сказалъ про отца Софьи Даниловны пріѣзжій украинецъ.

По случаю присоединенія Малороссіи къ державѣ Алексѣя Михайловича въ то время было много украинцевъ въ Москвѣ. Съ казацкими усами, съ косой за ухомъ на обритой головѣ, въ полупольскомъ одѣяніи, одинъ изъ нихъ круга сейчасъ былъ на святочной вечеринкѣ у Засѣкиныхъ. Лёва не слыхалъ, за что именно украинецъ такъ обозвалъ околыничаго; но это «щирый царедворецъ» плутовски, при прищуренныхъ глазахъ и лукавомъ тѣлодвиженіи, сказанное хохломъ во слѣдъ отходившему Обрескову, такъ и звенѣло у него въ ушахъ.

Левъ со своею двоюродною сестрой, княжной Зиной, съ самаго пріѣзда были холоденъ и неразговорчивъ; а теперь не отходить отъ нея: она даже дивилась. Не надо было тому дивиться: молодой хозяйкѣ, Настасѣ Григорьевнѣ, то и дѣло приходилось поневолѣ отходить прочь; тогда она съ рукъ на руки отдавала «кречета» княжнѣ Зинѣ. Для Лёвы все равно рядомъ съ родною ли, съ двоюродною ли сестрой, только онъ отъ нихъ не отходитъ. Но кто возлѣ нихъ ни случится, со всѣми, и со «сватомъ», и съ Мартеньяновымъ-Рудкимъ, и съ молодымъ княземъ Львовымъ, какое чудесное обхожденіе ея! Софьянѣ образъ все сильнѣе, все неотразимѣе обворожалъ Левину душу. Прежде его поражала въ ней эта съ ногъ до головы молодежавшая статность; теперь его плѣняла во всемъ обхожденіи эта чудная осмотрительность ея.

Молодая хозяйка, Настасья Григорьевна, то и дѣло

уводила подругъ въ свои комнаты, а Левъ Григорьевичъ, самъ тутъ въ домѣ молодой хозяйки, еще и за порогъ провожаетъ ихъ. Онѣ пойдутъ лѣстницей вверхъ, а онъ боковымъ коридоромъ въ свою половину. Софья Даниловна всѣ комнаты по ихъ дому исходила. Сестрица Настасья Григорьевна тайкомъ призналась Лѣвѣ (и Бога ради не выдавать ее просила), что онѣ даже и у него на минутку побывали. Сестра думала обрадовать брата; а онъ вдругъ смутился. Чего годъ и два ему даже во снѣ не снилось, того теперь ему мало.

Онъ хочетъ говорить съ Софьей Даниловной долго и много, и чтобъ имъ не мѣшали. Онъ хочетъ имѣть право и на людяхъ звать ее своею безъ всякой утайки. Но только мечтамъ волю дай, почтешъ былъ за небывицу.

И въ головѣ небывицы бродятъ, а очнется, и Софья Даниловна, въ окруженіи свѣтлой толпы, стоитъ для него неприступная. А уже въ окно совсемъ ночь глядитъ; сейчасъ домой отвезутъ Софью. Левино сердце сжималось смертельною тоской: «Кому, кому ты, Софья Даниловна Обрескова, достанешься подъ вѣнецъ? Хилому боярину, можетъ быть, недостойному твое счастье устроить». Лѣвѣ казалось, что отецъ Софьи Даниловны зоветъ его «молокососомъ».

Бѣдная Настасья Григорьевна къ концу вечера безумнаго никакъ не пойметъ: чего жъ онъ, въ самомъ дѣлѣ, отъ нея хочетъ? Она ужъ и такъ поминутно отрывается для него отъ блочураго сокольника; все время съ «кречетомъ» подъ ручку ходить. Она ужъ и безъ того на каждомъ шагу не то съ Софьей, не то съ своимъ братцемъ разговоръ заодно ведетъ и то и дѣло заставляетъ ихъ перепутывать свои рѣчи.

А Левъ, чѣмъ больше давай ему воли, тѣмъ хуже; ни на шагъ не отступаетъ отъ нихъ. Вотъ ужъ не только вышелъ съ ними за порогъ, а даже у лѣстницы не повернулъ въ свою половину.

Настасья Григорьевна, что ей дѣлать, рѣшительно не знала; нарочно у самой лѣстницы, внизу, замедлила эту встрѣчу. На ту бѣду княжна Зина чѣмъ-то въ играхъ обидѣлась; вдругъ порхнула легкою птичкой вверхъ и тамъ въ Настенькину комнату, даже внизу было слышно, хлопнула дверью. Настенька, уже довольно времени помедливъ, волей-неволей, наконецъ, пошла наверхъ; а Лѣва, самъ третей, за ними туда же по ступенямъ. И вотъ они втроемъ за бѣло-липовою балюстрадой, на самой площадкѣ. Настасья Григорьевна слышитъ за дверью, въ ея комнатѣ, много подругъ собралось; даже тамошній ихъ смѣхъ слышенъ здѣсь, хоть и глухо. А Лѣва стоитъ, не отходить прочь. Бронзовый рожекъ малой лампы со льнянымъ масломъ освѣщаетъ полусумракомъ эту маленькую площадку; длилось молчаніе.

Настасья Григорьевна, умная Лѣвина сестра, тогда къ себѣ въ комнату «булавку приколотъ» пошла.

И вотъ они остались вдвоемъ, съ глазу на глазъ, на локоть другъ отъ друга. Между ними сила прошла. Они стояли одинъ на одинъ, между собою близко, и ея грудь и его грудь заодно колыхались; и сила между ними росла и давала имъ себя чувствовать съ ногъ до головы обоямъ; и вотъ уже ихъ взоры сливаются и въ воздухѣ замерли въ одинъ поцѣлуй... У Левы задрожали губы, взялъ ее за руку и вдругъ говорить...

— Софья! любишь ли меня?

Можно было слышать стукъ его сердца.

— Давно, Левъ Григорьевичъ! — внятно дала она отвѣтъ.

И оба, какъ пробудились. Только теперь разбираютъ, что это они наверху, на площадкѣ, и свѣтитъ имъ бронзовый рожекъ малой лампы. Теперь только опять разбираетъ она предъ собою его блѣое лицо, его черныя локоны, и его, какъ у царскаго кречета, неподвижные яркіе глаза. Тоже теперь и онъ отличаетъ ее предъ

собою, всю въ атласѣ, съ золотымъ легкимъ обручемъ въ волосахъ, съ алмазными серьгами въ тонкихъ ушахъ; и вся она предъ нимъ, какъ Божій день, жива и свѣтла.

Настасья Григорьевна «приколоть булавку» ушла отъ нихъ только на минуту и сейчасъ опять была тутъ. Она повела «кречета» за собою. Въ ярко-освѣщенной комнатѣ Софья Обрескова попала въ шумный кружокъ боярышень, и какъ ничего не бывало. Софья на мамка, Васяиса Пахомовна, и Анастасьяна, Домна Борисовна, обѣ, увидавъ своихъ боярышень рядышкомъ, встрѣтили ихъ восклицаніями.

— Вась-то намъ и недоставало; просимъ милости садиться!

Одна кинулась фату приколоть; другая — сахарной малиновой воды подать.

Левъ съ сестриной лѣстницы обѣжалъ въ свою комнату, какъ полоумный.

Ни разу еще ни одного слова другъ другу не сказали они. И вотъ, тамъ наверху, было ихъ первое слово!..

Съ нимъ произошла мгновенная перемѣна. Онъ вдругъ сталъ важенъ, тихъ... Какъ будто всѣ эти годы, и дѣтство, и отрочество, все онъ къ чему-то шелъ. И вдругъ сбылось! И онъ чувствуетъ: ужъ на всю его остальную жизнь сбылось теперь.

„Слава на небѣ Солнцу красному,
Слава!“

раздавалось между тѣмъ въ гостининой палатѣ. Пиръ заканчивался по обыкновенію застольною боярскою пѣсней.

Но когда и онъ уже сидѣлъ за общимъ длиннымъ столомъ, и кубки пѣнились хмѣльными медами, когда обѣ руку сидѣвшій князь Львовъ подливалъ себѣ стаканъ за стаканомъ... самъ Левъ ничего изъ окружающаго не понималъ.

Скоро всѣ изъ-за стола встали. По двору замелькали слюдянные фонари; въ передней подавались шубы; слуги хлопали дверями. По временамъ даже въ домъ со двора залетали крики: «возокъ князя Львова!.. Лошадей Голяцына подавай!..»

Въ эти краткіе оставшіеся промежутки, въ суматохѣ отъ провожанія гостей, сама Софья Даниловна успѣла ему передать двѣ-три краткія отвѣтки.

— Отцу не надо говорить до времени! — сказала она. — Ты не знаешь его, а я знаю.

Онъ было возразить.

— Надо, чтобъ ему самому такъ задумалось, — сказала она, когда онъ умолялъ объяснить, по крайней мѣрѣ, почему такъ...

Но ея ли однакожъ это отвѣтъ быть? Не ему ли только изнутри души прозвучало? Но онъ помнитъ даже ея тѣлодвиженіе при этомъ:

— Ни! — повела она вдругъ рукой: — все тогда наше счастье порушится.

И долго, и во всю ночь, безумный еще наполовину не во снѣ, а на яву забывался. Роились, волновались образы, какъ водны медоваго запаха за ужиномъ по палатамъ.

Глава VI.

Загадка.

Пора сказать, что «маменька» Наталья Ивановна Обрескова, была вовсе не маменька Софья Даниловна. Ея родную звали Варварою Глѣбовной. Варвара Глѣбовна умерла на другой годъ своей свадьбы.

Софья Даниловна, конечно, не могла ее помнить, а самъ окольникъ никогда не говорилъ о покойницѣ. Но преданіе о матери сроднилось съ Соней отъ пеленокъ. Да и весь домъ почиталъ память Варвары Глѣбовны за святыню. Въ покоѣ Даниила Ивановича, въ темномъ углу, виситъ большая картина, затянутая зеленою тафтой. Въ домѣ всякій зналъ про эту картину; это (какъ говорилось на тогдашнемъ языкѣ) — *персона*. Въ дѣтствѣ Сонечки, когда разъ окольникъ уѣзжалъ куда-то изъ Москвы по царскому порученію, маменька Наталья Ивановна (Софья Даниловна, это живо, какъ сейчасъ, помнить) снимала со стѣны портретъ, откидывала съ золотой рамки тафту, стирала пыль съ масляныхъ красокъ, и со слезами на глазахъ обѣ долго смотрѣли на него.

Что же Сонечка увидѣла?

Этотъ сонъ предъ ней живымъ явомъ стоитъ. Кроткое ангельское лицо, порывающееся какъ бы улыбнуться, но запечатлѣнное тайной чудесной угрюмостью; ни на что не устремленный взоръ задумчивыхъ голубыхъ глазъ, и весь полусклоненный нѣжный обликъ: такую изобразилъ Варвару Глѣбовну масляными красками на холстѣ польскій живописецъ.

Всю свою молодость Данило Ивановичъ провелъ въ Польшѣ, вдали отъ родины, и можно сказать, безъ извѣстій изъ родного дома. (Завѣщанные еще смутнымъ временемъ, тогда тинулись нескончаемые переговоры съ сосѣднею державой.) Воспоминаніе о Польшѣ Обресковъ сохранилъ на всю жизнь, какъ преданіе о собственной юности. Ему нравилась аристократическая жизнь магнатовъ-пановъ; онъ сошелся съ ихъ обычаемъ; не только говорилъ по-польски, но навѣкъ разбиралъ и латынь, и всегда ихъ образованность, противъ московскихъ, хвалилъ.

Женитьба его была въ Вильнѣ.

Маменька Наталья Ивановна рассказывала, что все сватовство и свадьба окончились, не по обычаю, въ двѣ недѣли. Для переговоровъ съ поляками прѣхалъ въ Вильну отъ царя воевода. Странно показалось въ городѣ: прѣхалъ на малую побывку, а съ собой дочку привезъ. По городу прошли неясные слухи: полюбила де на Москвѣ молодого; бѣжать хотѣла, а отецъ разлучилъ. Обресковъ увидалъ воеводину дочку и въ тотъ же день говорилъ своей сестрѣ Натальѣ Ивановнѣ: «Или она моя, или ничья будетъ». По словамъ Натальи Ивановны, говоря это, онъ стискивалъ рукоятку своего поясного ножа. Она увищевала его такими словами: «Какъ Богъ дастъ, а чтобы свѣтъ, братецъ, предъ Богомъ не грѣшилъ; не надо такихъ рѣчей говорить». Данило Ивановичъ всю ночь тогда не отпустилъ отъ себя сестры въ разговорахъ и стоялъ на своемъ. На другой день онъ пошелъ къ воеводѣ, а черезъ двѣ недѣли была свадьба; молодые уѣхали въ Варшаву, въ Краковъ... Но съ Москвы (какою-то роковою поспѣшностью отличалось для нихъ все это время!), съ Москвы вдругъ было получено извѣстіе о внезапной кончинѣ отца Даниила Ивановича. Обресковы перѣехали въ «бѣлый» домъ.

— Помнишь ли такое слово мое, — съ похвалой напоминалъ окольникъ своей сестрѣ уже въ Москвѣ

на новоселье. — Помнишь ли такое слово мое: или она моя, или ничья будеть?

Не прошло году послѣ такой похвалы, Богъ и сдѣлалъ, что Варвара Глѣбовна «ничья» стала. Она родила дочь и умерла.

Съ той роковой години околыничій неизмѣнно одинъ; и обычай у нихъ въ домѣ одинъ. На государственной службѣ, коли на то поидеть, онъ животь положить; а у себя дома — хозяйинъ; ни самъ въ люди, ни къ себѣ не зоветь. Сиротѣ своей дочери не только, дескать, отецъ, а онъ, видите ли, ей «и за мать родную нужень теперь». Съ сестрой онъ и прежде былъ неразлученъ: они вмѣстѣ, вдали отъ родителей, жили другъ съ другомъ даже въ Польшѣ. А тогда онъ ей прямо сказалъ: «Ты глупа; на своей волѣ безъ меня пропадешь, а замужъ идти твои года прошли. Оставайся со мной. Тебѣ у меня хорошо будеть». И Наталью Ивановну всѣ въ домѣ стали съ тѣхъ поръ кликать «маменькой». Она волей-неволей обрела себя быть вѣковой дѣвкой; только охала и ахала, а ужъ мало и разговаривать стала, въ какую-то молчаливцу превратилась. Только этого братекаго слова: *твои года прошли*, она не могла простить околыничему, въ сердцѣ глубоко затаила.

Даже въ гости рѣдко просилась Наталья Ивановна. Онъ всегда находилъ предлоги къ отказу. Одинъ былъ ей всегдашній выѣздъ, и тутъ она никого не спрашивалась: это въ церковь къ Тихвинской. Покойная Варвара Глѣбовна послѣднее время своей жизни, казалось, всю отраду находила въ томъ, чтобы ей предъ образомъ Тихвинской Божіей Матери молиться. И вотъ гдѣ она, Варвара Глѣбовна, ставала обыкновенно въ церкви у малой часовенки предъ образомъ Тихвинской, на томъ самомъ мѣстѣ «маменька», Наталья Ивановна, обыкновенно устанавливала малютку Сою.

Но сама Софья, бывъ еще ребенкомъ, Наталью

Ивановну не звала «маменькой»; совершенно ребяческое названіе придумала она для нея: «тетя-мама». Выросла большая и все попрежнему Наталью Ивановну «тетей-мамой» зоветь.

Такъ они жили цѣлые годы. Дѣвочка подрастала. Мамка ея, Василиса Пахомовна, была прежде дѣвушкой Натальей Ивановны; она жила съ господами еще въ Вильнѣ и въ Польшѣ. Если не отъ своей «тетямамы», такъ именно отъ мамушки Василисы Пахомовны боярышня могла много кое-чего слышать. Дочь страстно любила отца; но по временамъ ея чувство смущалось. И чѣмъ болѣе, годъ отъ году, боярышня подрастала, тѣмъ все яснѣе чувствовала, что несетъ какое-то иго на себѣ, — иго, хотябъ его и любовью называть.

Очень смущалъ Сою злой языкъ отца. Его рѣчи всегда были мрачныя. Какъ часто, выслушавъ какое-нибудь рѣзкое его слово, она истиннымъ ребенкомъ пугалась за него!

— Батюшка! Или ты... въ Бога не вѣруешь? — говорила она, устанавливая, двѣнадцатилѣтняя, прямо въ него свои дѣтскіе, чистые глаза.

— Въ Бога, молъ, какъ не вѣрить, дитя?

— Нѣтъ, ты въ людяхъ Божьей правдѣ не вѣруешь, вотъ что, — настаивала она.

— Люди — всегда люди! — читалъ мораль старикъ Обресковъ. — Только хорошо когда подумаю о комъ, — глядь, впросакъ и попадешься. А ты въ людяхъ не ошибаться хочешь ли? Думаю о нихъ всегда чего гаже нѣтъ, ошибки не будетъ.

И ни о комъ добраго слова никогда.

На что хоть бы московскіе ихъ сосѣди!

На Москвѣ есть даже поговорка: Застѣнныхъ-Рындныхъ — благословенный домъ. А и про нихъ Софья ничего не слыхала добраго въ рѣчахъ отца. А одно слово и очень зашло въ памяти у ней. Это было слово про Лѣву.

— И чего они опять Лёвкой своимъ чванятся!—ни съ того, ни съ сего вдругъ молвить окольничій.— Смазливъ, да! пригожъ малый, нечего говорить. Да это не парень, а дѣвка.

Что не то чтобы Данило Ивановичъ золь быть. Софья, напротивъ, видитъ поминутно, какъ всѣмъ истинно-бѣднымъ людямъ ея отецъ не нищенскими мѣдными грошами, какъ у бояръ на Москвѣ это въ обычаѣ, а воистину помогаетъ. Софья слышитъ то и дѣло... чуть въ какой-нибудь семьѣ случится злое... какъ горячо старикъ Обресковъ къ сердцу принималъ! и какъ здраво о другихъ всегда судилъ!

Софья, слушая умиля и добрыя признанія своего отца, втайнѣ гордилась своимъ отцомъ.

Но если дочь гордилась своимъ отцомъ, такъ отецъ ужъ и вовсе былъ безъ ума отъ своей дочери. «Что?! Для Сонечки моей ровня?!—вскрикнулъ онъ какъ-то разъ и накинудся на маленьку Наталью Ивановну; глаза его сверкали. Они сидѣли только вдвоемъ, и тогда Софья шель всего 12-й годъ.—Что? Софья выросетъ, такъ надо будетъ ей ровню подобрать! а? Да гдѣ жъ ей ровня-то сыщется, гдѣ? Мало что въ цѣлой Москвѣ, въ цѣломъ мѣрѣ—знай—для моей дочери ровни нѣтъ!—Глаза его скосились, длинные сѣрые усы шевелились.—Знать и не будетъ», коротко сорвалъ окольничій и весь тотъ вечеръ больше не сказалъ ни слова.

Натальѣ Ивановичѣ одно только странно: такъ нѣд почти такъ всегда въ былую пору Данило Ивановичъ съ ней заговаривалъ про Сою; въ былую пору иногда хоть въ шутку поминалъ о ея свадьбѣ. А теперь, какъ она невѣста—никогда. Онъ только чаще повторяетъ сестрѣ, что онъ съ дочерью душа въ душу.

И правда! Довольно было взглянуть хотя бы на теремокъ Софьи Даниловны, какъ онъ убранъ, изукрашенъ, расписанъ, и всякій бы сказалъ со стороны, что отецъ ни въ чемъ не отказывалъ своей дочери, что въ доставленіи ей удовольствій старикъ положилъ.

всю свою душу. И въ выборѣ шелковыхъ занавѣсокъ, и цѣстныхъ ковровъ, и въ веселой щеголеватости роскошнаго полога, который отдѣлялъ Софьину спальню, и въ миловидности того уголка, гдѣ, вмѣстѣ съ зеркальцемъ въ серебряной оправѣ, красовались на перламутровомъ столикѣ драгоценныя бездѣлушки боярышни; наконецъ, въ живописномъ убранствѣ косяцатаго окна, изъ котораго весь дальній Кремль былъ виденъ какъ на ладони, и въ Вербное Воскресенье боярышня могла видѣть изъ него даже всю панораму крестнаго хода,—во всемъ тутъ проглядывала страстная заботливость старика, чтобы уголокъ-теремокъ его дочери изъ самыхъ лучшихъ всѣхъ лучше былъ. Во всемъ тутъ сквозила его собственная душа: все было приновлено по его личному усмотрѣнію, по его личному вкусу. Большое стариковское кресло, на которомъ синій атласъ былъ весь прошитъ яркими разноцѣстными шелками, поставилъ онъ для себя тутъ въ углу.

Только, бывало, Софья, сидя одна, позабудется у себя въ терему, вдругъ занавѣсъ вхожей двери зашевелился, дверь тихо растворится: это батюшка родной къ ней пришелъ. Какъ часто, когда она еще только на зарѣ пробуждалась отъ утренняго сна, едва глаза раскроетъ, ужъ видитъ: длинная густая борода съ просвѣдью не шевелится въ углу, сидитъ онъ на своемъ креслѣ въ ея терему; глазъ съ нея, даже со спящей, не сводить. Какъ часто, когда она садилась за зеркало расчесывать свою косу, вдругъ самъ старикъ бралъ ея гребень въ руки и мамку отгонялъ прочь. «Нѣтъ, молъ, у тебя матери родимой; кто жъ, кромѣ отца, и приласкаетъ?» И съ длинныхъ своихъ усомъ нѣтъ-нѣтъ слезу утиралъ.

Глава VII.

Зачѣмъ прїѣзжалъ старый князь Львовъ?

Праздники прошли.

Домъ Засѣкиныхъ-Рындиныхъ опустѣлъ. Московскія подружки Настаси Григорьевны разѣхались по своимъ домамъ, а съѣхавшаяся родня—по дальнимъ городамъ.

Задумавъ по минувшимъ святкамъ Левъ. Прошло нѣсколько воскресей; каждый разъ онъ успѣвалъ за обѣдней оглянуть статный и стройный обликъ Софьи.

Но вотъ однажды былъ большой праздникъ, и въ церкви было многолюдіе обыкновеннаго, а онъ «никого» не видалъ за обѣдней. Новое воскресенье—опять «никого». Четвертое, пятое воскресенье... Кроткій дѣкъ Тихвинской Божіей Матери съ неизъяснимымъ милосердіемъ взиралъ на молящихся. А Лѣва даже подойти къ Ней поставить свою свѣчу забывалъ.

Приближалась масленица, опять праздничная сума-тоха! Лѣвинъ товарищъ, молодой князь Львовъ, заранѣе восхищался, какъ онъ теску по всѣмъ улицамъ покатытъ! «А какая у меня, тезка, новая тройка!» И молодой Львовъ взмахивалъ лыняными кудрями. Теперь ужъ у него собрана тройка бѣлыхъ коней съ черной отмытиной во хвѣ.

Вотъ и блины пришли.

Даромъ что въ тотъ годъ масленица была изъ раннихъ, а свѣтъ наводенъ былъ вездѣ по улицамъ; грачи

прилетѣли; троечные сани захлестывало навозною жижей. Нигдѣ Лѣва не повстрѣчалъ чуждаго облика въ статной соболиной шубейкѣ, какъ они ни катались съ угорѣлымъ княземъ Львовымъ и по Покровкѣ, и по Мясницкой, и по Лубянкѣ.

А князь Львовъ все чаще показывался у нихъ въ домѣ: теперь ужъ случалось на дню по нѣсколько разъ его щегольскія сани круто заворачивали во дворъ со львами на воротахъ, гдѣ одинъ щить радушно зазывалъ надписью: «Добрые люди, милости просимъ!»

Разъ, когда послѣ обѣда бояринъ Григорій Романовичъ проснулся у себя въ покоѣ еще веселѣе чѣмъ былъ по утру, Лѣвъ вошелъ къ нему съ обычною за это время угрюмостью на лицѣ.

— А, Лѣвушка,—сказалъ отецъ,—садись-ка. Потолкуемъ кой о чемъ. Да притвори двери.

Левъ по всему догадался что отецъ хочетъ передать ему что-то важное. Онъ скорѣй притворилъ дверь и живо сѣлъ на угольной лавочкѣ.

— А? что жъ, Лѣва,—спросилъ отецъ, глядя прямо въ глаза сыну.—Радъ, что ли, будешь сестринну счастью? Да ну, говори же?

Левъ остановилъ изумленный взглядъ.

— Ужъ полно!—добродушно улыбулся отецъ:—думаешь не знаю, зачѣмъ товарищъ твой повадился къ тебѣ часто ѣздить? Признавайся, нравится ему, что ли, твоя сестра? Или о томъ ваши рѣчи?

И когда еще Лѣва видимо недоумѣвалъ: шутить ли, правду ли говорить отецъ, этотъ, вставая, уже трепалъ его по плечу и говорилъ съ важною разстановкой:

— Знаешь ли, съ чѣмъ вѣчоръ тутъ у меня сидѣлъ старый князь Сергій Петровичъ? а?

— Батюшка!—кликнулъ Левъ, вскочивъ съ лавки.—Или точно говоришь правду: значить Саша за сестрицу посватался?

Онъ перекрестился.

— Да, — откликнул взволнованный старик. — Открылся твой тезка своему родителю! Что ж? (Старик уже утирал слезу.) Детей своих счастьем... который же отец не радъ былъ бы?

Лёва теперь крестился уже на большой оплечный Спасовъ образъ въ углу.

— Дай Богъ счастья сестрицѣ! — сказалъ онъ, видимо взволнованный. — Такая она, голубка, добрая и тихая, да и умная! А Сашу я знаю. На лицѣ улыбочки, на языкѣ шутивыя рѣчи; а надо будетъ, и вотъ какъ, батюшка, онъ за сестрицу до смертнаго конца постоитъ. Не тебѣ, своему родному, а всякому отцу готовъ я такого сына пожелать...

Голосъ его прервался.

Старикъ обнялъ его съ небывалою еще нѣжностью и также смолчалъ.

Глава VIII.

Семейные разговоры.

А въ тотъ самый часъ какъ здѣсь такимъ образомъ бесѣдовали отецъ и сынъ Засѣкины-Рындины, въ соседнемъ «бѣломъ» домѣ также шла бесѣда.

Окольный Обресковъ всталъ изъ-за обѣденнаго стола вмѣстѣ съ Софьей Даниловной и Натальей Ивановной. Обыкновенно онъ ложился отдыхать въ эту пору, прежде чѣмъ ѣхать вновь въ послѣобѣденное засѣданіе на Государевъ дворъ, въ думу. Софья простилась съ отцомъ и пошла къ себѣ наверхъ; также и Наталья Ивановна. Она поблагодарила по своему обычаю братца за хлѣбъ за соль и направилась въ свою половину. Вдругъ окольный остановилъ ее словами:

— Матушка сестрица, напийся ужотко, а теперь зайди мало ко мнѣ.

Такъ и ослѣла на полдорогѣ Наталья Ивановна.

Все это время, надо сказать, у нихъ въ домѣ зачалось что-то недоброе. Ничего, кажется, особеннаго не случилось; но Данило Ивановичъ съ утра вставалъ не веселъ. Съ Софьей онъ почти не разговаривалъ. Маменька Наталья Ивановна упрасивала Сонечку открыть ей тайну: что такое между нихъ вышло? Софья — правду ли, нѣтъ ли говорить — и разумомъ понять не можетъ о какой тайнѣ ее спрашиваютъ.

Софья Даниловна, какъ всѣмъ на свѣтѣ, такъ и своей тетѣ-мамѣ, говоритъ всегда правду, и только одну правду. А если она ничего не могла рассказать

на «маменькины» разспросы, такъ именно потому, что до сихъ поръ сама въ большомъ недоумѣніи. Не то чтобы прямо спросить отца какъ онъ взглянетъ на ея бракъ, и избави еще Богъ произнести Лѣвину имя; не то чтобы даже полунамекомъ высказать ему про какую-нибудь съ своей стороны рѣшимость, но, чтобы только поразвѣдать его мысли, Софья Даниловна какъ-то недавно въ своихъ обычныхъ съ нимъ разговорахъ, спросила его:

— А какихъ лѣтъ была маменька, какъ повѣчалась?

И съ того мига у нихъ въ домѣ все кверху дномъ. Отецъ подолгу заскижился въ своей комнатѣ, запершись на ключъ. Наталья Ивановна расхворалась.

Сестрѣ до нынѣшняго дня околичнѣй не говорилъ ни слова; но когда не въ урочный часъ онъ кликнулъ ее къ себѣ послѣ обѣда, такъ старухѣ, правду сказать, это братцево приглашеніе хуже стариннаго зова въ орду показалось.

У себя въ покоѣ околичнѣй уже сидѣлъ на широкой лавкѣ, обитой малиновою кожей въ мелкихъ золотыхъ звѣздочкахъ. Его бѣлая рука покоилась на маленькомъ кругломъ столикѣ. Наталья Ивановна крестилась троекратно на образъ; потомъ молча поклонилась въ полъ государю-братцу по приходѣ въ его покой и въ отдаленіи сѣла въ углу на лавочку. Молчаніе длилось, старуха сгорбилась и лицомъ въ полъ глядѣла.

— Вотъ что, матушка сестрица...—началъ околичнѣй и положилъ ногу на ногу, сталъ нангравать по столу сухощавыми пальцами.

— Что такое, государь братецъ?

Ей становилось часъ отъ часу не легче.

— Ужъ дѣвка-то напѣла въ года входить, а?

Глаза его сверкнули.

Наталья Ивановна заглянула ему въ лицо и промолчала.

Околичнѣй оторвался отъ столика, даже отставилъ его прочь, и сталъ тихо поглаживать свою бороду.

— Какъ бы, говорю, ей и дурь въ голову не вошла? Ась?

Онъ глазъ не сводилъ съ Натальи Ивановны.

— Извѣстно, государь-братецъ... не вдругъ, а долго подумавъ, отвѣтила старуха.—Такія лѣта Софьи станоятся... И не договорила опять; словно выпытывала: точно ли спрашиваютъ ея мнѣнія? вызнать ли ее только хотѣтъ?

— Ну?—спросилъ околичнѣй, и Наталья Ивановнѣ показалось что она въ государевыхъ очахъ даже ободреніе своимъ глупымъ рѣчамъ прочтала.

— Неравно кто и пригланется!—уже совершенно простодушно досказала старуха.

Какъ искра въ порошокъ попало такое слово.

— Какъ?! крикнулъ околичнѣй, вскочивъ съ лавки.—Софья Даниловнѣ пригланется?! Дочери моей пригланется!.. Значить, по-твоему, я лгалъ тебѣ когда говорилъ, что мы съ ней душа въ душу. А? Пустымъ хвасталъ?..

Зрачки его глазъ косились; бѣшеный гнѣвъ вдругъ смѣнился усмѣшкой.

— Да ты никакъ ее лучше меня знаешь? а? Что же молчишь? Ужъ не у тебя ли,—что же я не спрошу?—кто на примѣтъ, а? Я бы посмотрѣлъ на молодчика, кто ей въ ровню запишется! Разодоложилъ бы голубчикъ меня; ужъ я же бы надъ нимъ и потѣшился.

Страшно вздымалась грудь старика. Онъ весь былъ кровъ, страсть.

Поздно спохватившись, что попала совсѣмъ не туда куда мѣтила, Наталья Ивановна долго перебирала, въ какую бы сторону повернуть ей свои рѣчи. А старикъ уже сидѣлъ въ темномъ углу подъ завѣшеннымъ портретомъ и, вправду ли оно было, лепечѣя въ только, все будто слезу за слезой съ длинныхъ усовъ отиралъ.

— Знаю, государь-братецъ, и кто же въ цѣлой

Москва про то не знает, вновь начала свои тихія рѣчи Наталья Ивановна. — Съ тѣхъ самыхъ поръ какъ покойница моя сестрица, а ея маменька скончалась, ты ей, Софѣ, мало что отецъ родной, ты ей и на мѣсто матери сталъ. Она отъ тебя ни въ чемъ не потаниса. Даже въ маломъ дѣлѣ къ тебѣ бѣжить твоего совѣта спрашиваетъ; а большое такое на всю жизнь дѣло какъ ей безъ твоего совѣта рѣшить? И вотъ еще что скажу, и не разстанется она съ тобой вовеѣкъ, вотъ что! Лучше захочетъ она въ дѣвкахъ сидѣть, сѣдину твою поконть. Да-а!

— Что?!—грознѣй прежняго повелъ на нее государь-братецъ глазами. — Да я людоѣдъ развѣ, чтобъ ея вѣчное несчастье изъ-за себя видѣть? Какъ ты мнѣ смѣла еги дурныя рѣчи говорить! а? Чтобъ я-то не захотѣлъ ея счастья! Да ну, говори же: не отецъ я ей, что ли? Звѣрь я у васъ въ домѣ числюсь!

Наталья Ивановна дыханіе притаила.

— Опять кто бы другой говорилъ, да не ты бы! круто повернулъ онъ свои рѣчи. — Мало еще я на своемъ вѣку, сама знаешь, перемололъ, переборолъ всего чего не всякъ другой, сказать, и вынесъ бы! А? Такъ вотъ какъ: и въ этомъ дѣлѣ таковъ же буду, да. Пусть она бы и сама, по твоимъ рѣчамъ, согласна была на то. Слышишь? Станетъ, на все станетъ ея, да! (Онъ крѣпко схватилъ сестру за руку; Наталья Ивановна со страхомъ глядѣла ему въ глаза.) Да я-то самъ... Развѣ не пожертвую собой для нея?.. А?.. Думаешь, нѣтъ? Такъ вотъ какъ: хочетъ ли она того. или не хочетъ, а это теперь мое должно быть дѣло найти ея жениха!

Попавъ мимо и въ ту, и въ другую сторону, Наталья Ивановна никакъ болѣе не могла собрать въ головѣ своихъ мыслей. «И чтобы приглянулся-то кто-нибудь Сонюшкѣ, старикъ не хочетъ; и чтобъ изъ-за него въ дѣвкахъ вѣкъ оставалась, также не хочетъ. Ужъ и не разберешь, чего хочетъ!».

— Поняла, что ли?—спросилъ околицій.

— Какъ не понять, государь-братецъ, все теперь поняла,—лукаво молвила старуха, вставая и кланяясь ему въ поясъ. — Какъ, значить, самъ въ своей волѣ положишь, государь, такъ чтобы все по твоей волѣ и было, государь. На томъ, знать, и идти велишь мнѣ, старухѣ?

Она опять крестилась на образъ въ углу.

— Гмъ!—крякнулъ околицій, почесывая затылокъ, и долго не сводилъ глазъ съ двери въ которую пропала Наталья Ивановна.

столбецъ, клочокъ бумаги въ нынѣшнюю осьмушку, сверху донизу весь въ старинныхъ каракуляхъ.

«Левъ мой Григорьевичъ какъ ужъ я тебѣ сказала что люблю тебя и теперь я пишу что никогда никого не полюблю кромѣ тебя и я знаю что самъ ты меня любишь

«Софья Обрескова».

Дольше, чѣмъ можно было это сейчасъ написать, Левъ разбиралъ волшебныя каракули.

Глава IX. Переписка.

Левъ теперь испытывалъ всюо душой, что такое называется „разлукой страдать“.

По темнымъ зимнимъ вечерамъ онъ цѣлые долгіе часы заставался на улицѣ подѣ освѣщеннымъ окномъ околыничаго. Онъ розыскалъ за ихъ «тупичкомъ» одинъ пустой заборъ, откуда, казалось ему, было видно окно Софьи. Онъ тамъ проставалъ по нѣсколь-ку часовъ, какъ прикованный.

— Тетка! Что легче всего на свѣтѣ?—спросилъ его разъ молодой князь Львовъ, думая развеселить такимъ вопросомъ.

— На свѣтѣ нѣтъ легче съ тоски умереть,—отшу-тился Левъ.

Блѣдность и еще что-то кромѣ блѣдности стали при-мѣчать на его лицѣ за послѣднее время. Минутами ужъ отчаяніе нападало.

И вотъ въ одну изъ такихъ минутъ—сестрина ли мамка Домна Борисовна принесла, сама ли Василиса Пахомовна, Софьяна мамушка, передала черезъ его няню—только онъ вбѣжалъ въ свою комнату отъ бо-ярщины съ письмомъ въ рукѣ. Онъ заложилъ дверь на крючокъ и раскрылъ.

Это былъ Софьянъ отвѣтъ на мучительныя сомнѣнія послѣднихъ шести недѣль, на зачинавшіяся по Москвѣ даже какія то глухія сплетни, на непонятное поведе-ніе всего дома Обресковыхъ. Это былъ маленький

Глава X.

Соловей запѣлъ.

Не слухи неясные, шумъ по всей Москвѣ пробѣжалъ: Софья Даниловна замужъ! И кто бы ждалъ? За кого! Это злая насмѣшка. Есть одно имя на Москвѣ, которое теперь Левъ ни самъ выговорить, ни отъ другихъ слышать не можетъ. Да нѣтъ, вздоръ.

И по всему городу онъ ловить слухи; перебывалъ въ гостяхъ у всѣхъ своихъ тетюшекъ; слеталъ и ко Спасу на Болвановкѣ, и къ Николѣ на Берсеневкѣ. На свѣтломъ праздникѣ громче прежняго — кто на комъ женится—заговорила Москва.

Входитъ Левъ къ своей веселой тетюшкѣ, Фалалѣевнѣ, а весельчакъ, рыжая борода, сплюснутый носъ, сидитъ въ гостяхъ, ухмыляется, подумаешь, сама Левина тетюшка, Фалалеевна, въ него по уши влюблена.

— Зачѣмъ, молъ, такъ про насъ думать, что молоденькой мы не приглянемся? Старуху за себя и сами не возьмемъ-съ. Такъ ли, молъ?—любезно обращается гость къ Левѣ.—Сорокъ два года не Богъ знаетъ старость какая! Да?

— А когда же свадьба? — спрашиваетъ веселая тетюшка.

— Свадьба то, молъ, когда? Да ужъ я заодно веселомъ ломаю. Заново для свадьбы, знаешь, передѣлываю.

— А на комъ, бишь, князь Илья Самсоновичъ, женился, забыла я? Не тайна, а? лукаво—прищурила глазокъ и Левина тетюшка сама.

— Молъ, тайна, Фалалѣевна, до времени!.. Хи-хи-хи! На ушко не вѣрно говорить. Такая невѣста, изволь лишь видѣть, причудница!

И больше ничего не было сказано, а Левъ советамъ разстроенный потѣхалъ домой. Такъ это правда?! Развѣ на-дняхъ не помянули ему, даже въ сокольничьей, ея имени рядомъ съ именемъ... Но Левъ даже повторить гадко. Ахъ, да!.. Вдругъ вспомнилось ему, когда молодой князь Львовъ прѣзжалъ къ нему на святкахъ, въ самый первый день Рождества, еще тогда онъ ему рассказывалъ, что въ окнѣ у окошничихъ «архiereя» видѣлъ. Ужъ вотъ откуда начиналось.

Прежде для него было цѣлымъ несчастьемъ не повстрѣчать Софьи за обѣдней. Надъ такимъ дѣтствомъ онъ самъ смѣется теперь. Но выслушивать городскіе толки о ея замужествѣ, но видѣть какъ у него изъ рукъ живую Софью Даниловну вырываютъ и другому передаютъ—это уже тотъ смѣхъ, который людей доводитъ до крови.

И часъ отъ часу не легче. И опять не одно, такъ другое. У окошничаго Обрескова при дворѣ — хоть не съ царемъ—съ кѣмъ-то, видите ли, стычка была; не хочетъ больше старый даже на Москвѣ оставаться. Левъ и всѣмъ, что видѣть, и всѣмъ, что слышать окончательно сбить съ толку.

А ужъ май стоялъ на дворѣ, на улицѣ зеленѣла липа. У нихъ въ саду соловей запѣлъ. Дни пошли долгіе; ночи свѣтлыя, теплыя. Въ комнатѣ свѣтло, какъ днемъ: зоря во всю ночь, и полный мѣсяцъ глядитъ въ раскрытое окно. Соловей по такимъ ночамъ громче поетъ.

Левъ всю ночь продумалъ. «Голубушка Настя! Послушай, сестра. Мнѣ надо, понимаешь ли, мнѣ надо Софью Даниловну видѣть. Пошли за какимъ-нибудь дѣломъ мамушку Домну Борисовну къ сосѣдямъ въ домъ». Только онъ съ такими мыслями вошелъ въ сестрину половину, а у мамки Домны Борисовны въ

гостяхъ, видѣть, и другая старуха, сама Василиса Пахомовна, за мятными пряниками и мокрымъ черносливомъ, въ углу подъ образами сидѣть. Братъ даже не пошелъ къ сестрѣ, скорѣе повернулъ опять къ выходу. Но только что вышелъ за дверь, а за нимъ, смотреть, сама Василиса Пахомовна очутилась на площадкѣ. Левъ остановился у бѣло-липовой балюстрады и глазамъ не вѣритъ: старуха молкомъ его къ себѣ рукой зоветъ.

— Соколякъ! Софья Даниловна здравствовать велѣла.— И потянулась къ нему руками.

Онъ думалъ, старуха хочетъ (какъ няня его Домна Борисовна) поцѣловать его въ самое темячко, и самъ обнялъ ее. А она вдругъ на ухо шепчетъ:

— Свѣтъ мой ясный! Боярышня велѣла, чтобы завтра, какъ станутъ къ вечеру звонить, ты бы къ ней приходилъ.

Левъ не вѣритъ ушамъ.

— Ишь, ей самого тебя надо видѣть, говорить; затѣмъ меня и прислала. Надо, говорить. Какъ ударятъ къ вечеру завтра, къ калиткѣ приходи.

И только всего. Старуха въ одну дверь, а онъ въ другую.

Глава XI.

Теремокъ.

И започивала въ самый полдень Москва.

Изъ Кремля по домамъ отъ царя разошлись бояре, пообѣдали, почиваютъ. У воротъ дворная собака нигдѣ не пролазитъ; уже давно по всей Москвѣ пѣтухи прокричали. На торговой площади тихо; на улицахъ лѣнивая тишина. Спать весь городъ, пока знойный полдень пройдетъ.

И ударили къ вечеру. Пора боярамъ просыпаться, опять собираться на Государевъ дворъ.

А Лѣва передъ зеркаломъ и умытъ, и одѣтъ, и причесанъ, какъ никогда. Въ своемъ соколяничьемъ кафтанѣ, съ щеголеватой мурмошкой на малыхъ кудряхъ, онъ майскій весенній воздухъ въ себя какъ безпамятный вливаетъ. И никогда еще свѣтлое солнце дня него такъ свѣтло не свѣтило. Даже знакомый видъ улицъ, даже причудливые выступы давно знакомой постройки навстрѣчу будто въ новомъ очарованномъ видѣ встаютъ... Волшебною кажется улица, волшебнымъ представляется синее небо надъ головой... По заборнику, откуда свѣсилась паутинистая зелень бузины, муха ли, пчела ли жужжитъ. По капустнику, по молодой разсадѣ, мелькаетъ бѣлая бабочка, и вотъ калитка.

— Свѣтикъ мой ясный!..— встрепетулась обрадованная старуха, добрая няня Софьи Даниловны, когда царскій сокольникъ, тихо отворивъ калитку, какъ духъ неслышимый передъ нею сталъ. Руки его рванулись

обнять старуху, онъ поцѣловать ее въ плечо. Василиса Пахомовна не забыла заложить калитку и переулочками березовыхъ и осиновыхъ дровъ привела его на край двора, къ угольному крылечку. Узкою, темною лѣстницей стали они взбираться подъ своды; молодой сокольникъ, затѣвъ дыханіе, ловко всходилъ по обшмыганнымъ каменнымъ ступенямъ. Въ сѣнцахъ вдругъ ихъ обдало свѣтомъ: красная и по красному полю бѣлые выступы церковь Тихвинской заставила вздрогнуть Лёву, вдругъ выглянувъ въ рѣшетчатое окно, сверху донизу вся ярко освѣщенная солнцемъ. Няня отворила крошечную тяжелую дверь. Пахнуло жилыми покоями, и мелькнули длинный барскій коридоръ и дубовый вощеный полъ сосѣдней комнаты. Какъ тѣни прошли они мимо. Перильчатая нарядная лѣсенка привела сокольника на площадку, тотъ въ точъ какъ у нихъ дома предъ уголкомъ Настасьи Григорьевны. Все тутъ было увѣшено цвѣтными коврами, а малое оконце завѣшено шелковою пунцовою занавѣской. Ноги слабѣли у Лёвы, голова сладко кружилась. Сейчасъ за коврами няня толкнула еще дверь и пропустила одного Лёву.

Цвѣтныя занавѣски веселыя, синій шеякъ и бѣлый атласъ по лавкамъ, голубой въ бѣлыхъ звѣздахъ коверъ на полу и на немъ знойное майское солнце, малиновый платокъ боярышни въ углу, на креслахъ, смятый лежить, отблескъ откуда-то малаго зеркала... Лёва самъ не свой на порогъ очарованной свѣтелки остановился.

Софья стояла лицомъ къ двери. Глаза ея и щеки наигрывались одушевленіемъ ожиданія. Она рванулась навстрѣчу Лёвѣ, мелькнулъ малиновый башмачокъ.

— Левъ Григорьевичъ!—возлѣ самыхъ его ушей ея голосъ раздастся.

— Софья!—кликнулъ царскій сокольникъ.

— Лёва мой!..—И не договорила; въ волненіи, безъ словъ, припала къ его плечу. И вотъ онъ видитъ на

своемъ плечѣ ея ровный, дѣвичій проборъ, и косу мелко-намелко плетеную, и всю красоту бѣлой шеи; только одно: «Софья, милая», повторяется. Но это былъ мигъ одинъ; Софья сейчасъ же оправилась молодцомъ.

— Левъ Григорьевичъ, вотъ ты здѣсь у меня! Чудо ли волшебное какое? Лёву моего я въ своемъ терему вижу!

Вся жизнь и радость, вся восторженная хвала Богу за великое счастье свое, Софья Даниловна словно ему показать хотѣла: «все ли у нея молодому по праву? Такимъ ли себѣ ея теремокъ въ своихъ мечтахъ представлялъ онъ?».

У молодого Заѣскина-Рындина голубой коверъ подъ ногами, о которомъ именно поется въ пѣснѣ: въ одномъ углу Москва съ боярами, въ другомъ углу царь съ царицей, еще въ углу король съ королицей, а на середочкѣ солнце съ мѣсяцемъ да съ частыми звѣздочками. У него надъ головой потолокъ, какъ рай земной, расписанъ невиданными травами и цвѣтами; у него на глазахъ узорчатая занавѣсъ не изъ шемаханскихъ шелковъ, а изъ китайскихъ шелковъ, загораживаетъ чуть не до потолка полкомнаты, и на ея пунцовомъ полѣ крылатые змѣи, и драконы, и грифы.

Но для него все волшебство комнаты сливается въ одинъ опьяняющій сонъ: сама Софья Даниловна предъ нимъ, не вся въ мѣхахъ, какъ онъ обыкновенно видѣлъ, а въ синей атласной душегрѣйкѣ, въ своемъ любимомъ простенькомъ домашнемъ уборѣ.

— Но намъ...—останавливаетъ его Софья, —вѣдь намъ ты самъ знаешь, всего одну минуточку побыть тутъ. Левъ Григорьевичъ, мнѣ тебѣ многое сказать надо.

Онъ только окликнулъ ее по имени, и на ней замеръ его пристальный неподвижный взглядъ. Оба молчали. Но не такова ли была и первая ихъ встрѣча? Другъ на друга устремленный взоръ, и ничего больше. Теперь они объ этомъ вспоминаютъ.

— Кто мнѣ это сказалъ?—въ чудномъ забвеніи вдругъ кликнулъ Левъ.—Кто мнѣ тогда это сказалъ?

— Лѣва, я вѣдь знала это,—перебила Софья.—Я знала, что ты любишь меня.

— Кто намъ это сказалъ?—задумчиво повторилъ Левъ.

Они сѣли на ковровыхъ подушкахъ въ углу.

Левъ видитъ множество церквей передъ собой и вдали Кремль. Все хорошо въ свѣтѣхъ у боярышни, а дальній видъ на Москву еще краше.

— Намъ всего одну минуточку побыть тутъ,—снова напомнила Софья.—Но не думай, Левъ Григорьевичъ, что я занапрасно звала тебя.

— Что такое? Говори, Софья.

— Какъ я тебѣ тогда у васъ на дому сказала, что давно тебя люблю, и какъ я тебѣ о томъ писала, что никогда никого не полюблю, кромѣ тебя... Мало того (она встала, и онъ за нею)... я теперь тебѣ вѣрно обещаю: или я твоя, или навѣкъ я ничья буду.

— Софья Даниловна!—кликнулъ Левъ.—Богъ вотъ свидѣтель мой! Никого за себя, кромѣ тебя, не возьму. Никогда не полюблю никого, кромѣ тебя.

— Такъ ты мнѣ, Лѣва, въ томъ вѣрно общаешься?—какъ безумная, обратилась она вся къ нему.—Боже, Спасъ Милосердый!—восплеснула она руками.—Ну, быть чему ни быть, а на душѣ совѣтъ полегчею!

Левъ вдругъ остановился на ней тревожный, вопрошающій взглядъ.

— Только теперь могу спокойна быть,—обратилась она къ нему.—Лѣва! затѣмъ я тебя и звала теперь, чтобы прежде всего такихъ твоихъ словъ услышать. А теперь скажу... Левъ мой Григорьевичъ! ты про то знаешь ли? Ужъ не долго намъ подъ однимъ небомъ, въ большомъ городѣ, въ Москвѣ, вмѣстѣ жить. Вѣдь уѣзжаемъ мы вдалѣ отсюда съ маленькой, съ батюшкой. Нашъ домъ, Лѣва, здѣсь, на Москвѣ, будетъ за-бѣтъ-заколоченъ стоять. Слышалъ ли? Моему батюшкѣ

сказано отъ государя дальнее, страшное воеводство... Вѣдемъ мы въ степь, къ татарамъ.

Неподвиженъ стоялъ онъ передъ ней, какъ пораженный.

— Прощай, мой Лѣва!—молвила Софья.—Приве-детъ ли когда намъ Богъ въ жизни свидѣться?—Сокрытымъ въ груди рыданіемъ она блѣднымъ лбомъ прикинула къ его плечу.

— Голубчикъ Софья! вдругъ кликнулъ Левъ.

Въ тотъ же мигъ оправившись, Софья живымъ со-коломъ маленькула за свою узорчатую занавѣсь. Она вынесла оттуда маленький, въ золотомъ обводѣ, фи-нифтяный образочекъ. Это былъ точный снимокъ въ миниатюрѣ съ ихъ храмовой иконы Тихвинской Бо-жией Матери. Она перекрестилась на образокъ, поцѣ-ловала его, и тутъ же, перекрестявъ имъ сокольника, дала и ему приложиться.

— Онъ всегда со мной будетъ,—сказала Софья, на-дѣвъ образокъ на себя,—вотъ тутъ на груди у меня. Лѣва, я теперь Ей о томъ буду больше молиться, вотъ я прямо говорю, чтобы ты не позабылъ меня здѣсь на Москвѣ.

— Софья! съ глухимъ рыданіемъ проговорилъ Левъ.—Я безъ тебя подавно жить не могу. Уѣдешь ты... Нѣтъ, не уѣзжай Софья!

Вдругъ зрачки его глазъ померкли.

— Отецъ твой!—кликнулъ онъ.—Это онъ! Говори Софья... Сватали, неволили тебя за это время?

Онъ на ногахъ шатался. Онъ какъ въ помѣшатель-ствѣ хватался за свой книжаль.

— Свѣтъ мой Лѣва!, съ чарующею нѣжностью успо-коивала разстроеннаго молодого боярина Софья Да-ниловна.—Оставь свои мысли напрасныя. Пожалуйста, я тебя прошу, успокойся... Лѣва, голубчикъ ты мой!

И ея голосъ звучалъ все нѣжнѣе.

— Или ты не радъ, что я тебя къ себѣ сама при-звала? Лѣва, вѣдь ты, другъ, въ терему у меня. По-

гляди на меня, обнесися! Я сама, твоя Софья Даниловна, возля тебя.

Она припадала къ золотому мелкому кружеву его кафтана; на ея груди, на темносинемъ атласѣ, дрожала-сверкала финифтяный образокъ. А онъ глядѣлъ на нее въ безуміи, и все его лицо выражало: «мнѣ легче на мѣстѣ убиту быть, чѣмъ дать себя развести съ ней». Онъ тихо шевелилъ губами. «Ножь...» слышалось что-то Софьѣ. Она ближе припала къ нему головой.

— На меня точать ножъ, а я будь покоенъ?—внятно прошептала Левъ.

— Намъ Богъ поможетъ!—съ увѣренностью вдругъ молвила Софья.—Развѣ ты маловѣрный? Въ Писаніи читаемъ: Богъ соединилъ, человекъ да не разлучаетъ. А насъ съ тобой кто жъ, кромѣ Бога, соединилъ? Да?

Отъ этихъ словъ сердце Лёвы волюно вострепетало.

— Да! самъ Богъ намъ другъ о другѣ сказалъ!—молвилъ онъ словами Софьи Даниловны.—Умная ты и чудесная! Пусть разлучаютъ кого Богъ соединилъ навсегда; а впередъ я твой, а ты моя; а коли я не твой, то и яичей; и если ты не моя, то ничья. Вотъ на всю жизнь рѣшеніе. Такъ, что ли? Да?

И такимъ его неожиданнымъ словомъ Софья, видимо, обрадована была.

— Другъ мой! Развѣ ты съ самаго начала не догадался? Съ тебя такого слова не взявъ и тебѣ сама про то не сказавъ, какъ же бы я теперь ухъхатъ могла? И ты меня прости въ томъ, и не вини, что я, дѣвица, въ теремокъ позвала тебя!.. Кака я умная?! Нѣтъ, не умная, а совсѣмъ безумная я у тебя.

Она полузакрѣла лицо руками.

— Ну что жъ...—вдругъ молвила Софья и совсѣмъ закрыла лицо руками.—Не могу я ничѣю, кромѣ какъ твоею, быть.

Онъ силою рознялъ ея руки и прямо ей въ очи любовался.

— Мало ли какъ ты можешь перемѣниться?—молвила вдругъ Софья.—На царской службѣ, кто знаетъ, можетъ быть въ походѣ уйдешь. Одно знай: твоя Софья Даниловна неизмѣнная. Пока Богъ не дастъ, готова ждать-терпѣть хоть жизнь цѣлую; только бы вѣра моя была цѣла, что самъ ты ко мнѣ не измѣнился. Я тебѣ, Левъ Григорьевичъ, это говорю честью. Я тебѣ это потому говорю, что не шутку малую, а всю свою жизнь теперешнимъ словомъ рѣшаю. Увидишь самъ впередъ: такая ли я точно.

— Софья Даниловна!—клятвенно клялся Левъ.—Только одною такою вѣрой и живъ буду безъ тебя; пожалуйста во мнѣ не сомнѣвайся.

— Такъ, стало быть, мы другъ другу да говоримъ?

— Да,—онъ сказалъ.

— Да,—заклѣчила Софья.—И прощай!

А ужъ звонъ отходившихъ вечеренъ замирая въ воздухѣ, народъ по улицамъ расходился изъ церквей. Вечерѣвшій май нагонялъ легкія весеннія сумерки на синее небо... Изъ окна видѣлась безконечная московская даль.

— Голубчикъ мой, прощай, Софья Даниловна!

— Прощай, милый Лёвка мой!—И смутилась: пожалуй, онъ разслышалъ, какъ она его теперь назвала?

— Неужели навсегда прощай?

Она опять мелькнула за занавѣсъ. Въ послѣдній разъ оглянулъ сокольникъ голубой коверъ у себя подъ ногами, гдѣ въ одномъ углу литва съ татарами, въ другомъ Москва съ боярами... За узорчатымъ пологомъ, на перламутровомъ столѣикѣ, боярышня по фарфору сережками и колечками прозвенѣла. Она вынесла къ нему малое бирюзовое колечко.

— Возьми мое любимое колечко!

И залюбався рында, какъ она, въ своихъ тонкихъ стройныхъ длинныхъ пальцахъ, золотое кольцо прямо къ нему бирюзовою незабудкой повернула.

— И... прощай!— договорила Софья.

Через минуту или больше послышались по лестницѣ старушечьи шаги мамки Василисы Пахомовны. Она благополучно проводила Лёву. Молодой Захвѣкинъ-Рындинъ шелъ улицей какъ ни въ чемъ не бывало.

Легче стало на душѣ у боярышни: не пустой вышелъ отъ нея молодой бояринъ, а съ ея колечкомъ.

Глава XII.

Доминъ понедѣльникъ.

Май! весна!.. Правду говорятъ: въ цѣломъ году нѣтъ краше времени, какъ отъ Святой недѣли до Троицы.

Но отъ ихъ мая-весны, ото всей ихъ сказавшейся любви, знаютъ оба, осталась имъ одна недоговорка. Софья все время слышала: онъ ненавидитъ ея отца. Левъ все время слышалъ: про отца своего не договариваетъ она.

Послѣднее время околицинъ все мрачнѣ своимъ чернымъ недугомъ страдалъ: ни утромъ, ни вечеромъ онъ своихъ нахмуренныхъ бровей не раздвигалъ. Уже нѣтъ его прежнихъ вольныхъ бесѣдъ съ дочерью! Самой Софьѣ Даниловнѣ оставаться наединѣ съ отцомъ становилось день ото дня тяжелѣй. Вотъ какъ-то разъ, въ самый разгаръ своего чернаго раздумья, онъ говоритъ ей вдругъ. «Посмотрю я на знакомую молодежь! Князь Мартеньяновъ-Рущкій, пожалуй, еще лучше всѣхъ выходить, — право такъ». Софья ни единымъ словомъ не отвѣтила ему. Съ тѣхъ поръ отецъ сталъ еще суровѣй. Князя въ разговорахъ онъ больше не называлъ по имени, а просто говорилъ: онъ, или даже самое онъ обходилъ. «Мотъ и добръ, и не мотъ, и любимъ на Москвѣ всѣми. Ужъ уродомъ-то также его никто не назоветъ. Богатства его, положимъ, не нужны; а не мѣшаютъ и они. Правда, не слишкомъ молодъ; ну, да сорокъ два года какіе это еще года! Оно даже и лучше, чѣмъ парень. Женихъ, словомъ, всѣмъ хотъ куда». А Софья? Ни единымъ словомъ опять не от-

вѣтила она. Окольный послѣ того все мрачнѣе проводилъ свое одиночество у себя въ покоѣ; все время Софья послѣ того оставалась въ своемъ терему одна. Такъ для нихъ прошла вся Святая.

И вотъ наступилъ Рождествопослѣдний.

Въ тотъ день, когда маменька Наталья Ивановна вышла изъ своего угла къ обѣду, а Софья Даниловна еще не сходила, окольный случился здѣсь раньше другихъ и весело ходилъ изъ угла въ уголъ по столовой. Наталья Ивановна, поцѣловавшись-поздоровавшись съ братцемъ, даже выразила свою радость, что видитъ его веселѣе обыкновеннаго. Тогда Данило Ивановичъ самъ заговорилъ съ сестрою: «молъ, слышала ли, по всей Москвѣ слухъ прошелъ, что на его дочери князь Мартеньяновъ-Рупкий женится? И тотъ слухъ правдивъ».

Вошла Софья. Сѣли за столъ, и втроемъ, отъ перваго до послѣдняго блюда, рѣшительно весь обѣдъ промолчали. Софья послѣ стола ушла къ себѣ наверхъ; а отецъ, какъ думали, подъ пологъ почивать. Но только что было Софья замечталась въ своемъ любимомъ уголкѣ, у занавѣси, вдругъ на ея лѣсенкѣ раздались тяжелые отцовы шаги.

Въ этотъ разъ сердце дрогнуло у боярышни. Она поскорѣй вскочила съ ковровыхъ подушекъ. Надъ входною дверью поднялась малиновая занавѣска: вошелъ отецъ. Онъ былъ въ своемъ домашнемъ, на бѣличьемъ мѣху, тафтяномъ кафтанѣ, въ тѣхъ самыхъ желтыхъ сапогахъ-бѣлые-кисточки, которые обыкновенно надевалъ со сна прямо на босую ногу; подпоясанъ простымъ кожанымъ поясомъ, за которымъ, по боярскому обычаю, у него болтался обиходный боярский ножъ. Онъ сѣлъ на свое обычное мѣсто, въ свое широкое стариковское кресло. Пасмуренъ, какъ все это время, онъ долго молчалъ; свою густую бороду съ просѣдью тихо поглаживалъ, длинные свои сѣрые усы расправлялъ въ обѣ стороны.

Софья подошла къ родителю и по обыкновенію поцѣловала его прямо въ темячко. На дочернюю ласку старикъ не отвѣчалъ. Софья захотѣла поцѣловать его руку; онъ отсторонился. Тогда она совсѣмъ припала своимъ сарафаномъ къ его ногамъ; покорно, просительно глядѣла ему въ глаза. Онъ своею отцовскою рукою ласково провелъ по ея темячку; но-руку отъ поцѣлуевъ опять отвелъ.

Морщины не сходили съ пасмурнаго лица; длинные сѣрые усы шевелились. Софья стала угадывать что отецъ начинаетъ входить въ сердце: зачѣмъ она его сама не выводитъ изъ молчанія? Зачѣмъ у нихъ разговоръ долго медлится? Но никакихъ выходовъ съ собой, даже отцу, Софья никогда не позволяла. Уперлась хоть ты что! и ничуть не начинала теперь.

— Тяжело играть въ кто кою переспоритъ, — сказала, наконецъ, отецъ и вздохнулъ глубоко. — А, кажется, мы съ тобой никогда не спорили. А, Софья Даниловна?

— Какой у насъ споръ съ тобою? — разсмѣялась Софья.

— А?

И окольный вдругъ устремилъ на дочь умные и живые глаза опять съ обычною своею, доброю, даже нѣжною улыбкой. Она придвинула столѣцъ изъ трехъ узорчатыхъ подушекъ и сѣла на него съ отцомъ рядомъ. Онъ даже Софью за подбородокъ слегка взялъ.

— Ну, а какъ у насъ споръ пойдетъ? Что тогда? — И веселая улыбка не сходила съ его красиваго, хоть и стараго лица.

— Можетъ ли быть? — чрезвычайно просто отвѣтила Софья. — Развѣ что-нибудь невозможное прикажешь?

Стиснулись брови старика. Онъ вдругъ смолкъ. Глаза его скопились.

— Богъ съ тобой! — молвила Софья, вставая. — Не хорошъ, совсѣмъ ты не хорошъ, когда такими глазами, какъ теперь, смотришь. Всегда это я тебѣ говорила.

— Вот то-то и оно, — вдруг начал окольничий, совершенно измѣняясь въ лицѣ. — Я тебѣ съ пеленокъ надѣ собою волю далъ; такъ ты меня и совѣшь уже въ руки забрала, старика...

— Прости меня, батюшка, — сказала Софья и встала передъ нимъ, поклонилась въ поясъ, — если я въ чемъ-нибудь передъ тобой виновна.

— Да нѣтъ... нѣтъ, нѣтъ!.. — Старикъ судорожно замахалъ руками. — И не должно... нѣтъ. Видно, сколько долго отцу съ дочерью ни жить, а рано ли, поздно ли, не миновать дѣвкѣ замужъ итти. А? Давно мнѣ съ къ тому принудить надо.

Софья остолебенѣла.

— И принужу... да. Думаешь, не принужу? Силъ моихъ, что ли, не хватитъ... Собою... вотъ чтò, собою пожертвую... — будто ей, а будто самому себѣ шепталъ старикъ. — А? Что жъ молчишь, Софья?

Онъ усталъ прямо ей въ лицо, и опять забѣгали зрачки его глазъ.

— Тебя возьмутъ отъ меня. Отнимутъ. Мужъ — отъ твой, онъ тебѣ другъ будетъ. А? Думаешь, не поревнуетъ?..

Старикъ глухо застоналъ. Весь онъ теперь былъ опять кровь, страсть.

— Батюшка! — сказала, наконецъ, Софья, видимо выведенная изъ терпѣнія. — Слышали ли ты, первое дѣло, отъ меня когда слово, что я замужъ ити хочу? Говорила ли я тебѣ когда-нибудь замѣчала ли во мнѣ, чтобъ я вонъ изъ дому глядѣла? А второе дѣло, вѣрно тебѣ говорю, такъ я и замужъ пойти пойду, чтобы мнѣ съ тобой по гробъ не разлучаться. Это моя мысль старинная.

— Ахъ, Софья!..

Отецъ, видимо, хотѣлъ что-то сказать, да не то начиналъ.

— Довольно я тебя знаю, — съ твердостью перебила

дочь. — Не я безъ тебя, а ты безъ меня пропадешь. Знать бы тебѣ это разъ навсегда.

— Софья! за кого жъ ты меня принимаешь? — какъ-то робко проговорилъ отецъ. — Развѣ, себя любя, могу я тебя не пожалѣть, чтобъ изъ-за меня ты навѣкъ въ дѣвкахъ оставалась?

— Батюшка! я того никакъ не сказала тебѣ! — возразила Софья.

— Да нѣтъ, нѣтъ... — Старикъ прямо ей въ лицо замахалъ руками и слышать себѣ возраженій болѣе не хотѣлъ. — Пусть, говорю, ты бы на то и согласна была, дочь. Пусть бы и рѣшила сама, а? — спрашивалъ онъ ее, косясь. — Примѣры виданы! Иная дочь изъ дружбы къ отцу на жертву обрекалась... А? Ну, говори жъ... Такіе образцы бывали!.. Да самъ-то я по совѣсти... Или я не люблю тебя; одна ты меня любишь, что ли? Нѣтъ, позабуди! не люби меня, Софья!.. не спрашивай про меня!.. Выходи замужъ, Софья.

Она хотѣла остановить его рѣчи. Онъ оттолкнулъ ее прочь.

— Батюшка, что съ тобой?

Она хотѣла у кресла припасть къ его ногамъ. Онъ оттолкнулъ уже силой.

— Я нашенъ тебѣ жениха, Софья! Ступай отъ меня. Все кончено: ты просватана.

— Я?! — крикнула Софья.

Даже старикъ былъ испуганъ. Въ мигъ куда дѣлось все его лицедейство...

Софья замерла мгновенно; вся поблѣднѣла; руки ея опустились безъ воли внизъ; ротъ раскрытъ и недвижимъ былъ. Отецъ думалъ: это она ему въ ноги падаетъ, а она, съ разметающею косою, на полъ безъ чувствъ, на голубой коверъ, въ обморокъ къ его ногамъ упала.

Старикъ вскочилъ съ кресла; забѣгалъ взадъ и впередъ; хваталъ себя за грудь; стискивалъ рукоятку своего поясного ножа; дернулъ пологъ китайскихъ

шелковъ; дверь на лѣсенку отворилъ и опять затворилъ... Потихоньку, искоса взглядывая на полъ. Стала Софья оправляться, мало-по-малу поднялась съ голубого ковра; косу оправила за плечи; блѣднымъ носовымъ платкомъ блѣдное лицо обвела.

— Вотъ онъ и споръ. Споръ и есть, — бышено кричалъ отецъ, становясь передъ нею. — Чѣмъ тебѣ князь Мартеньяновъ-Рущій не женихъ? а? Да ну, говори жь... — И онъ ее за рукавъ дернулъ. — Долго молчать будешь?

— Батюшка! — собравъ послѣднія силы, проговорила Софья. — Неводишь меня за немилаго идти. Что же мнѣ дѣлать, какъ мнѣ быть, когда на то моей воли нѣтъ?

— А! Я тебя неволю? — дрожа губами, но удивительно тихо, какимъ-то сладкимъ шопотомъ молвила отецъ. — Вотъ она любовь твоя! Такъ это-то твоя дружба ко мнѣ прекрасная? Когда кто кого любить, — крикнулъ онъ ей прямо въ лицо, — слышишь, у того своей воли нѣтъ. Слышишь ли?

И Софья никакъ не противорѣчила ему.

— Въ томъ тогда и его воля вся, — грозно подтвердилъ отецъ, — чтобъ ему, слышишь, изъ чужой воли не выходить. Слышишь ли?

И Софья опять никакъ не противорѣчила ему.

Онъ остановился въ недоумѣніи; вдругъ какой-то злобный огонекъ сверкнулъ въ его глазахъ.

— Неволю я тебя! — крикнулъ онъ ужъ въ какомъ-то кекстовствѣ. — Неволю я тебя?..

Дочь, отступивъ на шагъ, ждала взрыва.

— Такъ даю же тебѣ волю!.. — вдругъ произнесъ онъ прежнимъ шопотомъ. — Такъ даю же тебѣ волю меня ослушаться: сиди въ дѣвкахъ навѣкъ!

И хитрецъ съ ногъ до головы красавицу оглядывалъ.

— Нѣтъ, — сказала Софья, — я пойду за того, кто меня любить и кого я люблю. А безъ твоей воли я и за него не пойду.

— Нѣтъ, ужъ не неволь-ка и ты меня! — съ ѣдкою усмѣшкой перебилъ старикъ: — сиди въ дѣвкахъ вѣкъ!

— Батюшка! — зарыдала Софья и пала ему въ ноги: — безъ твоей воли я, батюшка, не пойду.

— Не будетъ тебѣ моей другой воли вѣкъ!.. Слышишь ли? — Онъ отошелъ прочь и ухватился за малиновую занавѣску.

— Батюшка! — глухимъ рыданіемъ молила дочь въ самыхъ дверяхъ, удерживая его за полу.

— Не будетъ другой моей воли вѣкъ! — грозно подтвердилъ отецъ и взмахнулъ занавѣсью надъ головой.

— Стану сидѣть въ дѣвкахъ вѣкъ! — молвила Софья, склонивъ голову, и руками оторвалась отъ его кафтана.

Онъ хлопнулъ за собой дверь; бархатная занавѣска опять въ свое мѣсто пришлась.

— Боже мой! — всплеснула Софья руками и закрыла лицо. Потомъ, добѣжавъ до постели и упавъ на колѣни, положила на нее свою голову и навзрыдъ зарыдала одна у себя. Отецъ затѣмъ и хотеть ее отдать Мартеньянову-Рущкому, что ея нелюбовь къ нему виднѣть. Это для Софьи ясно теперь! И богатъ онъ, и знатенъ онъ, и не старъ, хоть отъ двухъ женъ вдовецъ, и люди ихъ свадьбу не осудятъ; а Софья и замужемъ хоть почитать станеть, а любить не будетъ, — вотъ отецъ и согласился.

Но съ собой какъ быть? А у Софьи Даниловны есть няня, вѣрная Василиса Пахомовна. Старуха для своей боярышни на все рада. И вотъ свиданіе съ Лѣвой состоялось. Ими другъ другу на всю жизнь слово дано.

На этомъ самомъ голубомъ коврѣ сейчасъ передъ ней стоялъ молодой Засѣкинъ-Рындинъ.

Она опять прислонилась къ стеклу, поглядѣла въ свое любимое окошко. Одна лишь полоска бѣлаго дома попрежнему видѣлась изъ него. А церковь Тих-

винской Божіей Матери была во всей своей ненаглядной красотѣ передъ ея глазами. И вся Москва уходила вдаль, вдаль.

Теремокъ, Теремокъ! Прощай, мой дѣвичій теремокъ!.. Пришлось надолго тебя покидать. Красная моя церковь, вся въ оконцахъ, въ городкахъ, въ узоряхъ!.. Тихвинская Божія Матерь... Прощай надолго... неужели навсегда прощай?.. Красная Москва, прощай, прощай!..

Спустя недѣли три послѣ Красной Горки два дѣла случились въ Москвѣ, о двухъ дѣлахъ могла досыта наговориться Москва.

Первое дѣло: князь Мартеньяновъ-Рудкій, ни съ того ни съ сего, вдругъ (можно сказать въ одинъ день повернувшись) женился на молодой вдовѣ Акулинѣ Савишинѣ Опенкиной, а по первому мужу, на княгинѣ Саламатовой. Женился на такой невѣстѣ, о которой ужъ и вовсе нельзя бы сказать: сухота сердцу молодечьему. Второе дѣло: Обресковъ Данило Ивановичъ всѣмъ домогъ съ Москвы выѣхалъ—на дальнее воеводство въ Тарханскъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Глава XIII.

Дорога.

Дорога старинная, широкая укатилась вдаль; кустиками, лѣсомъ, ровнымъ полемъ—все впередъ бѣжить. И вездѣ у Бога люди живутъ. Днемъ ѣдутъ, ночью станомъ стоятъ; гдѣ лошадей покормить, а гдѣ готовая подстава, и опять бубенчики на вольной водѣ, среди широкихъ полей, погромыхиваютъ. Вотъ и самъ Владиміръ, Золотыя Ворота! А столбовая дорога и за нимъ съ горы на гору, съ глади на гладь, знай себѣ переваливается; все впередъ, впередъ... на востокъ ползеть.

Ровно въ двадцатый день Обресковы добрались до Нижняго. Мимо Всемилостиваго Спаса, тою самую площадью, на которой, тому назадъ лѣтъ тридцать или сорокъ, Козьма Миничъ скликалъ народное ополченіе, прямо на красный воеводскій дворъ, крестясь на здѣшніе соборы, въѣхали наши дорожные.

Тутъ они нашли свой обозъ, который былъ отпущенъ съ Москвы задолго до ихъ отъѣзда. Тутъ надо было распорядить всю поклажу, при себѣ перегрузить ее на барки и отправить внизъ водою.

Родня давно поджидала съ Москвы Обресковыхъ. Княжна Зина теперь ни минуточки не дастъ покусать своей Софьѣ, всѣхъ нижегородскихъ подругъ ей

покажетъ. Но не веселы для боярышни гостины въ Нижнемъ. Всю дорогу, сидя съ своею няней и съ «тетей-мамой» втроемъ въ крытой повозкѣ, будто въ татарской кибиткѣ (окольныйчій ѣхалъ впереди на особой тройкѣ), Софья всю дорогу молчала. Наталья Ивановна только охала и ахала по своему обыкновенію и крестилась. Одна няня могла видѣть тайныя слезы боярышни, она одна про себя молчкомъ знала, что ѣдутъ онѣ съ нею не къ счастью, а отъ счастья. И вотъ княжна Зина устраиваетъ каждый день новыя праздники, а у дорожной все одна путаница въ головахъ: ровныя мѣста не веселыя; бубенчики не умолкаютъ въ ухахъ; лавки-палатки рогожины, калачи и баранки по посадамъ; черныя люди на грязной уличѣ, запахъ дегтя на кормежкахъ, да попавшійся на глаза, при вѣздѣ въ Балахну, у перваго лабаза шумный свадебный поѣздъ. Въ желтомъ развѣшавшемся не платкѣ, а цѣломъ одѣялѣ, веселая баба, гремя бубномъ надъ головою, стоймя приплясывала на телѣгѣ, и весь поѣздъ за ней горланилъ.

Въ Нижнемъ они оставили лошадей, пересѣли на струга и поплыли внизъ по Волгѣ.

А на Москвѣ тѣмъ временемъ, какъ на улицахъ, такъ и въ домахъ, попрежнему шумная столичная жизнь текла. Тамъ все на своихъ мѣстахъ стояло: въ Кремлѣ дворцы и соборы, на торгу купеческія лавки; и Спасъ на Болвановкѣ, и церковь Тихвинской Божіей Матери въ ихъ Кривомъ переулкѣ. Только никто бы ужъ теперь не сказалъ, что тѣ два бѣлые дома черезъ улицу смотрятся другъ на друга. Одинъ бѣлый попрежнему весело глядѣлъ на улицу, другой по всѣмъ окнамъ заколоченъ черными досками. Ворота забиты наглухо. Легче было бы Левѣ когда бъ на мѣстѣ ихъ оставленныхъ палатъ совсѣмъ голый пустырь былъ. Отлетѣла душа, выбыла изъ тѣла: трупъ зачѣмъ на глазахъ оставаться? «Пустой домъ» стали скоро называть домъ Обресковыхъ въ околоткѣ.

Чужая сторона, далекая, ужъ и правду сказать глужая! Софья въ ту пору не даромъ про нее молвила: «въ степь! къ татарамъ!» Когда они сплыли внизъ по нынѣшнюю Самару, и стали забирать въ сторону за Волгу, мѣста совсѣмъ дикія пошли. Не только красныя мордовскія шапки, которыя было въ Нижнемъ показались Софьѣ за диковинку, предъ ними стали мелькать сплошь да рядомъ, а вотъ ужъ и сама дикая Башкира имъ попадаетеся на глаза. Чудъ, глушь... на тысячу верстъ кругомъ. «Теперь скоро и Тарханскъ, всего триста верстъ отсюда», услышала она, подъѣзжая къ одному городишку, который будто чудомъ какимъ выросъ изъ земли, среди голой степи. Но эти послѣднія подавляющія пространства были тѣмъ хороши, что совсѣмъ разбили усталую боярышню. Они совсѣмъ разогнали бредъ больной души. «Куда бы ни прѣхать, лишь бы наконецъ, на мѣсто!» молвила тетка-мама сквозь сонъ и мракъ царствовавшіе въ ихъ татарской кибиткѣ.

Зато какъ имъ на всю жизнь памятенъ остался подъѣздъ къ Тарханску! На утренней зарѣ, только что июльское солнце выкатилось на матовомъ небѣ, они подошли къ послѣднему стану, всего въ двухъ верстахъ отъ города. На крутомъ берегу Тарханки, или, какъ ее для краткости называли, Тарки, подъ навѣсомъ дубовъ и липъ, въ виду какой-то привѣтливой лачужки, здѣсь воеводу съ его семейнымъ поѣздомъ ожидала цѣлая встрѣча изъ города. Вдаль звонили въ колокола.

Тутъ на ихъ глазахъ веселая рѣка Тарка извивъ дала. Мѣстоположеніе открылось свѣтлое и манкое: городокъ о семи церквахъ и о четырехъ стахъ дворахъ посля пустынныхъ степей казался чуть не столицей. Подъ деревянными крѣпостными стѣнами весело блестѣла рѣка. Бѣлая высокая остроконечная башня, отличающаяся на крутомъ утесѣ, висла въ воздухѣ надъ водою. За рѣкой на другомъ берегу, на дуговой

сторонѣ, противъ самаго Тарханска видѣлось большое русское село; по множеству тесовыхъ кровель и бревенчатыхъ домиковъ оно само издали глядѣло городочкомъ. Софья услышала, что его зовутъ «Великое».

Воевода съ этого послѣдняго стана поѣхалъ уже верхомъ на бѣломъ конѣ, перерядившись въ пышное, чуть не царское платье. Цѣлая толпа тарханской чиновной знати окружала его; ближе всѣхъ къ нему ѣхалъ одинъ молодой дворянинъ, и Данило Ивановичъ всю дорогу обращался къ нему съ разспросами. Закрытая семейная колымага, увѣшанная теперь голубою камкой, слѣдовала шагомъ. Въ городѣ все громче звонили въ колокола...

Но при подъѣздѣ къ Тарханску, который становился теперь для нихъ своимъ городомъ, что Софью Даниловну больше всего поражаетъ? Не странно ли? Тотъ молодой дворянинъ, какъ она его увидала издали еще на столыкѣ, будто самого его, Засѣкина-Рындина, напоминаетъ ей. Не вдвойнѣ ли странно еще? На ея распросы о немъ—первое, что она слышитъ, милое имя *Левъ* раздается для ея ушей. За выѣздомъ прежняго здѣшняго воеводы Левъ Гурьевичъ Каравеловъ, старшій дякъ приказной избы, былъ первымъ лицомъ въ городѣ.

Звонъ колоколовъ гудѣлъ въ лѣтнемъ воздухѣ все веселѣе. Протопопъ въ облаченіи, со крестомъ и святою водой, привѣтствовалъ царица наместника у заставы. Однако жъ издали Тарханскъ оказывался не въ примѣръ лучше, чѣмъ теперь, когда Софья, въ щель полога изъ татарской кибитки, прямо уже предъ своими глазами разбирала его кривыя лачуги и темныя землянки. Грязь на улицѣ; толчется черный народъ; бабы и мальчишки на ихъ кибитку ротъ развѣшаютъ; мужики, казаки и стрѣльцы толпятся. Черно, грязно, куда ни погляди. И все ужъ очень невесело.

Воеводскій дворъ съ трехъ сторонъ былъ окруженъ стрѣмъ вылинявшимъ частоколомъ, а со стороны рѣки замыкался такою путаницей надолбъ, что трудно

было и разобрать всѣходы. Для дворни помѣщеніе было огромное. Кромѣ того, что тутъ были широко настроены и конюшни, и сѣновалы, и сушильни, и поварни, и голубятни, но даже и такіа государевы постройки, какъ, напримѣръ, пыточная изба, по желанію самихъ воеводъ, можно было повернуть на что угодно.

Домъ былъ не великъ, а все-таки воеводскій. Постѣ ихъ московскихъ палатъ, особенно какъ биткомъ набился всякою съ Москвы привезенною утварью, онъ казался скорлупой грецкаго орѣха. Самъ окольный помѣстился винзу, рядомъ съ пристройкой, съ приказною избой, такъ что у нихъ было одно общее крыльцо. Для «тѣти-мамы» отвели крошечный уголокъ который, въ видѣ второго яруса, приходился какъ-то подъ лѣстницей. Софья Даниловна заняла верхнюю горенку. Въ окно своей горенки, замѣсто красной церкви Тихвинской, она видѣла теперь ту самую острокопечную башню, которая замыкала ихъ дворъ нарѣку; а съ боку направо высовывалась низенькая деревянная церковь Михаила Архангела, строенная въ прошлое царствованіе съ предѣломъ и Михаила Маленина по тѣмъ именитству покойнаго государя Михаила Федоровича освященная во имя его ангела.

По праздникамъ и по воспресеннымъ сюда съѣзжалась вся знать Тарханска. Не одна знать, а даже всѣ до послѣдняго изъ «худшихъ людей» любопытствовали оглянуть воеводино семейство. У праваго клироса заново отдѣляли уголокъ, устлали его алымъ сукномъ и огородили перилами. Тутъ, не на самыхъ первыхъ порахъ, въ одно торжественное служеніе народъ первый разъ увидалъ воеводину дочку. Но стройная, статная, вся укутанная въ бархатъ и въ атласъ, она только мелькнула для тарханскаго люда. Какъ сюда вошла и какъ отсюда вышла, только ее и видѣли.

Да и какая тутъ знать въ Тарханскѣ? Какіе тутъ царскіе столичные выходы? Съ кѣмъ тутъ о праздникахъ и поздороваться?

Злая боярышня Киндякина, племянница прежнего воеводы, здѣшняя помѣщица, на всемъ Тарханскѣ слыла первую красавицей. Подруги ея, помѣщицки дочери Зяягины, Чебоксаровы и Толстухины такая же все деревенщина! Купецъ Темрюкинъ славится на весь городъ своими «кушеческими дочерьми» и коваными тяжелыми сундуками. Окольныхъ здѣшнихъ дворяншекъ проживаютъ тутъ незамужнія бобылки, выдѣленные родныя сестры и двоюродныя незамужнія тетки; приказные сѣдовласые старики, которые тутъ и родились въ Тарханскѣ. Три жениха наперечетъ въ цѣломъ городѣ, включая сюда и пятидесятилѣтняго Бискадарова, изъ новокрепченновъ.

И все это тутъ въ родствѣ и въ кумовствѣ, а Софья Даниловна всемъ чужая. А мылѣшній къ тому воевода захотѣлъ еще и держать-то себя совѣмъ на особую статью.

«Гордецъ!» рѣшили всѣ кумовья и кумушки. А по праздникамъ, когда къ городскимъ наѣзжала родня изъ деревни, ихъ тутъ собиралось довольно.

«Спесивая» изволила выразить злою боярышню Киндякина про воеводину дочку. И всѣ подруги рѣшили хоромъ, чтобы между собой такой заветъ положить: никому бы изъ нихъ, изъ настоящихъ тарханскихъ, ни подъ какимъ видомъ къ нимъ въ домъ ни ногою. «Слышите ли? Пусть себѣ московская въ своей свѣтлѣ одна сама на себя цѣлый день въ зеркало любитъся. Насъ бархатами-то,—даромъ что мы тарханскія, въ Москву неѣзжали,—не удивить!»

Но хоть таковъ заветъ положили, а только и было рѣчей по всему городу, что про воеводину дочку. Бѣдному Льву Гурычу, который по своей обязанности случался поминутно у нихъ въ домѣ, отъ тарханскихъ красавицъ доставалось порядкомъ. «Чего онъ все какъ пень молчитъ? Что онъ ничего новенькаго о пріѣзжихъ не расскажетъ?»

Онъ могъ имъ рассказать, каковъ суровъ воевода;

онъ могъ рассказать, какая «маменька» Наталья Ивановна богобоязненная и тихая, съ нимъ обходительная; даже его по вечерамъ къ себѣ Четин-Миней читать приглашаетъ. Онъ могъ къ тому прибавить, что и самое боярышню Софью Даниловну онъ уже не одинъ разъ видѣлъ въ домѣ; что онъ часто застаётъ ее вмѣстѣ съ отцомъ воеводой въ его покоѣ, и она уже не всякій разъ подымается при его приходѣ, не выходитъ вонъ изъ комнаты... Но—и только.

«Пустой домъ» въ Москвѣ отъ времени все мрачнѣе глядѣлъ на улицу. Даже птица, черное галочье, летѣла отъ него прочь. Годъ прошелъ, другой пошелъ. Мало ли всякихъ переменъ случилось въ Москвѣ? А главная переменѣна: въ красной церкви, въ невестинномъ приходѣ, здѣсь у Тихвинской въ самый Покровъ была свадьба Настасьи Григорьевны. Для молодого князя Львова, для душевнаго Лѣвина друга и товарища, она распѣла пышною невестой. Въ цѣлой Москвѣ и чужіе, и родные говорили: лучшей пары нѣтъ.

Но свѣтла, какъ майское утро, «малая китайская куколка», когда шла подъ вѣнецъ (а братецъ Лѣва у ней былъ дружкой). Настасья Григорьевна вдругъ заплакала: «Свѣтъ мой братецъ!» поцѣловала она Лѣву:—на радости моей позлауиста не печался. Ну, вотъ увидишь же: въ этой самой церкви, дастъ Богъ, и твоей радости дождемся».

Такия невнятные сестрины слова Левъ разгадалъ всѣмъ сердцемъ; но въ церкви за вѣнчальнымъ обрядомъ, ему вдругъ сдѣлалось дурно.

И женитьба молодого князя Львова на боярышнѣ Засѣкиной-Рындиной въ тотъ годъ была изъ самыхъ видныхъ. Сдѣлалось извѣстно что самъ государь милостиво взглянулъ на этотъ бракъ. Когда на другой день молодые явились во дворецъ къ царю съ царичей съ поклономъ и по обычаю поднесли имъ калачи и полотенца, самъ Алексѣй Михайловичъ весело вы-

шелъ къ молодымъ и изволилъ сказать: «Только смотри, княгиня Настасья Григорьевна, ты мнѣ малаго не избалуи; на охотѣ онъ всегда изъ моихъ любимыхъ сокольниковъ былъ!»

И опустилъ въ домѣ милый сестринъ уголокъ.

Сама няня Домна Борисовна совѣстѣ перебралась на Покровку, въ домъ князей Львовыхъ. За то Лѣва любилъ теперь чаще прежняго прѣзжать въ эти большія деревянныя боярскія хоромы на Покровкѣ. Его лошади то и дѣло заворачивали въ огромныя какой-то вавилонской архитектуры ворота, съ лежащими львами на стобахъ. Онъ подолгу засиживался въ сестриной комнатѣ и находилъ о чемъ-то безъ конца разговаривать съ молодою княгиней.

Прѣзжая откуда-нибудь изъ гостей или съ прогулки его тезка, молодой князь Львовъ (ему и женатому дома не сидится!), тогда брату ужъ было недо разговоровъ. Молодой мужъ весело смѣялся надъ Лѣвой; сказать бы, Настеньку обижалъ. На ея глазахъ онъ все похвалялся какою-то прежнею своею красавицей и дразнить ея Лѣву. «Право, дескать, она тебя, тезка, вытѣчитъ, а мое съ ней время прошло».

И вотъ съ новыми забавами, а пожалуй, и съ новыми хлопотами, когда, можетъ быть, и о колыбельномъ бѣльѣ начинать думать пора... почему, однако, Настасья Григорьевна не вспомнить о своей дальней подругѣ? Софью Обрескову ужели позабыла она?

Съ дальней глухой стороны, изъ невѣдомаго Тарханска, отъ самой Софьи Даниловны вдругъ пришло къ нимъ такое письмо не письмо, словечко. Разъ рано утромъ, когда старики Львовы, наблюдая Петровский постъ, распивали сбитень изъ большого мѣднаго чайника, а молодые князь съ княгиней въ домѣ еще не просыпались, у воротъ въ калитку постучался дальній странникъ. Божьяго чеховѣка старики посадили за одинъ столъ съ собою. Онъ рассказывалъ про церкви и монастыри, которые исходилъ по всему царству.

Всѣмъ въ домѣ отъ него былъ пріятъ и ласка; а молодой княгинѣ Настасья Григорьевна передалъ онъ что-то особо.

Дѣло въ томъ, что объ ихъ московскихъ новостяхъ дошли какими-то путями слухи и до Тарханска. Мамелька Наталья Ивановна и племянница Софья рады были и отъ себя пожелать счастья молодымъ. Софья велѣла передать только эти простые слова: «за радостями новыми семейными и за хлопотами не забывать бы имъ всѣмъ дальнихъ старинныхъ друзей! Всѣмъ!» Только что молодая княгиня выслушала страннаго, сейчасъ велѣла подавать къ крыльцу своихъ сѣрыхъ въ яблокахъ. И мимо красной церкви «съ бѣлыми выступы», въ Кривомъ переулкѣ, прямо повернула въ родной дворъ батюшки своего Засѣкина-Рындина.

Левъ потомъ цѣлый день обнималъ и цѣловалъ Настасью Григорьевну, какъ никогда еще прежде. Досыта наговорились они. И она сіяла своими розовыми губками и голубыми глазами, и онъ, чего на его лицѣ давно не было видно, совѣстѣ повеселѣлъ этотъ день.

Нѣтъ, еще не наговорились они!

Въ тотъ день онъ съ ней вмѣстѣ и обѣдать уѣхалъ къ нимъ на Покровку; цѣлый день пробылъ въ ихъ большомъ деревянномъ домѣ и только уже поздно вечеромъ на ихъ лошадяхъ вернулся домой къ Тихвинской.

Глава XIV.

Мысли дѣвичьи.

Два мѣста полюбилися Софѣ Даниловнѣ на новосельѣ; а въ выборѣ себѣ развлеченій и мѣстъ для прогулки боярышня была большая причудница.

Впрочемъ, по жизни самого Данилы Ивановича на холостую ногу, дочь съ раннихъ лѣтъ привыкла жить самостоятельною хозяйкой въ домѣ. Когда въ Тарханскѣ пришли ихъ подводы съ неисчислимымъ московскимъ добромъ, и она меньше чѣмъ въ двѣ недѣли распорядила всю рухлядь, убрала здѣшній домъ совершенно по-московски, и все во дворѣ, даже по людскимъ измамъ, привела въ порядокъ, самъ отецъ обьялъ любимую дочь.

— Сонечка!..—обратился онъ къ ней, утирая слезу съ длинныхъ усовъ. (Этого не было съ самой Москвы.)

Отецъ радъ былъ видѣть ее веселою; онъ опять съ ней дружески совѣтуется обо всемъ. Не она, молодое дитя, а старая Наталья Ивановна теперь всѣмъ имъ въ тягость на чужой, дальней сторонѣ. Въ своемъ углу, подъ лѣтніяцей, старуха убивается день и ночь; только что выговоромъ не выговариваетъ своему государю-братцу.

— Батюшка, пожалуйста о томъ много не безпокойся,—утѣшала Софья отца.—На первыхъ порахъ пусть тети-мама погруститъ и поплачетъ; старый она человекъ; къ Москвѣ ея долгая привычка! Но я тебѣ вѣрно обѣщаюсь: тети-мама совсѣмъ оправится; опять у насъ въ домѣ всѣмъ довольна и спокойна будетъ.

— Софья! — молявилъ взволнованный отецъ. — Ты у меня такое докровище! Не въ меня-то, знать, а въ мать свою покойницу уродилась.

— Батюшка, пожалуйста успокойся!—заклинала дочь.

Не привыкла она, чтобъ ея родитель при ней поминалъ покойницу.

И такое стариково слово точно его покаяніемъ было предъ дочерью. Все что у нихъ накопилось съ Москвы другъ противъ друга, это одно слово начисто теперь смыло съ души.

Здѣсь, на чужой сторонѣ, казалось, они еще дороже будутъ другъ другу; они еще дружнѣй заживутъ душа въ душу. Отецъ проводилъ все время на государевой службѣ; всѣмъ домашнимъ дѣломъ заправляла дочь. Левъ Гурычъ Каравеловъ, даромъ что былъ дьякомъ на государевой службѣ, а совсѣмъ превратился въ какого-то воеводина домочадца. По своимъ личнымъ домашнимъ дѣламъ окольный и его, замѣсто крѣпостного холопа, отсылалъ съ докладами прямо къ дочери. Однимъ изъ первыхъ его такихъ докладовъ боярышня было: «какъ угодно будетъ ея милости, Софѣ Даниловнѣ, приказать насчетъ мельника Захара? Какой она велитъ порядокъ установить на Колотовкѣ?»

Когда въ прошломъ еще столѣтіи строили, по государеву указу, городъ Тарханскъ, присланный воевода доносилъ на Москву, что на горномъ берегу рѣки Тарки выглядѣлъ онъ мѣсто съ ключами живой воды «зѣло удобно» подъ мельницу, да въ томъ мѣстѣ и рыбный ловъ: такъ не велитъ ли государь то мѣсто на себя отписать, и за его черту никакихъ людей селиться не допускать?

Такъ оно, вѣроятно, и было вначалѣ; но въ описываемую пору все урочище просто было приписано къ воеводскому двору. Прежніе государевы мельники, которые тутъ составляли чуть не цѣлое особое сословіе, разбѣжались и перевелись; ихъ нынѣшній послѣдній представитель, Захаръ, у предмѣстника Обрескова

числился за крѣпостного челядинца. Правда, что и отъ прежнихъ баснословныхъ доходовъ этого «зѣло удобна» мѣста оставалось лишь одно то, что вся мука на воеводскій дворъ шла съ этой мельницы и что Захаръ нѣтъ-нѣтъ доставлялъ рыбы къ воеводскому столу.

Мельникъ Захаръ съ первой же встрѣчи полюбился боярышнѣ.

Крошечный, совершенно курносый старикъ, съ бойкими подвижными глазами, живой и бодрый не по лѣтамъ, съ косматыми бровями, которыя у него торчали какъ зонтики и сходились на переносицѣ какъ у сына, косящей вверхъ, Захаръ былъ, что называется, хлопотунъ-торопунъ старичокъ. Каждое утро онъ являлся съ кошелкой на воеводскій дворъ, входилъ въ домъ съ задняго крылечка и весело дожидался выхода самой боярышни.

— Молъ, погляди, сударыня-княгиня, какихъ рыбокъ я твоимъ государынинымъ счастьемъ наловилъ.

— Мало ты носишь. Вѣрно моего счастья нѣтъ!— шутила боярышня, и сама бѣлыми руками выкладывала трепетавшихъ налимонъ и стерлядокъ на желѣзный подносъ.—Я въ жизни очень несчастлива. Лучше на мое счастье ты, Захаръ, не лови.

Боярышня, замѣсто его треуха, новую шапку подарила мельнику; общалась, коли у него будутъ вилки, сама къ нему крестить поидетъ. Но, услыхавъ что Захаръ еще при царѣ Шуйскомъ пришелъ сюда бо-былемъ, да такъ съ тѣхъ поръ по свѣту и болтается, воеводина дочка общала ему, что сама навѣститъ его Колотовку, придетъ изъ тамошнихъ живыхъ ключей воды напиться.

И первый разъ когда съ двумя, тремя сѣнными дѣвушками и съ неразлучною няней Василисой Пахомовой боярышня въ самомъ дѣлѣ пришла на Колотовку, какъ же она пріятно изумлена была! Это было то самое свѣтлое и манкое мѣстечко, которое воѣмъ такъ полюбилось при подходѣ къ Тарханску. Вонъ

опять отсюда она видитъ, какъ на ладони, весь ихъ воеводскій дворъ! И вонъ та бѣлая башня!

Живописный оврагъ, самъ развѣтлявшійся еще на малые поперечные овражки—вотъ и всемѣстечко, прозванное Колотовкой. Оно раскинулось на какую-нибудь полуверсту, образуя на здѣшнемъ нагорномъ берегу крайній уступъ, прямо къ тихимъ и синимъ струямъ поноводной Тарки. Здѣсь-то, на наплывномъ черноземѣ, весело зеленѣлъ липнякъ и красовались широко-развѣсистые дубы; а въ глубинѣ ущелій шумѣли славные колотовскіе ключи, на которыхъ гнѣздилась мельница «Колотовка». Рядомъ былъ дворъ Захара. Мельникъ показалъ Софьѣ Даниловнѣ свои сажалки съ рыбой; просилъ ее «липовымъ медкомъ» своего пчельнаго завода; сорвалъ для нея свѣженкій огурчикъ прямо съ грядки; кореньковымъ ковшичкомъ (который самъ досталъ у Троицы Сергія, когда, тому назадъ 50 лѣтъ, еще при царѣ Борисѣ, ходилъ туда по общанію) далъ онъ самой Софьѣ Даниловнѣ зачерпнуть ключевой воды изъ «гремячаго колодца». Боярышня велѣла мельнику, чтобъ этотъ желтенькій ковшичекъ всегда оставался тутъ «для нея и для всѣхъ добрыхъ людей». Захаръ сейчасъ же привязалъ его лычкомъ къ срубѣ колодца, и желтый на Софьиныхъ глазахъ заплавалъ по чистой водичѣ.

— Сударыня-боярышня!—ахали между тѣмъ сѣнныя дѣвки.—А ягодъ-то что! Алымъ ковромъ укрыто!

И боярышня общала Захару, что теперь, какъ узнала мѣсто, будетъ сюда приходить и за земляникой.

— И грибочки, ей же ей, моя княгиня, тутъ привольно растутъ!—заманивала мельникъ.—А вотъ, дай, весна разливная придетъ, то-то сморчковъ здѣсь будетъ по кореню.

И простымъ ли рѣчамъ торопуна-старика боярышня была рада, рабское ли его усердіе видѣла, а только со старымъ мельникомъ была удивительно ласкова.

Даромъ что въ атласной душегрѣйкѣ, въ щегольскихъ дѣвичьихъ сапожкахъ съ каблучками, съ золотыми серьгами въ тонкихъ ушахъ и въ молодецкой боярской шапочкѣ, а захотѣла еще заглянуть и въ мельниковъ шалашъ, въ его курную избу. Въ сѣнцахъ, заваленныхъ цѣлымъ ворохомъ только что надраннаго лыка, боярышня сѣла на дубовый столбикъ, который мельнику служилъ заразъ и стуломъ, и наковальней, и весело-шутливо велѣла старому «все себѣ показывать».

Курносый показалъ и припасенныя колодки для пчелъ, и верши новаго послѣдняго плетенья, и бреднишки, и снасти для птичьей и звѣриной ловли.

— А тамъ дальше что?—весело-шутливо указывала боярышня уже на самый верхъ, подъ крышу.

— А это весла, красавица! Тамъ у меня весла спря-таны.

И онъ снялъ ихъ сверху, и общалъ, когда милостн ея угодно, ее по Таркѣ рѣкѣ на своей бударкѣ пок-катать.

— Не теперь, въ волну—молвила няня,—а въ ти-хую погоду почему и на лодкѣ не покататься дитѣ?

— А вотъ это что?—молвила вдругъ боярышня и въ углу, въ конопляной паклѣ, не то грабли, не то какіе-то серпы расправляла.

— А пины-подпилки, сударыня!—хихикалъ курно-сый, плутовски подмигивая сѣрыми глазами.—Пины-скоронильчаты, имъ на бѣломъ свѣтѣ супротивника нѣтъ; чугуны-жельзо берутъ.

И старикъ скорѣй запрятывалъ свое добро.

Подкову ли старую дорогой найдеть, гвоздь ли ржа-вый, онъ все несть въ свое гнѣздо. А были у него еще и такіа диковинки (боярышня добралась до всего!), о которыхъ и въ голову не пришло бы откуда ихъ могъ достать Захаръ.

— Въ смуту, сударыня! Въ смуту, добрый чело-вѣкъ!—обыкновенно въ этихъ случаяхъ бормоталъ кур-носый.—Смута была при царѣ Шуйскомъ, такъ мало

ли чего на своемъ вѣку видано; а все кому какъ Богъ-дать, да.

И его косматыя брови совсѣмъ сдвргивались косп-пей вверхъ.

Любилъ Захаръ похвалиться тѣмъ, что смуту пере-жилъ. И разеказы о томъ, какъ воры Ярославль взяли или какъ они патріарха Филарета Никитича, покой-наго государя, дай Богъ ему царство небесное, род-ного батюшку, а нынѣшняго государя, дай Богъ ему много лѣтъ здравствовать, дѣдушку, какъ они его тогда приковали на цѣпь къ пушкѣ; или еще о томъ, какъ всѣмъ народомъ Бориса Годунова втѣпору на Дѣ-вичьемъ полѣ въ цари выкликали, сестра его, царица-инокиня Ирина, полотна бѣлѣй, не живехонька возлѣ братца своего стояла, все въ полѣ слезку ронила. Та-кіе разеказы добраго Захара, поставщика рыбы къ ихъ столу, подъ шумокъ журчавшихъ ключей, въ ли-повой прохладѣ на пастѣкѣ, не мало украшали для Софьи Даниловны ея уединенныя прогулки.

Бѣлые камни, которые тутъ во множествѣ высовы-вались по уступамъ берега и замѣсто ступеней вели къ синимъ тихимъ струямъ Тарки; березовая роща, уходившая по берегу къ Тарханску, журчанье ключей и стукъ мельницы,—все это на дальнѣй чужбинѣ, ка-залось, напоминало боярышнѣ (отдаленное воспомина-ніе дѣтства) ихъ Крутицкое большое подмосковное село. Тамъ на рѣкѣ Сытнѣ такіе же бѣлые камни, а по уступамъ такіа же липовыя и березовыя рощи.

— Кто это идетъ?—спросила вдругъ Софья въ одну изъ такихъ прогулокъ. Она выбрала мѣстечко сѣсть на самомъ берегу Тарки, гдѣ въ нее шумнымъ пото-комъ сливались Колотовскіе ручейки. У ея ногъ, на синихъ струяхъ, качалась Захарова лодка.—Будто сюда шель, да насъ посторонилась. Развѣ мы ему по-мѣшали?

— А это дѣякъ вашъ, Гуричъ,—отвѣчалъ зоркій мельникъ.—По воскресеньямъ объ эту пору все онъ

сюда къ камешкамъ приходитъ пискарей таскать. На самомъ этомъ мѣстѣ, гдѣ сидишь, боярышня, съ моей бударки и уидѣть. Увидѣлъ твою милость, знамо спря- тался.

— Ахъ, пожалуйста, его сюда позови! Я ничуть не мѣшаю ему,—ласково молвила Софья, встала и пошла отъ камешковъ берегомъ домой къ Тарханску.

Когда боярышня въ окруженіи своихъ сѣнныхъ двушекъ поравнялась со Львомъ Гурьичемъ, который неловко прятался отъ нихъ въ ивовые кусты, она молча поклонилась ему. Дякъ вдругъ сбросилъ на- земъ длинныя удочки, выбѣжалъ напередъ и, обна- живъ голову, закланялся низкими поклонами предъ воеводиной дочкой.

— Говорятъ, ни охотнику на охоту, ни рыбаку на ловъ желать удачи нѣтъ обычая,—молвила Софья.—И въ томъ насъ прости, Левъ Гурьичъ, что мы молча мимо прошли, никакого счастья тебѣ не пожелали.

И постояла боярышня предъ дякомъ, будто на свое слово и отъ него дожидалась находчиваго отвѣта.

Дякъ оторопѣлъ вдвое...

— Государыня!.. Софья Даниловна!..—промычалъ онъ нескладно и неуклюже разведъ руками.

Тихо всѣ тогда прошли мимо. А Левъ Гурьичъ еще долго слѣдилъ взорами за удалявшеюся толпой, и въ синемъ дальнемъ воздухѣ долго еще статнымъ очеркомъ рисовался образъ воеводиной дочки.

Другимъ любимымъ мѣстомъ Софьи Даниловны былъ уголокъ на ихъ воеводскомъ дворѣ, нарочно для нея усыпанный и укатанный пескомъ, у той самой бѣлой башни, которая стояла на обрывѣ утеса. Въ старину, говорятъ, въ нее метали преступниковъ; теперь она стояла пуста; единственное ея верхнее окошко гля- дѣло на рѣку; самая рѣшетка простая деревянная, давно сгнила. Софья одинъ разъ заглянула какъ- то внутрь башни: оттуда повѣяло смрадною сыростью; любопытнаго ничего она не нашла. Сидя у ея по-

дошвы, Софья часто тутъ кушала вишни, которыя ей приносили прямо съ вѣтокъ изъ ихъ маленькаго сада. Только она зеленый стебелекъ откинетъ рукой или выкинетъ ртомъ косточку, и они съ утеса прямо на ея глазахъ падали въ синія волны Тарки.

— Утесъ-отъ, что ни годъ, все его больше водой подмываетъ,—объяснилъ мельникъ Захаръ.—Старые люди сказываютъ: затѣмъ ее и не достроили, Гусыню, что побоялись неравно весной въ полую воду уйдеть заодно съ утесомъ. Такою ли ей надо быть? въ два выше. А вотъ, сударыня-княгиня, она и второй вѣкъ стоитъ. И мы-то, знатъ, боярышня, помремъ, а она все на своемъ мѣстѣ будетъ.

За бѣлый ли ея цвѣтъ, ярко отличавшійся въ общей сѣринѣ здѣшнихъ деревянныхъ построекъ, за то ли, что она какъ будто пала на воду, въ народѣ ее про- звали «Гусыней».

По цѣлымъ часамъ Софья Даниловна сживала тутъ со своею няней. Ей нравилось любоваться отсюда на полноводную Тарку. Если съ ними случался въ это время Левъ Гурьичъ, Софья обыкновенно заставляла его рассказывать городскія новости. Но въ Тарханскѣ какія новости? Какъ протопопа Герасима жена ры- жики и грузди солить умѣетъ; какъ пятидесятилѣтній Вискадаровъ, наконецъ, надумался и на комъ-то же- нится; какъ злая боярышня Книдикина съѣздила къ себѣ въ деревню и оттуда новыхъ гостей цѣлыми под- водами навезла. Софья больше любила вывѣдывать отъ дяка секреты Приказной избы. Левъ Гурьичъ рассказывалъ, много ли за послѣднее время они въ округѣ воровъ изловили; какъ они усмирили Морду; отказавшуюся было платить дань медомъ и воскомъ; какъ въ Новой Деревнѣ былъ пожаръ, все село до тла сгорѣло; сказывали, молъ, въ крайній дворъ уда- рила молнія, а по ихъ розыску оказалось, что баба кисель варила.

Разъ, наскучивъ такими его новостями, Софья Да-

ниловна вдругъ вѣѣла, чтобъ онъ лучше ей «свою свою прошлую и нынѣшнюю жизнь разсказывать». Дьякъ смутился и промывчалъ только, ни къ селу, ни къ городу, что «лучше бы ему было, онъ часто объ этомъ думаетъ, вовсе въ монастырь идти».

Вечерѣло; тѣти-мама прислала за дьякомъ Макарьевскія Четив-Миней дочитывать; они втроемъ садились за чтеніе. Входилъ сюда въ уголокъ «тѣти-мамы», случалось, и самъ воевода; временемъ съ дьякомъ тутъ же заговорить о какомъ-нибудь дѣлѣ и его на всю ночь отошлетъ сидѣть въ Приказную избу, а иногда скажетъ ласково: «Нонче, слава Богу, дѣлъ мало у насъ», и Лѣва Гурьича оставить ужинать у нихъ въ домѣ. А тамъ поужинаютъ, и спать пора.

Скучно...

Напрасно было бы Софья еще долѣе себя обманывать: даже до смерти скучно становится ей. Забыться ли она захочетъ у себя въ углу, хоть мыслями повидавать свою красную церковь, а тутъ съ боку выглядываетъ въ окно церковь убогая, брусная, потемнѣлая Михаила Архангела. Ея жестяная, потускнѣлая крыша сейчасъ Тарханскъ напоминать. Цѣлый день она видитъ у себя на глазахъ грязную тарханскую площадь. Приставы погоняютъ метельщиковъ въ спину; метельщики для выѣзда ея батюшки, грознаго воеводы, обципанннми метлами метутъ-метутъ. Пьяный стрѣлецъ стегаетъ ногой мордвина въ красную кооматую шапку. Не то стрѣльцы и посадскіе толкуются, не то даже бабы и мужики, а какая-то чужь тарханская: башкира и татарва. Въ другое ли окно взглянетъ, и городъ весь не величекъ предъ ней: почти сейчасъ за площадью дикое поле идетъ. Тарка разстилается въ зеленыхъ берегахъ. Тутъ подъ самымъ окномъ рѣка волны катитъ, и потомъ вдаль, вдали, въ необозримыхъ поляхъ, ея синева мелькаетъ. И куда ни глянь, за Тарханскомъ одна безконечная степь на тысячу верстъ кругомъ.

Софья не можетъ болѣе одними мечтами жить. Душа была живой требуетъ.

Глядя на грязную тарханскую площадь, гдѣ толкуются черные мужики и бабы и казакъ вѣчно стегаетъ ногой мордвина въ его мохнатую шапку; глядя за городъ въ поле, въ безконечную степь... слеза у Софьи Даниловны сбѣжала по щекѣ. «Лѣва ли Гурьичъ ей тутъ живою былою на глаза встаетъ?..»

Она смотритъ на свою свѣтелку, на здѣшній уголокъ, гдѣ все убрано такъ, чтобы напоминать ей ея московскій теремокъ. Вотъ здѣсь вровень съ углами во всю длину лежить голубой въ бѣлыхъ звѣздахъ коверъ; на немъ вышиты царь съ царицей и король съ королицей. На этомъ самомъ коврѣ тогда Лѣва передъ нею стоялъ. Другая слеза и третья... скатились по блѣдной щекѣ боярышни.

— Неужели все это были однѣ мысли дѣвичьи?— молвила она, рыдая.

Глава XV.

Омутъ дитейскій.

Женить своихъ молодыхъ сокольниковъ съ самой свадьбы князя Львова сдѣлалось какою-то потребностью царя Алексѣя Михайловича. Ему нравилось это: выборъ невесты, потомъ сватовство и говоръ родни, потомъ разныя приготовления, наконецъ, сама свадьба и на другой день поклонъ молодыхъ во дворцѣ.

Онъ то и дѣло повторялъ Матюшкину:

— Кого жъ мы еще съ тобой повѣнчаемъ?

— Мало ли у тебя ихъ робятюкъ! — отвѣчалъ бояринъ, и пухлые розовыя его щеки дрожали. — Прикажи только: вотъ и оба брата Крупениковы, и Степка Хомутовъ, и Потапка, и Ларька.

И тѣмъ Аѳанасій Ивановичъ дорожъ былъ царю Алексѣю Михайловичу: только ему царь веселое слово скажи, а онъ ему ихъ съ три короба. Только Аѳанасію Ивановичу по охоту молви, а онъ ужъ и соколовъ спускалъ! Вотъ теперь царь о свадьбѣ молодца заговорилъ, а онъ ужъ ихъ десять сокольниковъ пригласилъ подѣ вѣнецъ.

— Мало ли у насъ робятюкъ! — опять повторилъ веселый бояринъ, и брилліантовые боярскіе перстни на пухлыхъ рукахъ въ обѣ стороны блеснули.

— Молъ и Лѣвка еще у насъ, правда, про запасъ бережень! Я ему, Аѳанасій Ивановичъ, невесту хорошую найду.

— Надо и Лѣвку повѣнчать, извѣстно! Что жъ ему,

долго ли будетъ дуракомъ болтаться? — на словѣ опять подхватилъ бояринъ.

Но Лѣвку, очевидно, государь про запасъ берегъ: то-то онъ на его свадьбѣ потѣшится!..

Давно ли въ тихій вечерній часъ, въ часъ между вечера и свѣта, во дворцѣ шелъ такой келейный разговоръ между царемъ и Матюшкинымъ? А вотъ ужъ и Ларька, и Потапка обвѣнчаны; даже обоихъ братьевъ Крупениковыхъ свадьба была; а вотъ теперь и Степка Хомутовъ на княжнѣ Слуцкой помолвленъ. И теперь заразъ о пяти свадьбахъ... есть о чемъ досыта наговориться Москвѣ. Широкая родня еще шире по городу разрослася. Въ короткое время сколько новыхъ домовъ породнилось между собой! Въ насыженной Москвѣ, въ боярскомъ старомъ гнѣздѣ, сколько еще новыхъ семейныхъ узловъ для добра и зла, для вражды и для любви напуталось-перепуталось! Теперь въ послѣднее время что-то Лопухины въ ходъ пошли.

Людскіе тары да бары, заодно съ уличною столичною стукотней, у Лѣвы мимо ушей идуть. Изъ чужихъ земель много новыхъ пословъ наѣхало, имъ при дворѣ приемы были; замиренье, которое было послѣ краткой войны съ поляками, теперь совсѣмъ повершено вѣчнымъ миромъ, и еще неселѣтъ при дворѣ и между бояръ и даже въ простомъ народѣ потекла шумная столичная жизнь. У Лѣвы все одно на душѣ лежить, однимъ душа болитъ.

Разъ, возвращаясь изъ Кремля, гдѣ по обыкновенію онъ провелъ все утро въ сокольничьей избѣ, Лѣва свернулъ въ свой Кривой переулокъ и... глазамъ не вѣрить. Это ли «пустой домъ»? Вчера еще тутъ ничего не было, даже сегодня утромъ стояло пусто; а теперь и каменщики забрались подъ самую крышу и плотники вездѣ лѣсовъ нагородили... Постукиваютъ, подправляютъ.

«Нѣтъ, — думалъ Лѣва, — не можетъ быть, чтобъ это ихъ возвратъ означало». Но проходила мимо дома

Обресковыхъ, онъ не спросилъ: по какому случаю его бѣлать-подновляютъ? Вотъ сняли подмостки: плотники и каменщики убрались. «Пустой домъ» опять мертвецомъ заглядѣлъ на улицу.

Значить, до боярина дошли слухи, что его палаты отъ долгаго несмотрѣнія могутъ совсѣмъ къ ветхости придти. И онъ, даромъ что живетъ на дальней сторонѣ, велѣлъ своимъ людямъ все починить, «чтобъ его московскимъ палатамъ ни въ чемъ поруки не было». Сказать ли? Теперешняя подновленная ихъ бѣлизна Лѣвъ еще досадилъ.

И опять вѣсти о Лопухинныхъ, о выходѣ замужъ дочери князя Трубецкого и всѣ людскія тары да бары, заодно съ остальнымъ городскимъ шумомъ, мимо Лѣвинныхъ ушей идутъ. А имя Обрескова вычеркнуто изъ столичныхъ разговоровъ. У кого ни спроси, всѣ забыли!

Омутъ житейскій! Какихъ онъ теперь на бѣднаго Лѣву мрачныхъ мыслей не нагонялъ?

Глава XVI.

Два года.

Неужели это были однѣ мысли дѣвичьи? Задумалась она, и въ раскрытое окно вдаль смотреть. Типъ да гладь предъ ней, съ небомъ сливаясь, разстилается. Стѣнь, одна стѣнь, на тысячу верстъ вдаль бѣжить.

И уже няня ея, старая Василиса Пахомовна, сгорбленная, жалостная, цѣлый часъ стоитъ подлѣ боярышни. Насилу-то Софья ея шутунъ разглядѣла.

— Няня, мамушка, куда эта сторона идетъ?

— На востокъ, все на востокъ, моя сударыня.

— А тамъ дальше что?

— А та сторона, мое дитятко, гдѣ солнце, сказываютъ, а на зиму не зайдетъ. Тамъ по гусиному яйцу хрусталь родится.

— Няня, позови Льва Гурьича. Пойдемте на мельницу гулять.

Но на Таркѣ страшно гудятъ помутнѣлыя волны, и отъ встрѣчнаго вѣтра по всей рѣкѣ бѣлки ходятъ. Листъ наполовину обдѣлѣлъ съ дуба; липа давно гола стоитъ. Не весело становится на дворѣ; а у себя дома всякій на зиму потѣпѣй забирается. Коротокъ день, долги вечера, ночи безконечныя, а поутру глядѣ въ окно: вотъ ужъ и снѣгъ хлопьями вайить. И кругомъ саваномъ забѣлѣла и уже совсѣмъ суровая зима въ окно глядитъ. Теперь тарханская снѣжная пустыня, сливаясь съ небомъ, невѣсть въ какую даль идетъ.

— Мжица мжить,—молвила няня и на печку пошла.

Вблизи и вдали хлопья несутся. Сталь надвигаться туманный край и все ближе къ самому окошку приступает. Снѣжинки вьдрутъ, какъ человѣческія мысли, захихрились, засуетились.

И завыва, загудѣла метель!

А здѣсь и метели не такія, какъ на Москвѣ: здѣсь ихъ буранами зовутъ. Вой и гудъ по небу и по землѣ несутся; снѣговой туманъ коситъ-крутится; бездны снѣга не вьизъ, а еще прямо вверхъ буря гонитъ; бѣлые столбы стоятъ до неба. Буря стонетъ-надрывается... будто ихъ домъ, будто весь ихъ городъ съ мѣста сбить хочеть... Словно всѣ окранны потрясаются, словно сама бездонная снѣжная глубина отверзается, и весь ихъ Тарханскъ въ вихряхъ съ земли совсѣмъ прочь улетѣлъ, и гдѣ-то вдали-вдали во вселенной одишенекъ за стихіями стоитъ. Страшные бураны заводжюкіе!

Въ эти тяжелые дни, зимнія безконечныя ночи и вечера одна няня была Софьѣ незамѣнимымъ другомъ, ея ангеломъ-хранителемъ. Но чѣмъ она ей, кромѣ своихъ молитвъ, старая, пособить могла? Пусть грозный батюшка мучить, пытается ея няню, допрашиваетъ про любимую дочь, и старая безропотно умереть подъ его желѣзомъ, а про «свои съ боярышней тайны дѣла» ему ни слова.

— Мамушка моя! старая ты моя голубка!—часто повторяла ей Софья Даниловна.—Ужъ очень намъ съ тобой скучно здѣсь на чужой сторонѣ жить. Ужели мы съ тобой свою красную церковь такъ и не увидимъ?

— Тебѣ какъ боярышнѣ не повидать!—отвѣчаетъ старуха.—Въ той самой церкви тебѣ и вѣнчаться будетъ... Да... У самой Тихвинской Божіей Матери, помани мое слово, тебѣ и подъ вѣнцомъ стоять, да. А вотъ я-то, ужъ и Богъ вѣсть, повидать ли? Ужъ ты не плачь, мое дитятко, боярышня моя. Къ тому идетъ, восьмой вѣкъ доживаю. Пора къ родителямъ, пора.

Переключилась, переболѣла душа боярышни за это

время; даже до смертной тоски затосковала. Прошло два года. Такого мертвого существованія, этой несбывающейся, но уже обреченной жизни, цѣлыхъ два года прошло!

Послѣ того, какъ здѣшняя зима смѣнилась весной, вотъ ужъ и опять другая зима стоитъ...

Миновало то время, когда случайное совпаденіе имени Леза могло на первыхъ порахъ забавлять и тѣшить. Тогда, перебирая въ пальцахъ свой финифтинный образочекъ, Софья часто думала: зачѣмъ у нея нѣтъ съ собой такого волшебнаго медальона, гдѣ бы на слоновой кости Левины черты были изображены какъ живыя? Теперь она ясно чувствуетъ, что, будь даже его портретъ предъ ея глазами, онъ ей казался бы за лоскутокъ бумаги. Да и одно ли имя Левъ? На первыхъ порахъ, пока чуткое сердце было живо, Софья во всемъ и вездѣ умѣла находить дорогія примѣты.

Это время безвозвратно прошло теперь.

Теперь Софья Даниловна глядитъ на бѣднаго дьяка приказной избы, и ее занимаютъ мысли совсѣмъ другія. Левъ Гурыичъ уже представляется ей вовсе не такъ грубъ и не такъ аляповатъ, какъ прежде. Сказать ли? Она даже находитъ, что онъ «ничуть не противенъ ей».

Неужели однако и въ самомъ дѣлѣ молодому въ голову дурь западетъ? Софьиной вины тутъ нѣтъ. Правда, она обращается съ нимъ запросто, по-дружески; но таковъ ея обычай со всѣми. А противъ другихъ она къ нему не измѣнится даже на волосъ. Строга, неумолима. Бѣдному Гурыичу даже досадно. Онъ своими взорами будто умоляетъ воеводину дочку: «Понасилуй себя, измѣнись!.. или меня, презрѣннаго червяка, лучше совсѣмъ прочь ногой оттолкни отъ себя!» Не измѣнится воеводина дочка къ бѣдному дьяку тарханской приказной избы и ногой также не оттолкнетъ его прочь отъ себя. И втайнѣ Софья Да-

ниловна даже сама себя въ малодушествѣ упрекаетъ: «не молодому въ голову дурь западетъ, а только я по своей гордости это вообразила себѣ! Знать-то ее изъ меня ничто не выпибло! Знать-то еще я до сихъ поръ своему превосходству никакъ сама въ себѣ не нарадуюсь».

Но тутъ не Москва. Самое то, что боярышня могла здѣсь гулять одна съ няней и поминутно бывала въ разговорахъ со Львомъ Гурьичемъ,—самое это постоянно напоминало ей, что Тарханскъ противъ столицы совсѣмъ деревенщина. Они, Обресковы, и весь ихъ домъ отличались отъ всего здѣшняго люда, какъ день отъ ночи. Здѣшній міръ—не ихъ міръ. И воспоминанія о томъ иномъ, оставленномъ мірѣ, отблескомъ котораго и являлся для нея всегда Левинъ образъ, уже совсѣмъ гасли и замирали въ ея душѣ. Ужъ ничему не вѣрится, ничего не ждется.

Затаенныя силы будничной тишины тайно подползали и закрадывались въ душу къ ней.

— Ахъ, няня! няня!—терзалась и мучилась Софья за это глухое время.—Сама себя устрашаюсь. Ужъ не знаю, до чего я куда я дошла?... Ахъ, для чего я такая еще молодая!..

Она плакала, утиралась платкомъ.

— Христосъ съ тобой!—молвила старуха.—Что говоришь такое, Даниловна, не хорошо. Молись, мое дитятко.

«Господи!» вся въ чудномъ восторгѣ пала она одинъ разъ предъ образомъ Тихвинской Божіей Матери и въ глубокую ночь до зари у себя молилась. «Такихъ ли моихъ, другихъ ли своихъ, не дай теперь на Москвѣ бѣдному Левѣ страданій знать».

Къ совершенному оправданію боярышни надобно и то сказать: эта вторая тарханская зима была для нихъ еще тяжелѣе. Что-то неладное начиналось кругомъ. По городу пошли ходить какіе-то зловѣщіе толки. Въ народѣ говорили, что такой бурной зимы,

какъ эта, еще не видано въ Тарханскѣ, и это не даромъ; что вездѣ высыпало звѣря, противъ прежнихъ лѣтъ, неслыхано много, и это не къ добру. Старожилы на весну ждали небывалаго разлива и предсказывали большую воду. Мельникъ Захаръ что-то чаще вздергивалъ свои густыя брови косицей вверхъ, когда заговаривалъ съ боярышней о смутѣ, что была при Шуйскомъ. Старая няня Василіса Пахомовна все какой-то «бѣды чаяла». Въ одинъ тотъ послѣдній годъ старушка постарѣла за десять.

— Пора мнѣ, боярышня, ой, пора!—повторяла она все чаще.—Словно я слышу, что тутъ на дальней стороне кости свои сложу. И я рада бы тому, лишь бы вы все мои дорогіе живы были. Богъ бы далъ отсюда скорѣй выбрались. А твое, дитятко, счастье и безъ меня, старухи, устроить тебѣ Богъ.

Старушка крестила ее дряхлою рукой.

Отъ Льва Гурьича Софья Даниловна услышала, наконецъ, такіа вѣсти: казаки вездѣ заворачивали, и мужики кругомъ поднялись.

Народная молва накликала на ихъ мѣста бунтовавшаго гдѣ-то на Волгѣ Стеньку Разина. «Всего мы въ Тарханскѣ пережили,—думаетъ Софья:—одного этого не доставало!» На святкахъ въ приказную избу къ воеводѣ приводили какихъ-то «измѣнныхъ людей», а на масленицѣ и Великимъ постомъ у нихъ по всему городу проявились «подметныя письма». Казаки въ нихъ хвалились, что придутъ по просухъ, «какъ листъ на деревѣ размечиваться станеть». Изъ уѣзда многіе помѣщики забирались въ городъ; Тарханскъ на ихъ глазахъ какъ-то тѣснѣтъ и людьми переполняться начиналъ. Прошло мало времени, казаки ужъ и вовсе писали: «И не начается, какъ скоро придемъ».

И вотъ что прежде пронеслось глухимъ гуломъ въ народѣ; о чемъ люди, желавшіе казаться умнѣ другихъ, говорили не иначе какъ о розсказахъ старыхъ бабъ; что, наконецъ, содержалось въ секретѣ отъ всѣхъ,

даже когда тому вездѣ объявились явные признаки: то въ самое короткое время приняло однакожь такой крутой оборотъ, что воевода вынужденъ напелся отписать на Москву къ государю: къ Тарханску де воровскіе всякіе люди, казаки, мордва и мужики подходить, и за здѣшними малыми ратными людьми и за всеобщю народною шатостью не чають онъ, какъ имъ отъ воровъ и усидѣть.

На самой Страстной стали казаки къ Тарханску подходить...

Глава XVII.

Ворожба.

На Москвѣ тѣмъ временемъ Лёва на самые на святки забодѣлъ «огневою» и шесть недѣль не вставалъ. Напрасно, любя домъ Засѣкиныхъ-Рындиныхъ, государь Алексѣй Михайловичъ присылалъ къ нимъ своего доктора. Старики ясно видѣли, что «царекій дохтуръ ничѣмъ не поможетъ больному дитѣ: дитя ихъ порченое лежить». Лёвина няня, старушка Домна Борисовна, перебралась на это скорбное время отъ своей сударыни-княгини Львовой опять въ домъ своихъ старыхъ господъ. Дни и ночи сидѣла она надъ больнымъ; она Божьими молитвами и простыми цѣлебными травами лѣчила Лёву.

Произошло чудо. Левъ, когда ужъ гробовщики навѣдывались и толпились у воротъ, выздоровѣлъ. Обрадовались, ожили старики и отслужили благодарственный молебенъ предъ образомъ Тихвинской Божіей Матери. Это было за двѣ недѣли до масленой.

Плакала, обнимая его молодая княгиня Львова, Настасья Григорьевна, сестра его, и прошептала своему исхудалому Лёвѣ: «Свѣтикъ мой братецъ! живи-здоровствуй! Богъ дастъ, скоро твоей радости дождемся». Радость великая была въ домѣ. Радовалась на Москвѣ вся широкая родня Засѣкиныхъ. Но бѣлый домъ черезъ улицу попрежнему глухъ-забитъ стоялъ...

— Право, тетка,—говорилъ опять молодой князь Львовъ,—слѣдъ бы тебя къ моей молдаванкѣ свозить. Она вѣдь и гадалыщица!

— А гдѣ, братецъ, она живетъ?

— На Сивцевомъ Вражѣ. Болотце знаешь?..

Молодой князь Львовъ похвалялся, что онъ совѣтъ тезку выѣбчить; даже пить вино научить его. Всю масленицу они вдвоемъ катались на тройкахъ; вдвоемъ у сорока дядюшекъ и у сорока тетюшекъ на блинахъ перебивали. Но разгулъ пуще Левъ на сердце тяжелымъ свинцомъ легъ.

И Левъ, самъ себѣ не умѣя дать отчета что такое неладное у него творится въ душѣ, все пуще задумывался надъ тѣмъ: «неужели человѣку нельзя будущее знать?»

И вотъ въ одинъ яркій весенній день онъ на Сивцевомъ Вражѣ, самъ того не замѣчая, ужъ совѣтъ къ Болотцу подошелъ. Ничего не помня, онъ ужъ стоитъ въ комнатѣ, гдѣ Греческими духами сильно пахнетъ, и будто въ дурманѣ какомъ видитъ предъ собой молдаванку.

— Молодой бояринъ! — И Маріорица (роскошная женщина лѣтъ тридцати, съ яркими восточными чертами лица, красота которой могла бы и на улицѣ броситься въ глаза) манила, завораживала Лёву. Она смотрѣла ему въ глаза съ участіемъ. — Пригожій мой! Ахъ, твой царскій кафтанчикъ милъ для меня. Въ такомъ точно ко мнѣ всегда мой приходилъ. Только у тебя волосы какъ смоль черные, а мой — бѣлокурый былъ.

Она томно вздыхала и своими влажными, страстными взорами, все ближе припирала къ его бѣлому лбу, къ его чернымъ кудрямъ.

— У меня и М^в бываетъ! — вдругъ совершенно неожиданно молвила молдаванка.

Левъ вздрогнулъ. Имени царскаго боярина, котораго онъ привыкъ встрѣчать только во дворцѣ на торжественныхъ выходахъ, онъ никакъ не ожидалъ у Маріорицы услышать. А она назвала еще нѣсколько московскихъ именъ; въ молодыхъ сейчасъ же помянула его товарища князя Львова.

— Ты, дѣвушка, я вижу не гадалщица! — грустно сказалъ Левъ и высвободилъ свою руку отъ нея прочь.

Молдаванка вепыхнула.

— А что жъ я такое? — разстановочно и гордо спросила она его.

— Знаешь сама что, — молвилъ Левъ, смѣло взглянувъ ей въ глаза.

— Ахъ молодой, молодой!..

Маріорица укорительно закачала головой.

— У насъ Богъ одинъ съ тобой.

Она тщательно отрещивалась на кіотъ съ двумя раскрашенными, раззолоченными вербами вверху.

— Я тебѣ не какая-нибудь Изотка. Это ты не къ Изоткѣ пришелъ. Я думала ты меня цыганкой называть хочешь, вотъ что. Такъ я и не цыганка. Маріорица театрално подступалась къ нему.

— Я-то не ворожейка?! Да я такая ворожейка, противъ меня у васъ въ цѣлой Москвѣ другой нѣтъ. Я самая настоящая ворожейка.

Она заподымала голову и разводила руками. Греческими духами сильно запахло; голова кружилась у Лёвы. Онъ ей опять несмѣло въ глаза глядѣлъ.

— Ну, какая же твоя ворожба?

— И звѣзда подъ которою человѣкъ родился, и цвѣтокъ въ полѣ, и на водѣ живой который его цвѣтокъ — на все своя ворожба. А тебѣ теперь на цвѣтокъ ворожба.

Маріорица совѣтъ прильнула къ Лёвину лицу и долго, какъ бы выпытывая, глядѣла ему въ глаза.

— Твой желтый цвѣтокъ! — воскликнула она въ восторгѣ. — Ахъ, счастливъ бояринъ молодой: его весенній цвѣтокъ, на водѣ, его живой цвѣтокъ!

— Поганый поцѣлуй! — почти вслухъ воскликнула Левъ. Показалось ли ему, такъ ли оно было, что Маріорица его поцѣловала.

— А вотъ же я и не поцѣловала его! — жалобно вывела Маріорица, протянувъ обѣ руки. — Да и поцѣлю

вать я тебя за что хотѣла?—Она поглядѣла долго ему въ глаза.—За то, что ты *блѣмй*. Я такую примѣту знаю; ты до сихъ поръ *блѣмй*. Счастливая твоя невѣста,—сказала она, вздохнувши.—Ты съ своею невѣстой, вы оба подъ вѣнцомъ будете бѣлы стоять.

— Скорѣй ворожи-ка!—крикнулъ Левъ, дрожа губами.

— Вотъ твой самый цвѣтокъ. На Негляной сорви, на своей груди изсуши.

Она подала ему сухой образецъ того цвѣтка, который онъ долженъ былъ сорвать съ живой воды на Негляной.

— Можетъ ли цвѣтокъ что сдѣлать?

— Ахъ! можетъ, бояринъ. Цвѣтокъ много можетъ!—внушительно сказала Маріорица.—Иная звѣзда того не можетъ... И вотъ тебѣ причина. Самъ ты съ живой воды сорви цвѣтокъ. Ты разлочи цвѣтокъ: сокъ изъ него попьется. И у тебя душа есть, бояринъ молодой, и у насъ какъ у цвѣтка душа въ крови.

— Что же будетъ?

— Какъ изъ цвѣтка на твоей груди, твоимъ горемъ сохнувъ, душа изъ него изойдется, то и твоя судьба перемѣнится. Ахъ,—мотнула она головой,—ничего не понимаетъ молодой.

— Можешь ли напередъ про мое будущее сказать?

— Какъ это можно, бояринъ!—взвизгнула молдаванка, и ея поднятыя руки такъ и замерли въ воздухѣ.—Какъ это можно, бояринъ!

Она укорительно качала головой, молодого пристыжала.

— А судьба моя перемѣнится?

— Нельзя ей не перемѣняться, бояринъ,—отвѣчала Маріорица.—Все равно какъ если бы твоя звѣзда въ небѣ... вдругъ скатилась бы...

— Колдовство!—сказалъ Левъ и отбросилъ цвѣтокъ. Она его на лету поймала.

— А я тебѣ скажу, бояринъ, колдовства нѣтъ никакого,—молвила Маріорица и по-пріятельски положила

свои руки ему на плечи.—Вотъ ты любишь боярышню, а боярышня тебя любить. Не такъ ли? Но почему же вы своей судьбы не перемѣните. Судьба не отъ воли. Наша, а не отъ насъ. Такъ что же ты смѣешься на цвѣтокъ?

Мысли въ Левиной головѣ путались и мѣшались. Онъ стоялъ какъ полоумный.

— Только въ томъ мое колдовство, бояринъ,—продолжала она,—что я твой цвѣтокъ узнала. Но это ужъ отъ Бога таланъ. Гдѣ любовь, тутъ и ворожба, бояринъ. Любовь въ насъ отъ сердца... а сердцу какъ безъ ворожбы?

Маріорица задумчиво и грустно качнула головой.

— И на все свои примѣты. Только не всякій ихъ угадаетъ.

Лѣва стоялъ уже ничего не слышалъ. Маріорица его цѣловала.

— Я бы ихъ и рада примѣтъ не знать. Я бы, ихъ не зная, счастлива была! Да вотъ тутъ онъ у меня...

Она била себя въ грудь, опять заволакивала бѣлками.

— Ужъ въ полѣ родясь, о нихъ съ птицами небесными я перекликалась. По зарямъ я ихъ на ростъ цвѣтовъ разбирала. Мѣсяцъ мой учитель былъ. Звѣзды мнѣ признавались. Нѣтъ, Маріорица никогда не будетъ покою знать!..

— Мнѣ,—проговорилъ Левъ, и губы его дрожали,—мнѣ твой желтый цвѣтокъ помочь?

— Бояринъ молодой! Жаль мнѣ тебя, право. Отъ души хотѣла бы пособить. А то ужъ вотъ что развѣ... Ступай къ Ионъ Кырцу. Ты Ионъ Кырца знаешь?

— Ионъ Кырецъ?—дыко прозвучало у Левы въ ушахъ.

— Нѣтъ, лучше не ходи! Не ходи къ Ионъ Кырцу, молодой. Ионъ Кырецъ колдунъ, а тебѣ прямо, бояринъ, говорю. Ты Ионъ Кырца знаешь? приставаля къ нему Маріорица.

— Мариорка, я бы пошелъ къ нему!

— Я не колдунья, я ворожейка!—жалобно лепетала Мариорица и хастилась къ нему, какъ бы вымаливая себѣ прощеніе.—Богъ мнѣ на роду судилъ ворожейкой быть... И кому какая звѣзда, кому какой цвѣтокъ, это ужъ отъ Бога таланъ... Я даже по глазамъ примѣты узнаю. Это отъ Бога таланъ такой. А Ионъ Кирыцъ...—И Мариорица вздрагивала, ея губы истерически шевелились.—Ионъ Кирыцъ колдунъ.

— Мариорица, что такое колдовство значить?

— А Ионъ Кирыцъ можетъ и будущее знать.

И Лева, пока бѣжалъ на Неглинную за желтымъ цвѣткомъ, совсѣмъ былъ безъ памяти. Ионъ Кирыцъ, оказалось, дьяконъ, въ Даниловой слободѣ живетъ, въ дальнемъ упраздненномъ приходѣ. Молдаванка, лояма и коверкая многія слова по-своему, и его, Иону Кирыча, назвала не по-русски.

Левъ на Неглинной прямо съ живой воды сорвалъ свой желтый цвѣтокъ. Втупору на его глазахъ за рѣчкой весь Кремль былъ на виду. А онъ ни золотого Кремля, ни святыхъ соборовъ, ничего уже предъ собой не замѣчалъ.

Глава XVIII.

Колдунъ.

Лѣва въ потемкахъ, въ большой пустой комнатѣ. Два окна наглухо забиты ставнями, а на одномъ разставлена высокими стоячими пучками зеленая чермерика. Хозяинъ въ темномъ дьяконскомъ подрясникѣ и съ волшебною большою книгой въ рукахъ. Онъ расчесываетъ широкую бороду, расправляетъ усы и, сверкая сѣрыми глазами, Лѣву будто мертвымъ духомъ съ головы до ногъ обдаетъ.

— Рцы, рцы слово! — говорилъ онъ ему грубымъ голосомъ по-мужицки и прямо повелъ въ темный уголъ къ своему чародѣйству. Лѣва о своемъ желаніи узнать будущую судьбу свою едва пролепеталъ.

— Судьба кладъ,—не то свое колдовство начинаетъ, не то ему просто отъ себя колдунъ говорить, да еще будто осердился.—Это ты къ облыжнымъ колдунамъ иди, свое говори. А я самъ знаю что. Тебя не спрашиваю.

И въ большой книгѣ онъ уже началъ листы поворачивать. Онъ началъ вычитывать и говорилъ разстановочно, совсѣмъ какъ должно дьякону, на его дьяконскомъ мѣстѣ стоя; а то вдругъ обернется къ Левѣ и опять по-мужицки:

— Какъ заговоръ на кладъ, такъ и на судьбу свой наговоръ есть. Я-те не облыжный колдунъ. Облыжный колдунъ людей морочить, даромъ деньги беретъ. Сюда ко мнѣ становись.

И онъ руки простеръ надъ Левой, большую книгу

подержать мало надъ его головой. Умъ мутился у Лёвы. Видимое дѣло: само колдовство теперь начинается. Колдунъ страшными заклинаніями призываетъ силу, причитываетъ скороговоркой, шептаетъ что-то въ сторону и неистово метается въ темномъ углу, будто съ самымъ нечистымъ на полу говоритъ.

Темнѣетъ въ глазахъ у Лёвы.

«Чего хочешь, чего просишь?» раздается у него въ ушахъ.

«Наша сторона ледяная!» — зыкнулъ ему въ отвѣтъ лавочникъ на посадѣ, когда онъ спрашивалъ, гдѣ тутъ живетъ Іонъ Кырычъ. И Левъ думалъ: это онъ самый опять предъ нимъ съ рыжею бородой; анъ, вематривается, никакъ это гробовщикъ?

«Чего хочешь, чего просишь?» у Лёвы въ ушахъ раздается. «Хочу кладу, прошу яду», слышится его чары, и онъ ужъ что-то въ чашу кладетъ. «Кладу хочу, яду прошу», и онъ съ чародѣйскими обрядами что то расправляетъ у себя на столѣ. «Кладу ли хочешь? Кладу!» въ помраченіи ума своего возглашаетъ колдунъ. «Яду ли просишь? Яду!» И онъ къ своему темному чародѣйству припадаетъ. «Се кладъ тебѣ, се ядъ тебѣ!» причитываетъ онъ скороговоркой. «Не ядъ тебѣ, се кладъ тебѣ!»..

А у большого совѣтъ уже дурно въ головѣ. Отъ чемерики съ окна сизый дымъ шелъ на всю комнату, казалось ему. Опять къ самому темени приливалось, опять горячечный бредъ донималъ больного, опять она—огневая.

— Рцы, рцы слово! — между тѣмъ говорилъ ему колдунъ, и его, царскаго сокольника, въ бока толкалъ.

— Яду просилъ! — крикнулъ въ безпамятствѣ Левъ.

— Рцы: слышу! — грубо, по-мужицки, перебилъ колдунъ и велитъ начать сызнова. — Хотѣлъ кладу, просилъ яду. Слышишь ли? Рцы: слышу.

— Слышу, — сказалъ Левъ.

— Яду просилъ, кладъ получилъ, — сверкнулъ на

него колдунъ сѣрыми глазами. — Слышишь ли? Паки рцы: слышу.

— Слышу, — сказалъ Левъ.

— Не яду просилъ... — въ сторону скороговоркой зашепталъ колдунъ и уже въ совершенномъ изступленіи крикнулъ: — кладу просилъ, кладъ и получилъ! Слышишь ли? И въ третій рцы: слышу.

— Слышу, — въ третій разъ сказалъ Левъ.

И тогда сила будто совсѣмъ отступила отъ колдуна.

У Лёвы въ глазахъ чемерика прыгала на окнѣ, у него подъ ногами полъ ходилъ ходенемъ, а Іонъ Кырычъ запросто утиралъ вспотѣлый лобъ, попрежнему расправлялъ усы и бороду и съ левой опять какъ ни въ чемъ не бывало мужикъ-мужику говорилъ. Онъ только изрѣдка, будто для справокъ, заглядывалъ въ свою книгу и, словно, читалъ по ней.

— Ну, теперь, прекрасный мой бояринъ, уповать надобно, измѣнится къ хорошему концу. Завтрашній день этотъ самый порошокъ, разумѣется на тощее сердце, еще до свѣту проглотитъ; все равно съ водой можно. А лучше, за часъ до солища проглотить, на самомъ восходѣ, воды испить. Это я тебѣ наперво дамъ. Будешь каждую ночь во снахъ возлюбленную видѣть. А въ той же ночи, уповательно, и ей гмырить будетъ. Если есть злые люди, которые препятствуютъ, уповать надобно, измѣнится къ хорошему концу. Наперво довольно. Злые люди и порчены могутъ быть, и изомрутъ. Бываетъ даже издавеча пользу — влюбленные получаютъ желаемое. Пуцаю по вѣтру и заглазно, свое дѣйствіе имѣть.

Холодный потъ выступилъ у Лёвы на вискахъ, Іонъ Кырычъ потрепалъ его по плечу своею широкою ладонью и съ мужицкою любезностью обернулъ за шею прямо къ себѣ.

— Твой-то, я вижу, гдѣ далеко живутъ, — сказалъ онъ, стараясь добродушно улыбнуться. — На дальней сторонѣ. А-съ? У тебя на лицѣ ржа есть. Ржавая

кровь. Такая ржа зовется, изъ сердца на лицо бѣжитъ. Отъ дикой крови заводится; нападаетъ отъ долой тоски. И она, ржа, на тебѣ есть. Могу и будущее знать. Но твоего будущего еще предо мной нѣтъ.

Левъ начиналъ на ногахъ шататься.

— Предъ очима моима твоя судьба надвое предо мной.

Ионъ Кырычъ опять заглядывалъ въ свою большую книгу.

— Всякому человѣку мѣта положена есть, и дондеже не пройдетъ злой мѣты своей — надвое судьба предъ человѣкомъ. Когда же злой прешель мѣту, болѣе не властенъ въ судьбѣ своей, и его нудить лукавое о будущемъ спросити. Но твоя судьба еще надвое предо мной. Я-тѣ не облыжно говорю. Даромъ съ тебя мзды не хочу. Наперво не возмю и за теперешнее начинанье свое. Но теперь дорогу ко мнѣ узналъ, прекрасный мой бояринъ; такъ и въ друго-рядѣ, и въ третій ко мнѣ придеши. Тогда за одно получу. Ионъ Кырычъ, во всемъ околоткѣ спрося, не чтобы людей морочить облыжный колдунъ. Приходящiе желаемое получаютъ отъ меня. Не облыжно и тебѣ говорю.

...Изъ темной комнаты, съ мертвою зеленою травой на окнѣ, вырвавшись на свѣжій воздухъ, сокольникъ самъ не свой толкался по посадѣ. Рогожныя лавки-прилавки, грязныя не дворянскія лачуги, царскіе кабаки на кабаки онъ скорѣй мимо себя пропускалъ.

Онъ идетъ, спѣшить, точно кто гонится за нимъ. Но какъ ни спѣшилъ и сколько впередъ ни подвигался, а въ испугѣ видить, что все одинъ и тотъ же пустырь предъ нимъ и какой-то длинный нескончаемый заборъ тянется предъ его глазами. И то и дѣло сорный ровъ попадаетъ ему на глаза: на днѣ бѣлѣли мертвыя кости. Онъ пустился бѣжать... Но чѣмъ шибче гонить, тѣмъ сильнѣй и колдовскія чары поспѣвають

за нимъ... Уже онѣ обступаютъ, лхнутъ, кружатся, не даютъ ходу. Ему дурно становится... и вдругъ пошло, пошло. Земля разступается подъ ногами; неударжимая сила валить его въ подземную на самое дно, и на очн темный адъ оттуда съ дикимъ хохотомъ встаетъ.

— Силы небесныя! — крикнулъ безпамятный Левъ. — Заступите, защитите меня! — И со всего бѣга упалъ наземь. Его било какъ въ порчѣ. — Силы небесныя! — стоналъ онъ глухо съ земли. — Заступите, охраните меня!

И силы небесныя заступили, охраняли его. Благовѣсть, какъ бы мысленному слуху, почудился ему вдали. Онъ вперилъ неподвижный взоръ въ синюю даль, и руки у него замерли на груди крестъ на крестъ.

Въ тихомъ весеннемъ навечеріи это сама Москва, какъ неземное видѣніе, рѣяла предъ его глазами. Несмѣтными церквами, монастырями, золотыми кремлевскими соборами сіяла ему синія даль.

Онъ вдругъ бросилъ въ ровъ свой желтый цвѣтокъ; тотъ упалъ на дно къ лошадинымъ костямъ. Онъ схватилъ и бумажную закладку, отбросилъ порошокъ прочь отъ себя...

Мглистымъ столбомъ сѣрый въ воздухѣ повернулся и совсѣмъ въ воздушной пропасть.

Левъ земно поклонился городу и навстрѣчу зову колоколовъ веселыми ногами пошелъ.

— Сердце чисто созижди во мнѣ я духъ правъ обнови во утробѣ моей!.. Избави мя отъ кровей, Боже, Боже! — слышалось ему чтеніе на клиросѣ, когда онъ входилъ въ первую попавшуюся церковь. — Господи и Владыко живота моего, — молился предъ алтаремъ священникъ, и за нимъ вся церковь: духъ же цѣломудрія, смиренномудрія, терпѣнія и любви — съ земными поклонами повторяла. Всѣхъ на отпустѣ благословилъ священникъ, и — недолга вечерняя служба — говѣльщики, перекрестясь, пошли по домамъ.

Но ему хочется теперь скорѣй красную церковь по-видать, хочется туда, гдѣ онъ первый разъ ее видѣлъ,—на то самое мѣсто стать, гдѣ она обыкновенно ставилась за обѣдней, и тамъ самой Тихвинской Божіей Матери молиться.

Мягко было въ воздухѣ, привольно. Весенняя про-чника, молодая трава, весело зеленѣла по дорогѣ. Улич-ная грязь бѣжала мутными ручьями. Пѣтухи и куры расхаживали и поклеивали себѣ. Всего этого прежде Левъ не замѣчалъ.

Красная церковь была не заперта. Рѣдко раздава-шіеся удары колокола призывали исповѣдниковъ. Во-петь,—и все здѣшнее узорчье ласково засвѣтило ему.

Онъ сталъ на то самое мѣсто, гдѣ она обыкновенно ставилась за обѣдней, и самой Тихвинской Божіей Матери молился.

— Царица Небесная! — говорилъ Левъ. — Сама Ты, Непорочная Дѣва, вступи и защити меня.

А Тихвинская Божія Матерь, съ неизъяснимымъ ми-лосердіемъ взирала на молящагося, будто еще говорила ему: зачѣмъ ты ко Мнѣ съ самаго начала не обра-тился?

— Дѣвушка мой! — въ тотъ же вечеръ говорила ему, обливаясь слезами, боярыня Татьяна Борисовна. — На всю жизнь мнѣ сегодняшнее число будетъ памятно. Вотъ когда: не на масляной, а только новѣйшее число, на самую Страстную, ты совсѣмъ отъ огневой опра-вился.

И мать подводила сына къ своей образницѣ, гдѣ опять сѣла Тихвинская Божія Матерь, точный снимокъ въ величину подлинника съ ихъ храмовой иконы. Левъ кланялся земно. И Она опять съ неизъяснимымъ милосердіемъ взирала на молящагося и точно такъ же, какъ въ церкви, будто еще говорила ему: зачѣмъ ты ко Мнѣ съ самаго начала не обратился?

Глава XIX.

Какъ воры подошли къ Тарханску.

Казаки, подойдя къ Тарханску, всѣ лодки по берегу сожгли. Это было именно то время, когда прибрежные готовились къ водополюю. Вдоль всей Тарки стояли цѣлыя озера воды. По ея берегамъ синѣли и струи-лись рябью широкія окраины; ледяная кора по всей рѣкѣ наводенѣла; ледъ съ часу на часъ надувался. Село Великое осиротѣло за рѣкой и глядѣло отрѣзан-нымъ хомтемъ противъ города.

Это было страшное время для Обресковичъ на даль-ней глухой сторонѣ. Последнія недѣли воевода про-водилъ дни и ночи въ приказной избѣ. Ихъ маленькій домикъ хлопалъ по всѣмъ дверямъ: входили полузна-комыя чужія лица; ихъ дворовые бѣгали съ ногъ до головы вооруженные. Весь обычай какъ-то нарушился въ домѣ: безъ времени садились за столъ, «обумши» спать ложились. Левъ Гурьевичъ поминутно переда-валъ Софѣ Даниловнѣ пыточные рѣчи, однѣ страш-нѣе другихъ.

Никто не зналъ навѣрно: кто именно шелъ на ихъ городъ. Говорили розно: Стенька-Разинъ, Сивый Усъ. Еще говорили, что дикая башкира поднялась. Чего хотѣлось стрымъ—этого также никто не зналъ. Нако-нецъ, на чемъ сдумано у нихъ у самихъ въ городѣ: выйдутъ ли воровъ встрѣчать въ поле, будутъ ли от-сиживаться отъ нихъ за стѣнами, въ городѣ, и про это всякій толковалъ по-своему. У воеводскаго двора тол-пилось день и ночь все тарханское населеніе. Съ пло-

щади народъ, прямо сказать, не расходился даже и по ночамъ. Пробовалъ ли кто потянуться между площаднымъ людомъ, ни о чемъ не могъ бы онъ попытаться и здѣсь: за государя ли хотѣть стоять вмѣстѣ съ воеводой, воровскую ли сторону уже явно дергать.

Софья хорошо знала, что они въ большой опасности. Воевода все ждалъ сильной рати изъ сосѣднихъ Орлова; онъ обчелся всего двумя днями: изъ Орлова ко вторнику не могли придти за пою водою. Тогда воевода распорядился, чтобы на-дняхъ же изъ села Великаго перевести хоть часть тамошней рати: сотни четыре тамъ было надежныхъ. Но пока еще собирался, а передняя часть бунтовавшей черни уже разсыпалась по всей округѣ, и поминутно доносили объ ихъ проказахъ. Воевода — это было въ Великій четвергъ — нарочно послалъ въ село Великое самого Льва Гурьевича. Онъ велѣлъ ему сейчасъ же приводить рать; отдать, кромѣ того, приказъ, чтобы приготовить тамъ дворъ для своей семьи и чтобы на обоихъ берегахъ было устроено все, что нужно для переправы. Цѣлый день онъ нетерпѣливо ожидалъ возврата Льва Гурьевича.

Софья была весь день занята съ тетей-мамой; она не отходила отъ ея постели; въ комнату отца ей удалось сбѣгать только раза три, четыре, и то на одну минутку. Странно показалось Софѣ: всякій разъ какъ она входила въ отцовъ покой, Данила Ивановичъ сидѣлъ молча у своего большого дубоваго стола въ широкомъ креслѣ, задумчивъ и неподвиженъ, какъ въ смертной истомѣ. Что такое дѣлается съ ея отцомъ, Софья никакъ не могла разгадать. А только чѣмъ глубже каждый разъ заглядывала ему въ лицо, тѣмъ вѣрнѣе прочитывала: нѣтъ, это никакъ не воровъ боялся онъ!

Левъ Гурьевичъ вернулся уже поздно. Онъ вбѣжалъ прямо къ воеводѣ въ комнату, взволнованный и разстроенный.

— Тарка сейчасъ прошла! Четыремъ сотнямъ нельзя быть сюда изъ Великаго,—кикнулъ дякъ.

— Тѣмъ лучше, — молвилъ воевода, выслушавъ его совершенно спокойно.

— Въ городѣ одни ненадежные остаются; явно передались разбойникамъ,—добавилъ дякъ.

— Извѣстное дѣло, — опять совершенно спокойно возразилъ воевода.

Онъ все сидѣлъ попрежнему молча и насупившись; Левъ Гурьевичъ стоялъ передъ нимъ уже на вытяжку. Передавъ какой-то новый приказъ дяку, Данило Ивановичъ вдругъ всталъ со своего кресла и ушелъ къ своимъ.

Софья сидѣла въ комнатѣ у «тетей-мамъ». Наталья Ивановна, одѣтая совсѣмъ по-дорожному, даже въ высокихъ сапогахъ, лежала распростертая на своемъ чутѣ не до потолка пуховикѣ. Она теперь даже не охала и не ахала по своему обыкновенію. Въ головахъ у ней блестѣлъ золотымъ окладомъ образъ «Всѣхъ Скорбящихъ», который уже нѣсколько дней тому назадъ былъ ею снятъ изъ угла, и осиротѣлый гвоздь паутинился тамъ задомъ съ розовою тесемкой. Заслышавъ приходъ своего государя-братца, Наталья Ивановна замахала рукой...

— Охъ, не говори... не говори! Ничего не говори...—застонала она ему.

Протопопова жена, которая пришла было просидѣть съ ними вечеръ, молча отвѣсила низкій поклонъ воеводѣ и удалась.

Данило Ивановичъ присѣлъ въ ногахъ сестриной кровати. Софья, заложивъ руку на ея спинку, стала возлѣ отца. И боярышня была въ коротенькой мѣховою шубейкѣ; за поясомъ у ней блестѣлъ кинжалчикъ. Подобранный сарафанъ давалъ видѣть ея статныя шаровары на мужскую статью, и также походные высокие сапоги.

Долго длилось молчаніе. Наконецъ, Данило Ивановичъ сказалъ:

— Мнѣ, воеводѣ, надо завтра на стѣнахъ быть и царскую службу до конца живота нести, а чтобы съ собою и бабъ на вольную смерть тащить—того въ законѣ нѣтъ. Какъ ни трудно было, а для васъ все приготовлено. Люди съ вами надежные пойдутъ. Прощай, матушка-сестрица. Софья! сейчасъ же собирайся съ матерью и въ лодку садись. Вы сію же минуту должны ѣхать въ Великое. За рѣку.

Наталья Ивановна ожила и встрепетулась. Отецъ всталъ съ кровати и молча перекрестилъ дочь.

— Батюшка, я не оставлю тебя одного, — сказала Софья. — Сейчасъ я соберу тетю-мату, и пусть тети-мама одна поѣдетъ. А я какъ же тебя здѣсь одного брошу?

Околыничій велѣлъ кликнуть Льва Гурьевича. Тотъ явился, какъ листъ передъ травой.

— Лѣвко! готово, что ль?

— Все, какъ велѣлъ, изготовлено. Ледъ идетъ шибко; вода прибывать стала, но прибрежные взялись доставить. Молодцы попались бывалые. Гдѣ, сказываютъ, на доскахъ переведутъ, гдѣ на лодкѣ проѣдутъ, обнадеживаютъ.

— И пол-ста къ нимъ придалъ? — допросилъ воевода.

— При мнѣ еще переправились, чай ихъ боярскую милость давно съ подводкой на томъ берегу ждутъ.

— Чекмарь! — крикнулъ околыничій.

Въ комнату вошелъ его ровесникъ старикъ-слуга, который весь вѣкъ, еще съ самаго дѣтства, не разставался со своимъ бояриномъ.

— Ты повезешь ихъ, — сказалъ ему околыничій, — слышишь ли?

Онъ многозначительно помолчалъ.

— Впередъ при нихъ съ сей минуты безотлученъ будь. Понялъ?

— Слушаю-съ.

Чекмарь палъ ему въ ноги. Околыничій поднялъ

слугу, и горячо оба старика поцѣловались между собой.

Данило Ивановичъ началъ прощаться съ сестрой. Наталья Ивановна уже весело двигалась на ногахъ. Онъ самъ ее поддерживалъ и велъ къ дверямъ.

— Батюшка, я право не пойду, — остановилась Софья на подорогѣ. — Позволь еще хоть одинъ денекъ побыть тутъ.

— Это вотъ другое дѣло, — молвилъ околыничій въ раздумьи. — Завтра, — сказалъ онъ, цѣлуя дочь, — пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ перевозъ еще лучше будетъ.

Проводивъ сестру, воевода опять ушелъ въ свою комнату. Софья попробовала было войти къ нему: дверь оказалась запертою на ключъ. Она вошла въ опустѣлую спальню тѣти-мату и тамъ припала головою къ стеклу у окна. Ущербленный мѣсяцъ пылалъ на синемъ апрѣльскомъ небѣ. Ей показалось, что она слышитъ и весенній ночной сырой туманъ въ воздухѣ, и даже вой Тарки, какъ на ней ледъ ломается и какъ вода шумитъ. Михаилъ Архангелъ не весело сіялъ жестяною крышей. «Страстная недѣля, великій день на улицѣ! Вотъ они какъ ихъ нынѣшній годъ въ Тарханскѣ провожаютъ».

Софья сбѣгала еще разъ къ отцу, потихоньку попробовала дверь: заперта на ключъ. На дворѣ раздался шумъ людей, проводившихъ Наталью Ивановну. Софья вышла на крылечко и сейчасъ поймала Льва Гурьевича. Они очутились вдвоемъ въ большомъ пріемномъ покоѣ. И тутъ, какъ въ цѣломъ домѣ за это послѣднее время, по вѣснмъ угламъ былъ безпорядокъ; освѣщенія во время также люди не подали. Они остались впотьмахъ.

— Левъ Гурвичъ, — отвѣда его Софья подалше отъ батюшкиной половины. — Сказывай мнѣ сейчасъ, что у васъ такое нынче было въ приказной? Отчего давеча поутру батюшка ни живъ, ни мертвъ отъ васъ воротился?

— Ахъ, Софья Даниловна, какія времена! Живо уѣхалъ бы и самъ отсюда. Разбойники, пожалуй, завтра будутъ.

— Это я слышала. Еще что?

— Да еще пытали ночью мордвина. Уже какъ издохнуть собакъ, повинилися: вѣдь ихъ тамъ больше тысячи въ Новой Деревнѣ въ сборѣ. Всѣ къ нимъ и пригороды къ ворами пристаимъ.

— Еще ничего развѣ не было?

— Чего тебѣ еще, Софья Даниловна? Ахъ, право бы уѣзжала вмѣстѣ съ маменькой. Чего еще завтраго дожидаться? Сейчасъ меня воевода посылалъ на рѣку: и люди, и лодка—все готово. Теперь, пока воры не подошли, во всей надежности съ «маменькой» вдвоемъ и переплыли бы. А въ Великомъ селѣ отъ воровъ за теперешнюю большою водой какъ у Христа за пазухой охранно. Опять и нашихъ тамъ людей всѣ четыре сотни, и больше есть.

— Нѣтъ, еще что-нибудь было у васъ,—договорила Софья, разсѣянно слушая или вовсе не слушая разсказовъ Льва Гурьевича.—Видѣла я его, каковъ онъ изъ приказной избы отъ васъ вернулся. Это не воровъ побоялся онъ. Опять, самъ знаешь, нынче же въ ночь изъ Орлова къ намъ двѣ тысячи подойти должны. Батюшка на это вѣрно надѣется.

— Кабы не эти двѣ тысячи, что къ намъ изъ Орлова идутъ, совсѣмъ бы ложись да и умирай тогда. А вотъ нейдутъ что-то,—добавилъ дьякъ, помолчавъ.

— Батюшка говорилъ: придутъ ночью. Ближе завтрашняго дня онъ и съ самаго начала не надѣялся. Последняя отъ нихъ вѣсть была, что непременно будутъ на Великую пятницу, а вотъ ужъ и четвергъ у насъ. Завтра, если не теперь въ ночь, навѣрно придутъ. Нѣтъ, еще чего не было ли у васъ тамъ?

— Да, бишь!...—вдругъ молвилъ дьякъ.—Съ Москвы правда, отъ царя бумага пришла.

— Что жъ ты мнѣ этого сразу не сказалъ?—крик-

нула Софья. «Батюшка мнѣ объ этомъ ни слова!» мелькнуло у ней въ головѣ. — Кто же ее, ты принялъ? Что царь съ Москвы пишетъ?

— Царскихъ бумагъ, Софья Даниловна, мнѣ вскрывать не велѣно; съ самаго пріѣзда такъ мнѣ Данило Ивановичъ заказалъ,—отвѣтитъ дьякъ.—Иные потомъ сдастъ мнѣ на руки, а нипишнюю бумагу прочиталъ да и не сказалъ никому.

— Левъ Гурьичъ! какъ ты самъ замѣтитъ могъ? Ту бумагу отъ государя прочитаешь, батюшка въ своемъ лицѣ каковъ былъ?

— Софья Даниловна! тебѣ онъ отецъ родной; ты его, когда ласковъ, когда грозенъ, разбираешь. А я, презрѣнный червь, совсѣмъ ему подвластная душа. Что до царской бумаги, что послѣ нея, со мною онъ весь день одинаково грозенъ быть. А только прочитаешь, да и за кафтанъ положишь. Это мы всѣ давеча примѣтили. Знать она и сейчасъ при немъ.

Онъ указалъ головой на покой воеводы.

— Ступай теперь, Левъ Гурьичъ!—сказала Софья.—Сѣдлай коня, съѣзди на рѣку: узнай, благополучно ли перевезли тѣю-мату. Такъ мнѣ и государь велѣлъ передать тебѣ, чтобы раньше, какъ ее на другомъ берегу увидишь, ты бы къ намъ и не воротился сегодня.

Воевода вышелъ, наконецъ, изъ своей комнаты ужинать.

— Ноньче въ ночь двѣнадцать евангелій, пожалуй, у Михаила Архангела и не услышимъ,—сказалъ онъ Софьѣ. — Самъ я у себя на сонъ грядущи почитаю. Раньше бы и ты сегодня ложилась спать.

Онъ облакалъ дочь, объяснилъ ей, что на ея просьбу хоть одинъ лишній день остаться съ нимъ онъ согласился на томъ соображеніи, что все равно: воры не посмѣютъ сунуться, пока не всѣ еще собрались въ Новой Деревнѣ; не ближе какъ дня черезъ два-три развѣ пойдутъ сюда къ Тарханску, а изъ Орлова двѣ тысячи съ минуты на минуту должны быть къ

нимъ на помощь. Такъ онъ, одинъ ли день, два ли дня, еще поддержитъ ее близъ себя, по слухамъ глядя, а тамъ и отпустить къ матери. Тогда и сама Наталья Ивановна въ Великомъ селѣ совѣмъ приготовить для нихъ стоянку, да и отписать успѣтъ къ нимъ, каково тамъ мнѣніе въ людяхъ.

— А кажется, — заключилъ воевода, — тамъ въ Великомъ селѣ народъ добръ: не воровъ ждетъ, а государеву сторону держитъ.

Глава XX.

Какъ воры Тарханскъ взяли.

Проснувшись на другое утро, Софья Даниловна совѣмъ удивлена была.

Прямо подъ ея окномъ рѣка Тарка, во всемъ многоводномъ разливѣ, неслась и шумѣла цѣлымъ моремъ, вода все прибывала и выступала изъ береговъ. А весь ихъ воеводскій дворъ былъ кругомъ обставленъ стрѣльцами и копейщиками. Онъ былъ загроможденъ и запруженъ телѣгами и кибитками съ цѣлого города со всякою домашнею рухлядью. Ворота, на ея глазахъ вездѣ запирали и забивали; а вотъ въѣзжаетъ еще новая кибитка... у воротъ драка. «Пустите, пустите!» кричать стрѣльцамъ изъ кибитки, а они забиваютъ ворота, отворачиваютъ лошадей и бьютъ въ морды. Къ нимъ, на воеводскій дворъ, мало не весь Тарханскъ съѣхался теперь. А съ площади все подѣзжаютъ новыя повозки, и новаго народа все прибываетъ вокругъ двора. Противъ главныхъ Красныхъ воротъ вся улица до самой площади запружена несчетными подводами. Въ городѣ, очевидно, была тревога, били въ набатъ. Софья поглядѣла въ другую сторону, въ поле, и видитъ: тамъ, на краю небосклона, шевелются какія-то сѣрыя толпы, впрочемъ, не къ нимъ, а прочь отъ города бѣгутъ.

Гдѣ няня? гдѣ Палашка? никого она не найдетъ въ домѣ. Внизу у нихъ всѣ двери открыты настежь; по всѣмъ комнатамъ расхаживаютъ чужіе люди, вооруженные съ ногъ до головы тарханскіе жители. Все

оглушительный били въ набать. Отца нигдѣ въ домѣ нѣтъ. Она спросила Льва Гурьча—нѣтъ. Сама побѣжала въ приказную избу — тамъ никого. Незнакомецъ, бѣжавшій по двору съ багромъ, какъ на пожаръ, не останавливаясь отвѣтилъ ей, что воевода на стѣнахъ устанавливаетъ рати.

Софья выбѣжала на улицу.

Ни изъ пушекъ не палили, ни мечами не рубились, но на всей площади и по всему городу народъ метался, какъ угорѣлый; изъ оконъ на улицу швыряли всякую рухлядь; пустые лошади, сорвавшись изъ конюшенъ, бѣгали и ржали по перекресткамъ; вездѣ сновала кабацкая голь и горланила. Купцы изъ лавокъ второпяхъ складывали товаръ на подводы. Лавки и двери вездѣ запирали. Оглушительный палъбы и сѣчи были этотъ людской тамъ по всему городу.

Самъ Михайло-архангельскій протопопъ остановилъ на улицѣ безпамятную Софью Даниловну и собственноручно привелъ назадъ домой. Няня ея, Василиса Пахомовна, и дѣвушка Палашка, увидавъ свою боярышню, плакали и крестились; по всему городу еѣ искали онѣ, а она ихъ искала. Въ тотъ день и не одѣлась путемъ: свою соболонную шубку, какъ оставила давеча наверху, такъ ужъ и не нашла ея потомъ. Ей подали накинуть на себя что попало. И Палашка, и няня говорили одно: «воры пришли». «А гдѣ же орловскія рати» спрашивала Софья. Михайло-архангельскій протопопъ, потомъ самъ пятидесятилѣтній Вискадаровъ и за нимъ еще другія, уже вовсе знакомыя для Софьи лица, каждый объяснялъ по-своему.

Тысяцкій, который велъ орловскія рати, за водоразлитіемъ, какъ ни спѣшилъ, а противъ писаннаго срока на сутки и больше опять задержался въ дорогѣ. Вездѣ на рѣчкахъ снесло мосты, и по разливнымъ грязямъ кругомъ не было проходу. Только въ Великую субботу, къ полдню или къ вечеру, надѣются быть въ Тарханскѣ, и во всякомъ случаѣ будутъ въ

Свѣтлое воскресенье во что бы то ни стало. Съ такимъ извѣстіемъ онъ отпустилъ два сорока верховыхъ впередъ себя вѣстовыми, и они, вѣстовые, насилу добрались до ихъ города. Въ дорогѣ повстрѣчались съ ворами. А воры нечаянно двинулись въ ту же ночь изъ Новой Деревни, и всею воровскою силой подходили къ Тарханску. Ихъ передовые отряды уже были сейчасъ тутъ.

Вотъ что могла собрать Софья изъ уличныхъ безтолковыхъ разсказовъ. Впрочемъ, теперешній видъ цѣлаго города, ихъ воеводскій загроможденный дворъ и уличный набать лучше всякихъ разсказовъ показывали, въ чемъ дѣло. Ворота уже были все забыты и и завалены дровами, скамейками, камнями и чѣмъ попало. Оставались только одни боковыя малыя ворота: ихъ безпрестанно отворяли для новыхъ прїѣзжихъ и опять запирали.

На валу раздался пушечный выстрѣлъ, а въ отвѣтъ ему визгъ и вой по всему городу. На воеводскомъ дворѣ дрогнули стекла. Бабы кинулись къ стѣнамъ, толпа народа побѣжала на городской валь. Софья Даниловна у себя наверху раскрыла окно, одна его ставенька полетѣла внизъ. Въ дыму, въ дальней толпѣ на валу, между сверкавшими косяками она отыщила своего батюшку верхомъ на бѣломъ конѣ. Онъ былъ въ боярскомъ кафтанѣ, въ ерихонкѣ и въ развѣвавшейся паволокѣ. Тамъ между ратными начиналось великое движеніе. Валь сплошь чернѣлъ народомъ.

Вдругъ прискакалъ на ихъ дворъ Левъ Гурьчичъ. Изъ двухъ сотенъ стрѣльцовъ, остававшихся въ здѣшнемъ кремлѣ, Левъ Гурьчичъ отобралъ половину и велѣлъ имъ идти за собою на валь. Сдѣлавъ свое дѣло скорѣй, чѣмъ можно было отъ этомъ написать, онъ тутъ же сорвалъ съ одного изъ дворцовыхъ кожухъ и надѣлъ на себя: его собственнй тегилъ весь былъ изодранъ. На Софьины разпросы онъ успѣлъ только отвѣтить, не сходя съ лошади: «Ужъ идутъ. Вся во-

ровская сила подошла. На переднюю шайку воевода выслал было меня в поле. Я их прогнал. Разбойники побжали. Тогда и пошел трезвон по всему городу. Но теперь вся воровская сила подошла. Видимое дѣло, хотѣть городъ взятъ взятъ».

Софья второй разъ бросилась на улицу и, толкаясь въ народѣ, мало не дошла до самаго вала. Но чѣмъ ближе она подходила къ окраинѣ города, тѣмъ давка становилась тѣснѣе. Тутъ ужъ несло смраднымъ пороховымъ дымомъ; то и дѣло пощелкивали пищали. И второй разъ, отъ безпамятства ли, отъ великой ли народной тѣсноты, боярышня не дошла до мѣста, батюшку своего такъ и не повидала. Только дальній видъ поля уходилъ предъ ея взорами злобкомъ вверхъ, и на горизонтѣ она очень хорошо отличала красныя башкирскія шапки.

Странно, думаетъ Софья, очутившись въ церкви Михаила Архангела. Неужели это вечерни по всему городу идутъ? Вотъ святая плащаница. Но въ храмѣ никого народу нѣтъ. Только шмыгаютъ какія-то черныя тѣни и тихонько крадутся по стѣнамъ. Покровы съ плащаницы покосились, апрѣльскимъ солнцемъ они уже совсѣмъ на полу освѣщены. Ни дякона, ни попа въ церкви нѣтъ, а мадономъ еще пахнетъ. Царскія врата, какъ комнатныя двери, открыты вполонину, престолъ ободранъ, коверъ съ амвона снятъ. Казалось, она только что встала поутру, а вотъ ужъ и весь день прошелъ, на дворѣ апрѣльскими сумерками за вечерѣло.

«Какихъ къ чорту проломныхъ пушекъ», чудится ей, когда она опять уже сидѣла въ своей комнатѣ. Чудится ей родителей голосъ: «Нашего плетня руками разберуть!» Она бросилась опрометью изъ своей горенки внизъ. У нихъ на дворѣ зачиналась великая суматоха.

— Дымы-то гдѣ?... — невнятно что-то кричалъ на дворѣ самъ ея батюшка, воевода. — Дымы-то гдѣ... а, ты здѣсь, Софья!..

Онъ, какъ огонь, властитель, всюду во все стороны поспѣвалъ. Куда народу рукой укажетъ, тамъ по его приказу и дѣло закипитъ. Его воеводскій взоръ молніей изъ-подъ боевой ерихонки сверкалъ. Первый еще разъ въ этотъ день Софья увидала своего отца. «Я, — говорилъ онъ ей прямо съ коня, подтѣхавъ къ крылечку, — опять сейчасъ на валъ отсюда, хотѣлъ самъ оглядѣть, все ли у васъ тутъ, какъ надобно. Небожь, ступай къ себѣ въ комнатку, Софья. Богъ дастъ отстоимъ, а не то здѣсь въ кремлѣ отъ воровъ отси́димся».

И только его и видѣли.

Переживая весь этотъ смутный день въ полузабытѣи, какими-то безсвязными отрывочными снами, Софья все пуще дивится одному: неужели и въ самомъ дѣлѣ мгновения и часы такъ быстро летятъ? Давно ли она, въ самомъ дѣлѣ, поутру встала. А вотъ ужъ солнце покосилось. И не разбереть она болѣе, опять ли это набатъ, къ плащаницѣ ли звонить по всему городу? Съ самаго утра въ ея ухахъ нестройный шумъ гудѣлъ и волновался цѣлымъ моремъ; притерпѣвшемуся слуху онъ ужъ могъ казаться за тишину.

Но вдругъ раздался въ воздухѣ такой оглушительный гамъ, взрывъ цѣлаго легіона человеческихъ криковъ, что ужъ ни для кого въ городѣ больше не было тайной: это на самыхъ стѣнахъ дерутся. Это казаки попили на Тарханскъ, его взятъ взятъ. Глупыя шальные стрѣлы летали по улицамъ, вору не съ огненнымъ, а больше съ однимъ лучнымъ боемъ подоши къ стѣнамъ. Тарханскіе стрѣльцы не громко постукивали своими пищальми; единственная пушка, изъ часу въ часъ, потрясала всю тарханскую округу. Степь дрожала.

Наверху у Софьи Даниловны собрались теперь боярышни со всего города. Рада ли, не рада ли хозяйка гостямъ, а видить, что у нихъ въ домѣ, и внизу и наверху, ими биткомъ набито. Многіе сужадики ужъ

вынесены из чулановъ въ комнаты, раскрыты стоятъ, выбраны и пусты, только на полу валяется возлѣ нихъ всякая оборванная рухлядь. Злая боярышня Киндякина въ самомъ лучшемъ своемъ шелковомъ платѣ стоитъ возлѣ Софьи, съ ногъ до головы измѣриваетъ ее, и говоритъ искоса своимъ подругамъ:

— Воеводина дочка все спесивилась. А вотъ какъ Господь привелъ: всѣ теперь, какъ въ одной скорлупкѣ, рядышкомъ стоимъ. Ахъ! страшно будетъ, какъ къ намъ казаки сейчасъ сюда наверхъ придутъ; насъ, молодыхъ дѣвицъ, въ полонъ поберутъ. Сказываютъ, ншъ, они все съ боярышнями по Божиимъ церквамъ, холопы, вѣнчаются.

Приходили послѣднія минуты этого страшнаго дня. Отъ городской окраины, съ вазу, вдругъ и конейники, и стрѣльцы, и казаки, и два сорока орловскихъ, и весь народъ тарханскій, мужики и бабы,—все моремъ хлынуло на воеводскій дворъ.

Царская сила мятежниками на вазу была сбита. Большинство одолѣло.

И кругомъ, куда ни погляди, пошла сѣча и рубка. Звяканье сабель мѣшалось съ дикими человѣческими голосами.

— Дочь моя! Куда ты?—кликнулъ отецъ.—Все пропало! Ворвались! Нашъ кремль сейчасъ брать стануть.—Раздался раздирающій крикъ и бабій визгъ кругомъ. Софья больше ничего не слышитъ: въ визгѣ, крикѣ и гамѣ какая-то сила противъ воли ее все впередъ мчитъ. Ударившись въ бѣгство, толпа вынесла ее на своихъ плечахъ назадъ къ тому мѣсту, откуда она было двинулась. Вдали запахло пожарнымъ дымомъ. Черный столбъ взвился къ небу. Она озиралась, какъ полоумная. Ее пробудила ближняя пальба у нихъ во дворъ, надъ самыми ушами; она кинулась прямо на пальбу; хочетъ сама взобраться лѣстницей на стѣну къ своему отцу. Но гдѣ отецъ? Гдѣ что? Толпа хуже прежней хлынула ей навстрѣчу; народъ валялъ къ

нимъ во дворъ, сломя голову. Близъ самыхъ воротъ гарцовалъ башкирскій князекъ въ красной шапкѣ, въ полосатомъ халатѣ и махалъ нагайкой. Безъ чувствъ или въ чувствѣхъ, но она опять у крылечка. Няня Василиса Пахомовна, въ заячьей шубейкѣ, будто съ холоду, дрожить стоитъ; а Палашка плачетъ, стономъ стонетъ, заливаясь и руки ломаетъ на крыльцѣ. Софья, какъ полоумная, глазъ не сводитъ со стѣны.

Няня говоритъ ей: «Ты совсѣмъ платьемъ растерялась!» Софья и сама не знаетъ теперь, куда дѣлась ея бархатная малиновая шубка. Только шаровары на мужескую статью опущены въ высокіе сапоги; на поясокѣ блеститъ ея малый кинжалчикъ; а верхняго платья никакого, и на голодъ ничего тоже нѣтъ. А апрѣльскій весенній воздухъ дышалъ сыростью, на дню нѣсколько разъ накрапывалъ дождикъ: Софья не сводила глазъ со стѣны; ее, какъ безпамятную вдову отъ гроба мужа, оттащили силой отъ перилъ крылечка и на рукахъ поволокли въ домъ.

Звонъ колоколовъ уже раздавался по всему Тарханску: это пьяные мужики праздновали свою побѣду. «Но гдѣ жъ отецъ? гдѣ воевода?...» спрашиваетъ она очнувшись. Палашка—пуще прежняго заливается слезами; ея рыжая коса разметалась. «Ахъ! поведутъ они,—вопить Палашка, потащутъ его теперь на площадь пьяные казаки!» Во дворѣ у нихъ раздавался народный гулъ и грохотъ: весь ихъ домъ будто рычагами ломали. Софья кинулась внизъ. Василиса Пахомовна за боярышней, не еле живая, а молодцомъ летитъ въ своей заячьей кацавейкѣ. Куда боярышня, туда и няня. Софья Даниловна надѣла простой бараній кожухъ, бабій тулупъ своей служанки; повязала нѣсколко году простымъ желтымъ платкомъ съ нея же и такъ побѣжала изъ дому прямо на улицу.

— Сударыня-боярышня, Софья Даниловна!—вопила съ крыльца ея дѣвучка и умоляла вернуться назадъ. Но боярышня уже прокладывала себѣ дорогу сквозь

площадную толпу, мѣшаясь съ бабами и мужиками, съ пьяною чернью, бродягами, казаками въ такихъ же тулупахъ, какъ и она.

Вотъ она уже видитъ: пятеро казаковъ волокутъ ея отца на площадь; паволоку съ него пьяные срываютъ. А кругомъ направо и налево еще рубятся. Пьяная баба съ чернымъ чугунинымъ лицомъ и разметавшимися волосами, пляшетъ съ казацкою пикой. Кровавые пятна мелькаютъ предъ Софьей на всѣхъ бараньихъ тулупахъ.

— А, коршунъ, попался!—кричитъ одинъ.

Окольный выхватилъ свой мечъ изъ ноженъ; сверкнуло имъ, но его подхватили два казака; освобождались отъ нихъ, онъ бѣшено напиралъ впередъ. Но вотъ уже крики, казалось, цѣлыхъ тысячъ раздались на площади. Улицей навстрѣчу шла вся казацкая сила. Впереди скакалъ смуглый молодецъ съ черными усами въ какой-то персидской шапкѣ. Валившая спереди толпа казаковъ, верховыхъ и пѣшихъ, во главѣ съ атаманомъ воззрилась на красную добычу... Передние взвизгнули и навалились гурьбой. Попадало все; задние головой внизъ перескочили черезъ переднихъ. И Софья, пресѣдаемая своею няней, только и видѣла, какъ вся орда навалилась на ея родного батюшку. Задавать, задушать они его. Красныя башкирскія шапки подскакивали со всѣхъ сторонъ.

Съ крикомъ, въ безпамятствѣ, какъ помѣшанная, съ раскрытымъ ртомъ, съ разметавшеюся косою, рванулась боярышня на помощь отцу; сѣрые толкали ее въ бока, и она сама всѣхъ толкала. Упала вдругъ оступившись. Безпамятна ли была отъ ушибовъ, обморокъ ли это былъ, только, когда она встала, ужъ видитъ: няня далеко опередила ее. Ея отца—онъ живъ!—казаки волокутъ въ изодранномъ кафтанѣ; у него подъмышкой кровь бурлетъ широкимъ пятномъ на сукнѣ. А няня Василиса Пахомовна въ своей заячьей кацавейкѣ, но уже простоволосая, бросается впередъ къ казакамъ и кричить:

— Данило Ивановичъ! Данило Ивановичъ! Пустите его, разбойники! Пустите его!

Одинъ изъ мордвы ударилъ ее топоромъ въ затылокъ. Замертво покатилаея Василиса Пахомовна и навѣкъ замолкла. Казаки поволокли обезоруженнаго Данилу Ивановича прямо на воеводскій дворъ.

— На судъ его! На судъ его! орала вся площадь.—Казнить, пятерить его!—слышались отдѣльные пьяные голоса.—На судъ! На судъ!

Все замерло въ одномъ этомъ кликѣ.

Софью съ двухъ сторонъ держали въ народѣ.

— Пустите! Пустите!—кричитъ она, и Льва ли Гурыча въ его простомъ кожухѣ видитъ предъ собой, Палашку ли. Ужъ темнота къ ея очамъ приступаетъ.

Толпа сѣрыхъ заворачиваетъ на ея глазахъ въ красныя воеводскія ворота; вотъ за ея батюшкой желѣзные наглухо запираются... А прямо на Софью валитъ новая толпа... Куда дѣлись тѣ двое, что ее держали? Свалка тѣмочисленныхъ головъ опять понесла ее на своихъ плечахъ въ сторону бѣгомъ.

Ужъ не на площади, а на самомъ поверткѣ въ переулокъ она очнулася и слышитъ, кто-то опять ее удерживаетъ за руки.

— Ради Бога!..—говорить ей голосъ направо.

— Сударыня-боярышня!—говорить ей голосъ налево.

Она вырвалась и побѣжала. На ея очахъ все одно теперь живѣе стоитъ: самъ ея сѣдой батюшка отъ нея удаляется, за нимъ позатыльной наглухо желѣзные ворота запираются.

Уже она никого не слышитъ за собой. Она—на волѣ... Вотъ она одна, на краю города, на опустѣломъ валу стоитъ...

И пошла куда глаза глядятъ.

Глава XXI.

Ночь въ половецѣе.

Занималась вечерняя апрѣльская заря, когда Софья Даниловна очутилась на мельницѣ у Захара.

Мельникъ только что и самъ вернулся изъ города. Онъ обнадеживалъ боярышню, что ея отца не убили. Онъ клялся ей, что воевода живъ. Казаки захотѣли потѣшиться надъ нимъ: будутъ ужотко судъ творить. Назавтра противъ воротъ ихъ воеводскаго двора на площади готовить вистѣлицы. А теперь воеводу на ночь кинули въ башню, и сударь Данило Ивановичъ въ «Гусынгѣ». Казаки, — Захаръ это самъ видѣлъ, — на площади «подуванили» всю добычу; въ Тарханскѣ все пьяно. Бывалый человѣкъ, видалый всего еще въ ту смуту, которая была при царѣ Шуйскомъ, мельникъ Захаръ важно похвалялся боярышнѣ, что и онъ заодно съ площаднымъ народомъ кричалъ во всю глотку: «На судъ! на судъ его!»

— Такъ-то!.. то бы его, твоего батюшку, безъ суда тутъ на мѣстѣ и порѣшили; а теперь, Богъ милостивъ, цѣлая ночь впереди: невѣсть и орловскія рати, пожалуй, въ ночь подойдутъ. Въ народѣ къ вечеру на площади слухъ прошелъ, что уже орловскія близко.

Въ безпамятной головѣ засвѣтились проблески сознания.

Захаръ дивился, какъ онъ самъ нигдѣ въ городѣ не повстрѣчалъ Софью Даниловну и какъ она, боярышня, среди воровъ пробралась на его мельницу. Самъ онъ прокрался березовою рощей. Онъ, провелъ ее съ Коло-

товки въ свою избушку; а тамъ, глядя, и Левъ Гурьичъ на полатахъ лежитъ у Захара.

— Умучился за-день: и на стѣнахъ, сколько мочи было, съ разбойниками бился; и по приказу воеводы на нихъ въ поле выходить, только сюда пришелъ и у Захара на полатахъ заснулъ любо.

Такими рѣчами встрѣтили ихъ дыякъ, слѣзая съ полатей. Отъ него пахло виннымъ духомъ!

Заспанный, усталый, онъ даже противъ своего обыкновеннаго вида былъ невзраченъ. Да время ли было думать о красотѣ? Но, увидавъ предъ собой Софью Даниловну въ простомъ бабьемъ тужурѣ въ простомъ желтомъ платкѣ на головѣ — сказать ли? — приказный дыякъ всю тарханскую смуту забылъ: страстно залюбовался на Софью. Самъ онъ былъ уже въ суконной поддевки и въ куней шпикѣ, но какъ будто въ Софьиномъ дрянномъ уборѣ, который на Палашкѣ сидѣлъ хомутомъ, еще болѣе для него обличались ея молодежавшая стать, ея высокое рожденіе. Пока Захаръ шарилъ у себя по угламъ, пока обглядывалъ, все ли цѣло по его мышинымъ норкамъ, Левъ Гурьичъ подхватилъ Софью Даниловну за руку, и вотъ теперь съ ней какія рѣчи заводилъ.

— Ну, Софья Даниловна, какой мы съ тобой денекъ заодно пережили! На весь вѣкъ памятный! Правду говорить: общая-то бѣда крѣпче родства людей роднитъ. а? Промолви дыяку словечко, не спесився.

— Ты меня, Левъ Гурьичъ, въ народѣ на улицѣ, можетъ-быть, не одинъ разъ отъ казаковъ остановилъ, и я тебѣ въ томъ благодарна, — отвѣтила Софья.

— Софья Даниловна! — кликнулъ вдругъ Левъ Гурьичъ. — Такъ ли бы я всю жизнь свою готовъ тебя спасать! Ты лучше вели мнѣ вотъ что... — И онъ вынулъ изъ ноженъ свой поясной ножикъ и замахнулъ имъ на себя. — Вели только по рукоятку въ самого себя всадить, глазомъ не моргну. Вотъ какъ! Велишь, что ли? Ну? одно слово! И онъ страстно глядѣлъ ей въ глаза.

— Пожалуйста мнѣ не говори вздору, — съ сердцемъ молила Софья, — и прочь отъ него встала со скамьи.

— Вотъ то-то и око... — осклабясь проворчалъ приказный дякъ. — Не-люди мы, что-ли?..

Но сейчасъ же опомнился, помутился, даже отвернулся и будто слезу утеръ рукавомъ.

— Прости меня, боярышня, моихъ грубыхъ рѣчей, — сказала онъ. — Ахъ, Софья Даниловна! Самъ я себя, даромъ что дякъ, неучемъ, невѣжею предъ тобой зову. Да только ты подумай вотъ о чемъ (онъ всталъ и сурово взялъ ее за руку), лишь бы вотъ гдѣ (онъ ударилъ себя въ грудь подъ сердце)... вотъ гдѣ было бы. А коли тутъ у человѣка про запасъ что Богъ положилъ ему, и съ такимъ человѣкомъ на свѣтъ еще можно жить, право. Вотъ тутъ было бы: и съ тѣмъ человѣкомъ никогда не пропадешь. А я по совѣсти тебѣ открываюсь: таковъ я, слава Богу. Хочешь, я тебя сейчасъ къ твоей маменькѣ въ село Великое доставлю? Я твою маменьку очень люблю, Софья Даниловна. Давай я тебя къ маменькѣ повезу. Поѣдемъ къ Натальѣ Ивановнѣ, Софья Даниловна. Я твою маменьку очень люблю, Софья Даниловна.

— Время ли говорить объ этомъ? — перебила Софья. — Тетя-мама, Богъ дастъ, сохранна и жива будетъ. А гдѣ отецъ? (Она плакала.) Въ тюрьмѣ батюшка, Иванычъ мой!

Софья закрыла лицо руками. Тихо плакала она.

Захаръ вошелъ въ избу. Боярышня не переставала плакать. Мельникъ принесъ холодныхъ щецъ въ горшкѣ, вареныхъ налимовъ, предлагая отвѣдать и боярышнѣ. Но только одинъ Левъ Гурвичъ вызвался ему въ товарищи. Вдвоемъ на ея глазахъ они принялись за ужины. Софья безъ шума вышла изъ избышки.

Ущербленный мѣсяцъ всплывалъ надъ Таркой. Сизая облака густѣли. И отъ воды и отъ земли несло сырмъ паромъ... Становилось все темнѣе. Вѣтеръ

налеталъ и билъ въ лицо Софѣ. На ея глазахъ вода все прибывала. Узнать нельзя стало берега, какъ его залило половодьемъ! Тарка подходила прямо къ окраинѣ села Великаго, къ его дальнимъ чуть виднымъ бревенчатымъ домикамъ. А Тарханскъ уже въ туманѣ едва виденъ. Только вода блеститъ вдали, и тамъ точно такъ же все выше и выше приступаетъ къ утесу на которомъ стоитъ Тарханскъ. Долго ли, мало ли времени, — ей показалось всего десять минутъ, — она сидѣла тутъ на берегу, на верхнихъ бѣлыхъ своихъ камняхъ; а вотъ уже на ея глазахъ воды прибыло столько, что совѣмъ подступило къ ея ногамъ.

Эти часы, пока она, сидя тутъ въ безпамятствѣ на берегу, все обь одномъ помышляла и для своего батюшки роднаго забывала весь міръ, на Таркѣ небывалое половодье воочью совершилось предъ ней.

Щербатый мѣсяцъ совѣмъ запалъ въ тучахъ. Темнота становилась все чернѣй, воздухъ ночной все свѣжѣе. Тарка гудѣла и завывала все громче въ ночной тишинѣ; вода у ногъ бурлила и свирѣпѣла, вѣтеръ съ налетавшею изморозью все сильнѣй хлесталъ въ лицо. Она мысленными и тѣлесными очами заодно съ бѣгущею волной, стремилась внизъ по рѣкѣ; туманную даль и тарханскую бѣлую башню на утесѣ прозирала. Тамъ, тамъ ея батюшка родной. Онъ въ сырой башнѣ. И волны у ея ногъ стонутъ будто заодно съ ея горемъ; онъ разрываются и плачемъ-привѣтомъ бѣгутъ отъ нея вдали къ бѣлой башнѣ. А вода съ каждымъ мгновениемъ все прибываетъ. Волны на утесѣ уже о самую подошву башни разбиваются, чудится ей. Только мѣсяцъ проглянѣть, Софья: не бѣлѣется ли вдали Тарханскъ? спрашиваетъ себя. Но весенній туманъ уже сплошной стоитъ въ ночи, который туманъ всегда бываетъ въ воздухъ, когда и вода и земля отходить весной. Въ ста шагахъ отъ себя ужъ ничего не видать. Одинъ вѣтеръ въ ночной темнотѣ все оглушительнѣй завываетъ; будто вдали съ собой по волнамъ

манить. «Какъ много воды прибываетъ!» молвила Софья кому-то попутномъ въ потемкахъ.

— Вонъ она!.. Ты здѣсь, Софья Даниловна!—слышать она голоса воздѣ себя. — А мы тебя не скоро хватились, по всей Колоотовкѣ искали. Слышь ужъ пѣтухи поютъ. Чего сидишь тутъ? Къ ней на берегъ сошли Захаръ и Левъ Гурьичъ.

— Левъ Гурьичъ! — упавъ вдругъ предъ нимъ на колѣни, крикнула Софья. — Пособи отца спасти! Коли ты меня сколько-нибудь любишь, пойдемъ сейчасъ на спасенье.

— Софья Даниловна!

Онъ, своимъ широкимъ лицомъ припавъ къ ея бабьему платку на головѣ, принявъ ее подъ локотки и сталъ поднимать съ земли.

— Не губи ты себя. Пока мы оба живы, давай вдвоемъ о томъ думать, какъ намъ самимъ спастись. Право, я тебя сейчасъ къ маменькѣ твоей отвезу. У Захара лодка цѣла. Давай поѣдемъ въ Великое къ Наталѣ Ивановнѣ. Тамъ обомнѣ намъ теплѣй будетъ. Софья вдругъ зарыдала.

— Обманулась я въ тебѣ, Левъ Гурьичъ!—крикнула она. — Напрасно я на тебя положила. Или въ тебѣ, Левъ Гурьичъ, Бога нѣтъ: такія жестокия рѣчи дочери говорить? А все еще къ Нему, въ монастырь, идти сулишься. Знать бы вамъ теперь обомнѣ: коли вы съ Захаромъ теперь со мной не пойдете, будь что будетъ... а я, не долго думая, одна безъ васъ пойду.

Захаръ слушать молча; только у сына густыя брови круто сдвинулись на переносицѣ. А Левъ Гурьичъ упалъ предъ ней на колѣни. Все еще былъ онъ хмѣленъ.

— Софья Даниловна, матушка!—умолялъ онъ ее. — Да мы-то что жъ тутъ сдѣлаемъ? Какъ втроемъ противъ цѣлаго города сунемся? Коли на то пойдешь, и ты бы знала: я, погибель ближняго видя, лучше самъ пропаду, вотъ какъ, а спасти погибающаго всегда готовъ. Мало ли я тутъ, вотъ на самой Таркѣ рѣкѣ,

спроси у Захара, мало ли я народа спасалъ! И собой жертвовалъ, да! А отцу твоему, прямо сказать, спасенья нѣтъ. Онъ человѣкъ отпѣтый. Ну, какъ приступить?

— Сейчасъ я пойду къ разбойникамъ для переговоровъ,—молвила Софья. — Я ихняго атамана своими рѣчами умилюю.

— Да! — съ усмѣшкой сказалъ грубый дьякъ: — положить спать съ собою!

Софья Даниловна вспыхнула.

— А слышь ты, Левъ Гурьичъ!..—отвѣтила она и загремѣла своимъ пояснымъ кинжалычикомъ. — Бабушка моя родная, батюшкиной матери родная сестра, какъ при царѣ Шуйскомъ воры Ростовъ взяли, и она тогда сама себя Богу въ жертву отдала. Кинжалъ на себя наложилъ; а, какъ твоя честь молвить изволила, къ разбойникамъ спать не пошла. Вотъ онъ мой! — указала она ему, высвободивъ изъ-подъ пояса свой родовой кинжалычикъ. — Ахъ!..—всплеснула она вдругъ руками и къ мельнику Захару обратилась со слезами: — пособите! пособите мнѣ, слабой, родного отца спасти.

— Что жъ мы тутъ сдѣлаемъ? — въ одинъ голосъ отвѣтили оба. — Сама разсуди.

— Только вы мнѣ, Захаръ, общайтесь что вдвоемъ не отступитесь отъ меня! — молвила Софья, — а сама я, какъ и что, обо всемъ давно разсудила. Пожалуйста, пособите мнѣ!

Она стала на колѣни заразъ предъ обоими и крестилась на небо.

Снявъ шапки, начали креститься и дьякъ и Захаръ.

— Сказать ли вамъ мою выдумку? — Софья встала и обоихъ схватила за руки. — И ты, дѣдъ, и ты, Левъ Гурьичъ, сами вы клялись предо мной, что отецъ живъ, и вы оба навѣрно знаете, что теперь на всю ночь онъ въ Гусынѣ. Глядите, какъ вода прибываетъ; въ ночь она навѣрно, поверхъ нашего утеса, совсѣтъ къ башнѣ

подойдет; мало что не к самой рѣшеткѣ приступить у окна. И мы давай Захаровы пины-подняжки возмемъ! На его лодкѣ прямо къ Гусынѣ подплывемъ, отца въ окно съ собой увеземъ.

Оба слушали внимательно; поглядывали на Тарку; прислушивались къ завыванью ночной бури. Смѣлая мысль дѣвочки поразила обоихъ. Божье внушеніе слышатъ мельникъ Захаръ въ чистотѣ ея помысленій.

— Вода все прибываетъ, — увѣщевала Софья, — я тутъ долго сидѣла, съ ней разговаривала; она вѣрно обѣщаетъ, что въ ночь еще прибудетъ...

И Софья досказывала свой отважный замыселъ до мельчайшихъ подробностей; убѣждала, что и самый мѣсяцъ въ тучахъ именно лишь настолько свѣтитъ, чтобъ имъ было довольно свѣтло плыть, но чтобъ и ихъ впотьмахъ нельзя было узрѣть; и самый вѣтеръ лишь настолько силенъ, чтобы шумъ ихъ веселъ не дать услышать разбойникамъ, и даже ужъ по тене-решней водѣ, какъ она сейчасъ стоитъ, можно будетъ подѣхатъ совѣмъ къ Гусынѣ, и что все это, наконецъ, больше только издали кажется страшнымъ, невозможнымъ, а на самомъ дѣлѣ выйдетъ очень просто, да и казакамъ никакъ теперь о нихъ не можетъ придти въ голову. Левъ Гурычъ все еще слушалъ ея краснорѣчивыхъ словъ, развѣся уши; а толковый Захаръ, сдвинувъ сычемъ свои косматые брови, открыкнулся по-своему, снялъ шапку, перекрестился и ударилъ съ боярышней по рукамъ.

— Молись Богу, сударыня! — сказалъ онъ. — Вотъ тебѣ моя рука. Ей же ей мы воеводу изъ бѣды выручимъ, мы твоего батюшку спасемъ.

— Куда же ты, Захаръ?

— А бѣгу за веслами.

— Тихвинская Божія Матерь! — кликнула Софья Даниловна: — Сама Тихвинская Божія Матерь поможетъ намъ. Дѣдушка! Захаръ мой родной!

И старого своего друга, мельника Захара, поцѣловала.

— Софья Даниловна! — кликнуть тогда и дьякъ Левъ Гурычъ. — Отчаянное дѣло! Не знаешь ты Тарки рѣки, а я на ней вырастъ. Повидалъ я какъ она, матушка, за одинъ мигъ не то что плоскодонныя бударки, а цѣлые росшивы кверху дномъ ворочаетъ, да по сороку человекъ народа за одинъ разъ топить. Отчаянное самое твое рѣшеніе! А на такое доброе дѣло, чтобы самого батюшку твоего роднаго отъ вѣрной неминуемой смерти спасти, и только опять для тебя самой... Слышишь ли, Софья Даниловна, какъ ты сама давеча, *если я люблю тебя*, давеча сказала... Изволь, я готовъ.

Онъ подалъ ей свою широкую ладонь и ударился съ боярышней.

— Вотъ тебѣ моя рука, и я отъ васъ не отстану. Была не была — пропадай! Моя жизнь — копейка!

Онъ засучилъ рукава.

— Пойдемте, нечего разговаривать, — подпрыкнулъ Захаръ, и втроемъ въ темнотѣ спѣшать въ лоцину.

Глава XXII.

На лодкѣ.

На Колотовскихъ ручьяхъ, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ они слились въ рѣку, подъ густыми ивовыми кустами, Захаръ отвязавъ свою лодку и тутъ же малымъ черпакомъ выплеснулъ воду. Левъ Гурьичъ, пока Захаръ сходитъ за веслами, вызвался одинъ вывести бударку на рѣку. Боярышня пошла съ мельникомъ.

Старикъ теперь ужъ подшучивалъ. Полнымъ хозяиномъ предпринимаемаго дѣла, которое онъ по здравомъ размысленіи одобрилъ, онъ дѣлалъ все не спѣша, разстановочно, толково и весело, даже съ прибаутками.

— Куда торопиться, сударыня! — молвилъ дѣдъ, отворивъ калитку своего двора. — Казаки все равно пьяны проваляются всю ночь. Пока-то еще, пожалуй, поди, бражничаютъ; а къ утрушкѣ оно будетъ лучше. Позднѣй, гляди, и мѣсяцъ ясный выглянетъ. Смотри тогда, какъ наше дѣло-то поспѣетъ.

Онъ набралъ въ охапку цѣлый ворохъ; захватилъ и топоръ за поясъ; за пазуху даже хлѣбушка припасъ въ дорогу и по ломтямъ посыпалъ солью.

— Ну-ка, испей, красавица, у тебя отъ этого вдвое силы прибудетъ! — подаль онъ ей въ темнотѣ какую-то сткляницу.

— Нѣтъ, дѣдушка! спасибо тебѣ, — молвила Софья. — Я сама дивлюсь, какую теперь силу чувствую. И словно я слышу въ себѣ, какъ она, сила, все прибываетъ во мнѣ.

— Что нужды! выпей, красавица, — не отставалъ отъ нея мельникъ. — Я тебѣ это не колдовствомъ даю, а самъ Богъ людямъ такіа крѣпкіа травы далъ, чтобы, коли надо, въ нихъ бы силы вдвое прибыло. Я ее, флягу, съ собой и въ походѣ возьму. Старый-то бояринъ, твой батюшка, чай онъ теперь совсѣмъ ослабъ и отошаль въ тюрьмѣ. А не то выпей на дорожку, соколя-красавица!

— Дай, пожалуй, отхлебну мало. — И, перекрестясь, Софья Даниловна выпила изъ горлышка два глоточка. — Чудная, Захаръ, твоя трава и вправду! Такого чистаго вкуса я никакъ не ожидала.

— Хорошая трава, сударыня, на что лучше травы! хорошая трава! — скороговоркой бормоталъ дѣдъ, подхвативъ подъ мышку свой ворохъ, а въ правую руку забралъ весла. — Пойдемъ, боярышня, чай насъ Гурко совсѣмъ въ лодкѣ заждался теперь.

Софья перекрестилась, и пошли вдвоемъ въ темнотѣ, скользя по мокрымъ тропинкамъ, едва отличая другъ друга и разговаривая вполголоса.

— Тутъ крутенько, крутенько пойдетъ! — оборачивался дѣдъ и поддерживалъ боярышню. — Это мои верхнія сажалки тутъ; ты ихъ знаешь, красавица. Обопрись объ весло; на тебѣ! Вотъ такъ!

И они уже спустились къ берегу по откосу.

— А это что жъ у тебя, кромѣ веселья?

— А все, боярышня, что намъ нужно. Все съ собой захватилъ, — отвѣчалъ дѣдъ, давая ей по скользящему откосу упирается на весло. — Про всякъ случай и острогу захватилъ, есть чѣмъ оборониться. А пирами-то, неравно придется, мы въ баши и рѣшетку выпалимъ.

— Ахъ, — сказала она, — далъ бы теперь Богъ только, чтобы никто не услышалъ насъ. Не напали бы въ темнотѣ казаки.

— Э, сударыня-княгиня. Пустое совсѣмъ говоришь. Всего на своемъ вѣку видывалъ; насмотрѣлся и ка-

зацкихъ обычаевъ. Въдъ это съ непривычки одной страшно, право такъ. Все не было слуховъ, да вдругъ нагрянули! А въ смуту, что при царѣ Шуйскомъ была, такъ бывалоца на одной недѣлѣ раза по два, по три въ гостяхъ побывають. И все опять новыя! Между собой-то воры все бунтовали. Такъ также, бывало, на ночь еще ничто, и караулы стоятъ, даромъ что на площади кабащичають. А къ зарѣ подошло и не одной тебѣ души живехонькой нѣтъ; что у нихъ хочешь подъ глазами бери. Ну вотъ, сударыня, мы теперь и совѣмъ пришли. Стой, ни съ мѣста!

И онъ сталъ прислушиваться въ ночной темнотѣ.

— Гдѣ жъ твоя сажалка послѣдняя? — спросила Софья Даниловна, робко озираясь кругомъ. — Я все ей жду, скоро ли мы подойдемъ къ берегу?

— Сажалка-то? — проговорилъ дѣдъ, все прислушиваясь. — О которой сажалкѣ ты, моя княгиня, спрашиваешь, та сажалка ужъ теперь совѣмъ подъ водой давно она. Мы съ тобой, сударыня-боярышня, теперь на самомъ Бѣломъ ключѣ стоимъ. Вотъ гдѣ.

— Какъ?! — почти вскрикнула Софья. — Ужъ мы совѣмъ у воды стоимъ! — И отступила назадъ. Теперь только разглядѣла она въ потемкахъ, что хотя она и стоитъ на своихъ знакомыхъ бѣлыхъ камняхъ, а ужъ въ темнотѣ, всего въ двухъ шагахъ отъ нея, бурлить весенняя полая вода. Еще бы она не доглядѣла, мало сошла съ мѣста и водой унесло бы ее теперь. Вода тамъ, гдѣ она собирала грибы прошлымъ лѣтомъ и гдѣ алѣла земляника.

— Я все слушаю, гдѣ жъ наша лодка-то стоитъ? — сказалъ Захаръ. — Тутъ ея теперь на мели быть не можетъ подъ нами. Тутъ быстрина, знаешь, теперь какая! Мостъ-отъ цѣлый, не то что бударку снесетъ. — Онъ сталъ прислушиваться, приложивъ ладонь къ уху. — Само такъ! — съ увѣренностью воскликнулъ онъ вдругъ. — Пойдемъ на Красную Глину. Гурко, должно, тамъ, на Красной Глинѣ, стоитъ. Онъ, должно, въ

острову. Тамъ теперь вода къ самымъ деревьямъ подошла; тамъ онъ лодку въ затишьи, въ лѣсу, и поставилъ; небось еще, гляди, ее къ сучкамъ привязалъ.

И пошли внизъ по рѣкѣ къ Тарханску, къ знакомой березовой рошѣ, и Софѣ Даниловѣ странно теперь, что лодка въ самомъ дѣлѣ стоитъ въ лѣсу противъ Красныхъ Глинъ и Левъ Гурничъ привязалъ ее къ толстой березѣ въ полдерева.

— У меня готово! — сказали дѣдъ. — Нигдѣ течи бударка не даетъ; только въ одномъ мѣстѣ.

— Ничего, ничего! — скоро говорилъ дѣдъ. — Это я давеча, какъ съ рѣки ее волокъ, за камешекъ на мели зацѣпилъ въ ключахъ. Съ нами, боярышня, теперь и забойникъ есть; и пакли я захватилъ. Коли гдѣ протечетъ, мы дорогой и законопатимъ. Ничего, садись, боярышня.

— Левъ Гурничъ! умѣешь ли ты весломъ править? — спросила Софья Даниловна, передавая ему изъ своихъ рукъ правило, что Захаръ ей передалъ на до-рогу.

— Софья Даниловна! — усаживая ее, сказали дѣдъ. — На самой на этой рѣкѣ выросъ и родился я. Какъ мнѣ не умѣть лодкой править? Я и на одномъ веслѣ съ ней управляюсь. А коли до того дойдемъ, я и впасть отсюда до Великаго села доплыву и тебя на берегъ на своихъ рукахъ вынесу. Бойся казаковъ да развѣ какой неудачи на мѣстѣ тамъ; а воды пожалуйста, Софья Даниловна, ужъ какъ разъ въ лодку вошла, теперь не бойся.

Захаръ крикнулъ одобрительно на всю бударку; поплывалъ себѣ на руки, взявъ весла, кликнулъ что-то Льву Гурничу на корму; всѣ втроемъ перекрестились, и вотъ Софья Даниловна впереди на носу, Левъ Гурничъ на кормѣ, а Захаръ въ веслахъ, понеслись они изъ голой березовой роши внизъ по рѣкѣ съ быстротой отлетаваго дубоваго листочка на силь-

номъ стремени. Испуганныя утки слетѣли отъ нихъ на воду. А высоко надъ ними въ небѣ еще цѣлая станица прозвенѣла крыломъ.

Щербатый мѣсяцъ сталъ выходить изъ-за тучекъ.

Левъ Гурычъ молодцомъ правилъ кормиломъ. Онъ сбросилъ съ себя поддевку; засучилъ рукава подъ самыя локти; надрылся и жилился въ борьбѣ съ быстриной. Стоя къ весламъ спиномъ, вращалъ кормиломъ въ волнахъ и не давалъ кружиться бударкѣ; поминутно выгонялъ ее носомъ на рѣку. Съ ревомъ плескали волны, и отъ бурнаго вѣтра бударка, какъ очумѣлая, шаталась по волнамъ. Софья обрызгивало пѣной. Словно дождикъ поминутно ей брызгалъ въ лицо. Захаръ, затаивъ дыханіе, совѣмъ захоронился на днѣ лодки и гребъ неутомимо. Верховымъ вѣтромъ и неудержимымъ ходомъ половодья шибко бударку по вздымавшимся волнамъ все ближе и ближе несло къ Тарханску. Словно въ туманѣ по апрѣльской ночной зарѣ было можно ужъ и проводить дальнихъ очерковъ тарханскаго кремля.

Благодатная ночь! Софья потомъ всю жизнь припоминала ея мельчайшія подробности; всѣ онѣ знаменьями Божіей милости казались ей. Всю эту ночь не иначе, какъ за Божіе чудо она и приняла себя.

Только теперь, плывя въ лодкѣ, она разглядѣла, что она чуть не босикомъ, сапоги ея всѣ изорваны. «Гдѣ теперь Палашка? Няня, няня убита моя!» впервые мелькнуло у ней въ мысляхъ. Но вотъ уже и Тарханскъ въ ночной темнотѣ сталъ выступать предъ ними. Тарка, въ своемъ небываломъ разливѣ, была широка на семь веретъ въ этомъ мѣстѣ; вода подъ ихъ лодкой, какъ на морской глубинѣ, ходенемъ ходила теперь. Софья думала, что они приблизились къ самому опасному глубокому мѣсту; но это-то и было знакомъ, что вода здѣсь пошла мелѣе. Захаръ нарочно на глазахъ боярышни захватилъ весломъ самое дно. Верхушки ивовыхъ кусточковъ едва примѣтно

высовывались и торчали изъ воды. Вонъ Гусыня! Вода мало не въ человѣчскій ростъ подошла къ ея рѣшеткѣ!.. «Вдѣмте скорѣй!» Софья думала, что тутъ въ ивовыхъ кусточкахъ пошло мелко, такъ они и скорѣй поѣдутъ. Но ошиблась вдвойнѣ.

Тутъ-то и завязалась у нихъ борьба на стремени. Русловая вода шибко бѣжала внизъ дальше по рѣкѣ, а вода береговая напирала къ окраинѣ по частому няняку въ самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка давала свой извивъ. Лодкѣ не было хода. Въ этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ макушки ивовыхъ кустиковъ торчали изъ воды едва примѣтно, какъ обритые волосы, шумѣлъ и спирался цѣлый водоворотъ, будто порываясь опрокинуть кверху дномъ ихъ бударку.

— Намъ только бы одно это мѣсто взять, чутьчку перейти, — молвилъ Захаръ, — а тамъ держись, какъ выхлестнешь!

И Левъ Гурычъ богатырски упиралъ кормиломъ въ землю, толкалъ изо всей силы бударку между чистыхъ ивовыхъ кустовъ. Ни на полшага не подвигалась, не шевелилась бударка.

— Силъ нѣтъ! — крикнулъ вдругъ дьякъ, и ихъ бударку откинуло назадъ на рѣку легкимъ перышкомъ.

— Только одно это мѣсто взять! — повторилъ Захаръ, нагоняя опять на старое мѣсто.

— Вонъ, вонъ Гусыня! Два ста шаговъ всего! — умоляла Софья измученнаго дьяка. Онъ дышалъ какъ запаленная лошадь. Захаръ уперъ веслами въ землю, и не давалъ лодкѣ шевелиться.

Въ Тарханскѣ какъ ни въ чемъ не бывало кричали пѣтухи; гдѣ-то за городомъ, казалось, въ полѣ, лаяла одинокая собака. Пролетныя утки и здѣсь высоко въ небѣ прозвенѣли надъ ними крыломъ. Куликъ прокричалъ спросонья и слетѣлъ внизъ водою.

— Софья Даниловна, поддержи весло да норови имъ тутъ крѣпче упереть въ землю, — сказалъ Левъ Гурычъ, вставая. — А я совѣмъ за кусты возьмусь.

Софья уперла весломъ въ землю прямо съ кормы, а Левъ Гурьичъ ухватился съ носу за ивовые кусточки. Онъ тянулъ, казалось, съ лошадиною силой. Не шевельнется бударка.

— Нельзя воды взять!—крикнулъ дьякъ оторвавшись отъ кустовъ, и ихъ опять откинуло на рѣку.—Ничего не подѣлаешь.

Софья рванулась впередъ. Дьякъ вдругъ загородилъ ей дорогу.

— Не пущу!—сказалъ онъ и сильными руками обхватилъ ея локти.— Не ходи. Ничего не сдѣлаешь. Только стременемъ у нашего дощаника дно выпреть. Такие образцы бывали; мы всѣ ко дну пойдемъ. Ты этого не знаешь по своему дѣвичьему разуму, а я навѣрно тебѣ говорю: у нашей бударки по такому стремени дно выпреть. Всѣ ни за что погибнемъ! Не пущу.

Захаръ-мельникъ молчалъ; обоими веслами уперъ въ землю въ самый круговоротъ.

— Пусти!—И отъ дьяка оторвалась.—Левъ Гурьичъ!—сказала она ему.— Я сама, слабая дѣвка, хочу идти лодку снимать. Сейчасъ давай вмѣстѣ за вербу возьмемся и потянемъ.

Она повелительно указала ему на дальнй кусть.

Покослебался влюбенный дьякъ. Софья перекрестилась и съ чудесною рѣшительностью вдругъ молвила:

— Матерь Божія!.. Слышишь ли меня теперь-то? Не своею силою, а твоей силой хочу идти родного батюшку спасать.—И рванулась, свѣсилась грудью на воду, ухватилась за дальнй кусть. Левъ Гурьичъ кинулся за нею. И теперь вдвоемъ за одинъ и тотъ же кусть потянули. Бударка дрогнула, шатнулась... и, правъ былъ мельникъ Захаръ, такъ ихъ и выхлестило впередъ шаговъ на сто... Едва опомнились, какъ уже стали подплывать къ самой башнѣ. Гусыня на цѣлую треть была залита водой. Съ лодки можно было

взяться руками за самую рѣшетку и вскочить на окошко.

— Бери веревку,—сказала Льву Гурьичу Софья Даниловна,—и ступай мнѣ отца спаси!

Она своими собственными руками все, что нужно, передала дьяку.

Гурьичъ поднялся на кормѣ во весь свой богатырский ростъ, прыжкомъ схватился въ окнѣ за деревянную рѣшетку, потянулся на жилнѣтыхъ рукахъ, и былъ уже съ ногами въ башенномъ прогалѣ.

Глава XXIII.

Гусыня.

Все замерло мертвою тишиной.

Шагахъ въ пяти отъ башни, въ затишьи, лодка даже не колебалась. Самъ Захаръ только тихо уравнивалъ веслами, чтобъ ихъ не отнесло далеко отъ башни внизъ бѣгущею водой. А дьякъ, въ пустомъ окнѣ, въ широкомъ башенномъ прогалѣ, у сломанной рѣшетки, надъ рѣчной глубиной, совсѣмъ теперь въ безопасности стоялъ. Софья Даниловна вперила свои взоры сквозь ночной мракъ во Льва Гурьича: какъ онъ стоитъ, вслушивается будто въ глубину башни и ветхую рѣшетку совсѣмъ доломать хочетъ. И она видитъ: только въ одномъ краешкѣ завязало! Но что жъ онъ долго замедлился? Отчего веревку въ башню не кинетъ? Вдругъ будто стоишь родного прослышался у Софьи въ ухахъ... Волна ли это плескаетъ, вѣтеръ ли завываетъ ночной,—не расслышать, о чемъ Левъ Гурьичъ въ башенную глубину говорить. И она, не разговоря сквозь плескъ волнъ и завыванье бури, будто стоишь человѣческій въ волнахъ слышать. Смертный вздохъ чей-то въ темнотѣ раздался.

— Данило Ивановичъ!.. говорю тебѣ: мы. Это мы. Веревку спускать, что ль?

Да, это изъ башенной глубины стонъ слышится. Левъ ли Гурьичъ имъ что на лодку сказалъ или только имъ такъ показалось, или Льву Гурьичу показалось, что они его съ лодки кличутъ, или это и имъ и ему изъ башни невнятный отвѣтъ исходилъ, а уже на

яву, не въ мечтаніи, всѣмъ послышался вдругъ человѣческій гоголь въ плескъ волнъ и въ бурѣ. Софья Даниловна взорами теперь закамѣнѣла, неподвижно глядитъ въ темнотѣ, а вдвое прислушивается слухомъ... Вотъ на ея глазахъ рѣшетка съ башни грохнулась въ воду. Левъ Гурьичъ сказалъ такое слово про веревку. И они видятъ или только догадываются, что онъ уже веревку на дно башни къ боярину опустилъ.

— Теперь, Господи, спаси и помилуй!—не спуская въ темнотѣ глазъ съ башни, крестилась Софья.

Страшно было положеніе измученнаго, раненаго воеводы на днѣ темной башни наханути позорной казни. Старикъ силно крихтѣлъ, выбиваясь изъ силъ; тяжело стоналъ и бредилъ; будто въ аду ворочался на земляномъ полу. Горячечный бредъ уже свинцовымъ гнетомъ давилъ голову; смерть приступала къ груди; въ глазахъ мутнѣло; омрачался умъ. Вспоминались старому за всю жизнь грѣхи. Срамота, нечистота на душѣ, жизнь себялюбца—одинъ непрерывный грѣхъ.

Вспоминались ему не слезы вдовицъ, не стоны и вопли преступниковъ, осужденныхъ на смертную казнь, которые, корчась и снѣтъ, и багровѣя на колахъ, въ предсмертныхъ мукахъ изрыгали хулу на Бога и ругали палача-воеводу; не десятки отрубленныхъ головъ, торчащихъ на копьяхъ его солдатъ и рейтаровъ: воевода никогда не былъ къ людямъ жестокъ; даже неся суровую царскую службу, онъ ни единой лишней души не погубилъ, а сказать бы, еще многимъ спасалъ и жизнь, и достояніе.

Вспоминались ему дальніе годы и далекая польская сторона. Лестъ міра остигла его тогда. Покойница жена, замученная его ревностью и сведенная имъ въ гробъ сейчасъ же вослѣдъ за первымъ ребенкомъ, спрашивала его: каково-то ему теперь съ ней въ могильной сырости? Каково-то сладостно, что земляные черви и гады подползаютъ бѣлое тѣло лизать? Въ глазахъ мутная вода; сердце сосетъ капля точащаяся

изъ земли; кровь на ранѣ запеклась и прилипла. И въ этомъ подземномъ аду змій выползаетъ со дна изъ трущобы, въ кольца свивается предъ нимъ, огненными глазами сверкаетъ, шевелитъ стрѣльчатымъ языкомъ, хочеть ему не рану, а внутреннюю душу лизать. Онъ лезалъ въ забытыя, въ бреду.

Страшный сонъ представлялся на яву, когда онъ выходилъ изъ забытыя. Не въ глазахъ у него мутнѣло, что въ дальнемъ окнѣ скрывалось синее небо, а это его послѣдній день проходилъ, послѣдняя вѣчная ночь наступала для него. Волна все сильнѣй и сильнѣй заходила съ рѣки и все сильнѣй плескала въ рывину... Чу! это заплескала вода, выйдя изъ береговъ, ужъ въ самую подошву башни. Звѣзда загорѣлась въ рѣшетчатомъ окнѣ.

Дочь! его любимая дочь!.. Гдѣ теперь Софья?.. Старикъ хотѣлъ молиться и зарыдалъ. На что онъ ей? Его сестра, у которой онъ, можетъ быть, отнялъ судьбу для своего «спокоя», и она нянькой-мамкой холила его затѣмъ, чтобъ его косой взглядъ видѣть и всегда одну брань слышать... Она гдѣ, добрая старуха, теперь? Но развѣ онъ не любилъ свою жену покойницу? Онъ, правда, запиралъ ее на ключъ безъ себя; даже въ церкви не любилъ отпускать. Но развѣ это не ее любя онъ такъ мучилъ? За всякое неосторожное слово она выносила адъ, за одинъ неласковый взоръ душевную пытку... но и это ли еще не безумная была любовь его къ ней? Развѣ онъ не истерзался, не поспѣлъ тогда въ одну ночь надъ ея гробомъ? Онъ отъ нея и сейчасъ на весь вѣкъ вдовецъ. За что жъ она и въ могилу теперь приходитъ терзать его? А! меня не любишь!.. вскрикивалъ окольный въ забытыя, а кого жъ любишь-то, говори! А умирающая только повела глазами, и, онъ слышитъ опять эти слова, говорить: «Зачѣмъ ты меня до свадьбы о томъ не спросила?» И умираетъ.

Вздрагивалъ, выходилъ изъ забытыя воевода. Не въ

могилѣ, все это въ тюремной башнѣ свою послѣднюю темную ночь проводитъ онъ. Радъ бы изъ здѣшней трущобы скорѣй въ народъ, хоть къ висѣльцѣ, хоть на позорную казнь выйти...

— Это мы! Веревку спускать, что ль?—опять сверху человѣческій голосъ раздастся.

Сонъ ли? Явь ли? Въ окно свѣжимъ воздухомъ потянуло. Ужъ нѣтъ гнилой рѣшетки въ окнѣ. Звѣзды и синее небо засіяли надъ головой. Ангелъ ли это, въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ описанный, который вывелъ Петра изъ темницы?

— Дочь!.. Софья, ты это?—вдругъ крикнулъ окольный.

Не видѣніе, а явную быль увидѣлъ онъ предъ своими глазами: крученая веревка ползеть къ нему внизъ изъ окна. Онъ руками осязаетъ ее, крученую веревку.

— Это мы, Данило Ивановичъ,—говорить ему дьякъ, перевѣшиваясь съ окна. Въ прогалѣ онъ былъ освѣщенъ мѣсяцемъ.—Сама Софья Даниловна тутъ. Въ лодкѣ тебя дожидаетъ.

Окольный принялъ во весь свой богатырскій ростъ; рану подъ мышкой забылъ; ястребомъ вѣднися въ веревку; боярскими сапогами уперъ въ стѣну и пошелъ-пошелъ узенькою круглою башней взбираться вверхъ къ окну. Безпамятнымъ людямъ Богъ десятеро силы даетъ... Лодка будто волшебствомъ подплываетъ къ башнѣ. Оба въ нее спускаются изъ окна. Только уже тутъ, въ самой лодкѣ, силы совсѣмъ оставили старика. Софья Даниловна пала на него и замерла надъ родимымъ безъ чувствъ... Только Тихвинской Божіей Матери, даже сквозь свой обморокъ, она страстную молитву читаетъ, читаетъ, все читаетъ надъ нимъ.

Напрямикъ къ селу Великому взяли гребцы. Волною здѣшнею водой сама лодка шибко понеслась по теченію. Семиверстная ширина полой воды скоро со

всѣхъ сторонъ обняла ихъ. На самой серединѣ они сочли себя совсѣмъ въ безопасности. Захаръ грестъ приостановился. Радъ былъ и Левъ Гурьичъ «вздыхнуть маленько». Тарханская диковинка, пеликаны, бабы-птицы, низко пролетѣли надъ ними посрединѣ рѣки.

Когда воевода, оправаясь отъ своего забытїи, уже сидѣлъ въ лодкѣ, упираясь на локоть въ искомѣ, когда и дочь рядомъ съ нимъ сама уже была въ полной памяти, одно ее, Софью Даниловну, удивляетъ: зачѣмъ дьякъ Левъ Гурьичъ молчаливъ и неразговорчивъ и совсѣмъ не попрежнему себя ведетъ? Зачѣмъ, напротивъ, Захаръ-мельникъ, то было всю дорогу молчалъ, а теперь хоть шепотомъ про себя то и дѣло «слава Богу» повторять? Онъ ихъ поминутно ободрять-остерегаетъ отъ рѣчной опасности; даже свои стариковскія прибаутки начинаетъ поминать. Но теперь ужъ и Захаръ не съ прежнею вольностью, а тайкомъ отъ воеводы, толкаетъ боярышню сзади въ плечо, и такъ, чтобы воевода не слышалъ, шепотомъ говоритъ подавая стилинцу: «дай, дай ему, сударыня, крѣпкихъ травъ водицы испить! увидишь сама, каковъ будетъ. Подай ему закусить и хлѣбупка».

Едва они стали подъѣзжать къ берегу, ихъ начали окликать стрѣльцы, толпившіеся кучей на пристани противъ Великаго.

— Кто-й-то?—раздавался протяжный голосъ съ берегу, когда они еще были шагахъ въ двухстахъ отъ него.—Кто-й-тамъ?—все настойчивѣе чередовались голоса, чѣмъ ближе они подплывали.

— Воевода!—кликнулъ дьякъ Левъ Гурьичъ съ лодки.—Государь Данило Ивановичъ!

На берегу все засуетилось.

Тутъ нашлись и верховыя лошади, и двѣ-три телѣги. Наталья Ивановна, когда вся семья, наконецъ, была опять въ сборѣ подъ одною крышей, обрадовалась имъ, какъ приплещамъ не только съ того берега, а сказать бы: съ того свѣта.

Глава XXIV.

Царская грамота.

Село Великое само глядѣло городочкомъ.

Домикъ, приготовленный для нихъ Львомъ Гурьевичемъ, напоминалъ ихъ тарханскій уголокъ. Тетя-мама въ короткую побывку успѣла тутъ въ верхней горенкѣ приготовить даже постель для Сонюшки. Самого околышчаго она никакъ къ себѣ не ожидала такъ скоро.

Она теперь похвалялась имъ всѣмъ своимъ хозяйствомъ, все ихъ скорѣй осмотрѣть приглашала; велѣла въ мѣдномъ большомъ чайникѣ для нихъ заварить сладкій узварецъ, а того не разсудила старуха, что имъ отдыхъ былъ всего нужнѣе.

Но какъ было и уснуть послѣ всѣхъ впечатлѣній за послѣднія сутки? Къ тому же коротка апрѣльская ночь. Того и гляди солнце выплыветъ. Много ли, мало ли они отдохнули съ дороги, а вотъ уже опять сидятъ всѣ вмѣстѣ. Софья батюшкѣ рану его обмыла и перевязала и Бога благодарила теперь: рана была совсѣмъ легкая, больше страшная по одному виду.

Левъ Гурьичъ поминутно входилъ къ нимъ въ комнату; Наталья Ивановна принимала его теперь за родного. И не отецъ, и не дочь послѣ всего скоро утомились, а сама Наталья Ивановна, довольно наплакавшись отъ радости, пошла въ свою комнату почитать.

Какою-то потребностью сдѣлалось теперь для старика ни на шагъ не отпускать отъ себя дочери и, не спуская глазъ, все время на нее одну смотрѣть.

— Софья! — говорил он. — Покойница матушка твоя, Варвара Глѣбовна, твоимъ рожденіемъ умирая, послѣдними словами за тебя Богу молила... ради Бога тебя твоей теткѣ на руки отдала. И ты мнѣ жизнь спасла. Не баловалъ я тебя, себѣ одному угрожалъ, тебя любя. И я, помня ея родительское слово, пуще, чѣмъ ее, мать твою родную, кѣжилъ и дѣлалъ, и холить, и радилъ тебя, и въ томъ во всемъ не тебѣ, а самому себѣ угождая. Любилъ, любилъ я тебя! Да я же и первый твой ненавистникъ былъ. И ты меня въ томъ прости, дочь моя. И во всю твою жизнь ни единымъ словомъ ты не обидѣла меня! Свою власть надо мной зная, ни разу ничѣмъ ты надо мною ничего силой не взяла; и не бранила, и не сердилась на гадкаго старика. А нынче, — онъ повторилъ опять, — и душу свою ты за меня положила.

Онъ весь будто переродился теперь. Кротости всю жизнь не доставало этому лицу. Теперь она самая, эта душевная мягкость, будто голубь слетѣла и осѣнила черты его лица. Даже голосъ старика звучалъ кѣжливѣе. Обычный поворотъ наклона его головы, утрачивъ свою прежнюю жесткость, сохранялъ свою красоту. Не даромъ и старика Обрескова всѣ почитали красавцемъ.

Онъ рѣшительно не спускалъ глазъ съ Софьи. Она сказала, что пойдетъ если не совсѣмъ оправиться съ дороги, такъ хоть причесать голову. Онъ взялъ гребень и всю ея голову расчесалъ и причесалъ самъ. Она просила пойти къ себѣ помолиться; онъ, обрадованный, сказалъ: «помолиться надо и мнѣ, больше тебя»; и вдвоемъ у образа помолвились. Она сказала, что пойдетъ провожать тетю-мату; они пошли къ ней вдвоемъ, и тамъ онъ сѣлъ съ дочерью рядомъ. Она отъ утомленія сѣла на лавку въ его комнатѣ; онъ самъ подаль-поднесъ ей подушку; уговорилъ даже прилечь и, когда она легла, онъ, какъ это всегда дѣлывала ея покойная няня Василиса Пахомовна, самъ тихо пере-

бирая-шевельвалъ ей волосокъ за волосочкомъ. Отдохнуть мало, она сейчасъ же оправилась и сказала, что ей «теперь совсѣмъ легче». Повеселѣлъ отецъ, придвинулъ свое кресло къ лавкѣ, и опять сидѣлъ съ нею рядомъ.

— Какъ хорошо становится на душѣ, — сказалъ онъ. — Боже мой! не то что ото всѣхъ послѣднихъ тревогъ, а сказать бы отъ какой долгой болѣзни за всю свою жизнь выздоравливаю теперь. Софья! простишь ли гадкаго старика?.. Вѣдь ей же ей... Нынче и душу свою ты за меня положила.

Онъ опять утеръ слезу; что-то хотѣлъ, очевидно, еще сказать, но силъ не было выговорить; тяжело ему становилось.

— Батюшка! — перебила дочь. — У Бога не безъ добрыхъ людей; я тебѣ всегда это говорила. А я одна чѣмъ бы тебѣ пособила?

— Нѣтъ, нѣтъ... — отрицался старикъ и опять судорожно махалъ рукой. Слова еще такого онъ не находилъ, а самъ про себя, очевидно, понималъ, что такое онъ ей говорить хочетъ.

Левъ Гурьевичъ вдругъ вбѣжалъ съ радостными вѣстями: въ Тарханскѣ пушки палятъ. На башнѣ съ берегу можно видѣть, царское знамя развѣвается. Видимое дѣло, орловскія рати подошли. Все село заликовало. Для Обресковыхъ, даже и послѣ всѣхъ ихъ домашнихъ радостей, такая царскихъ войскъ надъ мятежниками побѣда была за праздникъ. Больные на радости выздоравливаютъ; истомленные свои усталости забываютъ. И самъ воевода, и Софья Даниловна, и тетя-мама здѣсь въ селѣ Великомъ веселѣй, чѣмъ въ Тарханскѣ, сидятъ за трапезой, за раннимъ утреннимъ завтракомъ. И Левъ Гурвичъ, такъ случилось, съ воеводиной дочкой за столомъ рядомъ; и дочь на глазахъ отца со «спасителемъ» весело разговариваетъ.

— Софья!.. дочь моя! — третій разъ обратился окольничій, когда они вновь остались одни.

— Проси, чего хочешь, меня старика. Того быть не можетъ, чтобы чего-нибудь весь вѣкъ ты не пожелала тайкомъ отъ меня. Мало ли чтѣ и въ шутку, изъ шалости, въ голову могло придти? Хочу, какую ни есть, отъ тебя просьбу слышать. О томъ говорить нечего, что все наше имѣніе—твое, дочернее. Отъ сего часу я въ домѣ меньшей; отъ сего часу, не я въ домѣ, а ты всему будь хозяйка. Но не о томъ я говорю; а ты душу мою улади. Слышишь ли?—И онъ ей будто какія-то дальнія московскія слова напоминалъ теперь.—Моя нынче волята, чтобы изъ твоей воли мнѣ по гробъ не выходить.

Софьяна грудь тяжело, высоко заколебалась. Не могла она ужъ черезъ силу себя удерживать. Сердце у ней закатилось, какъ предъ бѣдой. Блѣдное ея лицо вдругъ помертвѣло. Она предъ родителемъ со своего кресла встала на выгижку.

— Батюшка!—И вдругъ упала къ его ногамъ.—Сыми съ меня тяжелое свое отцово слово.

Ожилъ, всколыхнул старикъ.

— Софья! о томъ вѣдь и молю тебя,—застоналъ онъ глухо.—Коли я ее тогда взялъ у тебя волю, ты сама мнѣ ее отдала. Ее ты сама отъ себя отняла. При тебѣ твоя воля будь. Своя у тебя воля. А моя нынче волята, ужъ ты слышала, чтобы мнѣ по гробъ изъ твоей воли не выходить.

— Батюшка!—стонала Софья Даниловна, не отрываясь отъ его коленъ.—Сними съ меня тяжелое твое отцово слово!

Она въ смертной истомѣ обращала къ нему умоляющій взоръ; блѣдно было ея лицо; простертые руки, тонкіе пальцы дрожали...

Недоумѣвая, не понимая отца.

— Софья, о томъ вѣдь и прошу: прости же ты меня старика!

Онъ силой поднялъ ее съ полу; тихо поддерживалъ ея слабую голову съ разметавшеюся косою.

— Дочь моя!.. Вотъ я самъ благословляю тебя. Видишь ли?—И онъ крестилъ дочь.—Господи! Твоя буди воля, а не моя.

— Батюшка! батюшка!..—съ дрожью, скороговоркой произносила Софья и припадала руками къ его груди.—Свѣтъ мой батюша!..—съ короткимъ, перерывистымъ дыханіемъ все быстрой и короче произносила она.

— Ты его любишь? Ну, я такъ и понимаю...

Она судорожно отрицалась головой.

— Сталъ я и самъ послѣднее время замѣчать...

Все судорожный отрицалась она; грудь тяжелѣе дышала; холодныя руки дрожали.

— Не думалъ я, правда, никакъ... Но онъ поправился тебѣ, и довольно. Да пойми же, Софья. Вѣдь я объ немъ, обо Львѣ Гурычѣ, и говорю тебѣ.

— Батюшка!—простонала она, такъ что, казалось, и потолокъ, и стѣны въ свѣтлѣхъ дрогнули отъ боли.—Сними съ меня тяжелое твое отцово слово.—И замертво упала къ его ногамъ.

Только теперь все понимал старикъ.

Такъ это не здѣсь, въ брусинной избѣ, а тогда, на Москвѣ, въ ея терему, на голубомъ коврѣ, еще тамъ угадать ему надо было! Не теперь, а два года и больше тому назадъ, въ самый тотъ Ооминъ понедѣльникъ воля Божія, а не его грѣшная воля, должна была совершиться. Онъ теперь на полу припадалъ къ дочери, согрѣвая ее теплымъ дыханіемъ, глаза ей раскрывалъ потихоньку, ея слабую голову поддерживалъ. Самъ передъ ней стоялъ на коленяхъ и ея холодную дочернюю руку со слезами цѣловалъ.

— Софья! простишь ли меня?—вдругъ вскрикнулъ отецъ.—Нѣтъ, ты не можешь, ты не должна меня простить...

Она тихо повела на него глазами.

— Нѣтъ! ты не должна меня простить!..—застоналъ онъ глухо.—Можетъ быть, онъ, твой суженный, безъ

тебя съ горя на войну пошелъ, давно въ полѣ убитъ лежить.

Софья безъ упрека, безъ жалобъ, безъ чуть слышнаго ропота,—это было очевидно для отца,—вспоминала теперь о своемъ минувшемъ счастьи; только одинокая слеза дрожала на ея рѣсницѣ. Она тихо повела на отца глазами и попрежнему все молчать стояла.

И онъ оставилъ святыню ея души въ ней почитать; объ имени не спросилъ. Софья видитъ теперь: ему казалось бы уже святотатствомъ до ея тайны прикасаться своими руками. Не случайно, а по своему глубокому и нѣжному разуму, онъ ее объ имени не спросилъ.

— Очень я устала!—чуть слышно молвила Софья.— Онъ самъ увелъ ее въ верхнюю горенку. Она уснула.

И вновь отецъ объ имени не спросилъ, когда сама Софья пришла къ нему для разговоровъ. И для нея ясно теперь: не спроситъ онъ и впередъ, чтобы самому ничуть ко святынь ея души непрошеными руками не прикасаться. Ахъ, давно ли все это было! А вотъ она видитъ теперь: ея отецъ совсѣмъ предъ нею таковъ, какимъ она всегда его себѣ воображала. Она всегда страстно любила его; сказать ли? не то любила, а больше жалѣла его. Вотъ она его теперь попрежнему любить, а ужъ не о чемъ жалѣть его.

— Право,—началъ опять отецъ,—будто отъ какой за всю жизнь болѣзни выздоравливаю. Себя не узнаю. Софья, вѣдь это ты вылѣчила меня.

Онъ какъ-то просбенно глядѣлъ ей въ лицо.

— А еще тому три-четыре дня, грѣшенъ, ой предъ Богомъ какъ грѣшивъ былъ! Припоминаю вчерашній день и третевочный, во мысляхъ перебираю. Въ томъ даже, что ворамъ въ руки отдался, сказать со всею откровенностью, почестъ я самъ виноватъ. Гордыня обуяла. Сказать бы: смерти своей самъ алкалъ. Горестно мнѣ теперь не за себя, а за васъ, за тебя, дочь, да за твою тѣтушку добрую, а мою сестру родную.

Откроюсь предъ тобой во всемъ; только маменькѣ не говори ни слова. Помнишь ли, третьяго дня съ Москвы гонецъ прѣхалъ, мнѣ государеву грамоту привезъ?

— Ахъ, что такое, батюшка?

Софья вдругъ вспомнила свой разговоръ съ дьякомъ объ этой грамотѣ.

— Мы у царя въ большой опалѣ. Не знаю, захочетъ ли меня впередъ до своихъ очей допустить!

Софья подѣлала ближе къ отцу.

— Неправо онъ осерчалъ на меня!—съ важною продолжалъ бояринъ.—Воровъ какъ можно было—съ Москвы имъ легко писать—до нашихъ мѣстъ не допустить? Нечего меня ровнять своимъ прочимъ окаяннымъ воеводичкамъ. Нечего и Бориской Лыковымъ корить. Бориска Лыковъ!.. а? (Сѣрые его усы шевелились.) Опалой и подавно грозить нечего. Не опалы его устрашались, а то себѣ на душу за срамоту взявъ, я и точно что воровъ поджидать, будто на вольную смерть шелъ. Только и не чаялъ, дочь моя, что такъ страшно безъ покаянія животъ кончатъ. Вотъ она голубушка!—вынулъ онъ грамоту изъ-за пазухи.— Со мной вмѣстѣ въ башенной тюрьмѣ у-сердцу была.

— О чемъ же и что тутъ государь пишетъ?—спросила дочь.

— Пишетъ такъ,—отвѣтилъ отецъ, тряхнувъ грамотой, и началъ читать, минуя титулъ и многія мѣста, очевидно официальные, а не тѣ, которыя были тягостны для его самолюбія:—«И тебѣ бы знать, Данило Ивановичъ, что ты нонѣшнимъ своимъ нерадѣніемъ себя въ конецъ осрамилъ; а которая твоя прежняя была вѣрность, за что я тебя много и жаловалъ, и ты ей нонѣшнюю свою оплошкой злой конецъ положилъ; а которые отъ меня съ Москвы бояре въ другіе города противъ воровъ посылали, тѣ своего государя, моего царскаго величества Алексѣя Михайловича всея Руси, честь не по твоей глупости оберегали...» Ну, тутъ Лыкову и всей ихъ братьѣ отъ царя: величаемъ

тя! Бориско Лыковъ, а? (Опять его сѣрые усы шевелились.) «...и мы велимъ вотчины назадъ отписать...» Ну, всего насъ рѣшить! Такъ, молъ, и того мало!... Известно это: Обресковы въ опалѣ. Да гляди-ка еще, что про хорошихъ-то напишутъ, про московскихъ сосѣдей, въ припискѣ пишутъ! Мало имъ того, что ихъ отецъ передъ моимъ батюшкой испоконъ вѣка чванился. Вѣдь ты это знаешь ли? Вотъ я тебѣ теперь это первый разъ скажу. Въ нашемъ-то, въ Кривомъ переулкѣ, вѣдь это мой родитель, онъ первый, зачалъ каменны палаты выводить, ну и безъ спору было. А вотъ ихъ-то родители, Григорій Романовича старикъ, старый Засѣкинъ, не стерпѣлъ; дай, молъ, и я таковы же точно, да еще лучше, насупротивъ Обресковыхъ палатъ и свои бѣлокаменны выведу поставлю!.. Слушай-ко: «А Григорій Романовичъ Засѣкинъ давно ли тебѣ по службѣ за одно мѣсто былъ... а нынче мы его и въ бояре пожаловали, да по немъ и сыну его вотчины наддали, и нашею царскою милостью его на своихъ очахъ сосватали, своимъ обиходишкомъ женимъ, за него княжну Салманову выдаемъ...» А, Софья, каково?—И онъ встряхивалъ грамотой и, положивъ ее на столъ, ударялъ по ней кулакомъ.—Сосѣдъ-ать мой ужъ на Москвѣ бояринъ! Въ домъ-то къ нимъ самъ царь то было жениховъ, а нынче ужъ и невѣсть за-сыластъ!

Это былъ намекъ на свадьбу Настеньки. И глаза его опять сверкали, сѣрые усы шевелились.

Прошло молчанье.

— Ну да Богъ съ ними со всѣми, да и съ царемъ-то! — молвилъ окольныйчій. — Одно ты въ мѣръ мое сокровище. Ты, моя дочь, при мнѣ; я опять съ тобою, а для міра я совѣмъ отпѣтый человекъ.

Вопла маменька Наталья Ивановна съ новыми добрыми вѣстями. Она принесла воеводѣ привезенный изъ Тарханска кафтанъ, а Софья ея любимую душегрѣйку и шелковую сѣтку на голову. Орловскій ты-

сячкій прислалъ изъ города за ними расшиву: воровъ всѣхъ избили и прогнали. Тарханскъ очищенъ. Воеводу отъ мала до велика всѣмъ народомъ ждутъ въ городѣ съ минуты на минуту.

— Что жъ, батюшка, — потихоньку молвила Софья отцу, вставая. — Вотъ и самъ государь теперь узнаетъ, что Тарханскъ очищенъ, изъ всего уѣзда воровъ прогнали. Мой совѣтъ тебѣ таковъ: будемъ ждать, впередъ какой отъ государя милости дождемся?

Она поблагодарила тетю-мату за сѣтку и за душегрѣйку, сказала, что пойдетъ сейчасъ же передѣться къ себѣ наверхъ.

Глава XXV.

Плачь Софьи.

Ни бровью не повела. Какъ въ началѣ, такъ и до самаго конца за чтеніемъ грамоты пристально слѣдила.

Когда старикъ внятно читалъ строки: «Да по немъ и сына его царскою нашею милостью пожаловали... За него князю Салманову отдаемъ». И когда отецъ говорилъ: ну, тутъ пустое пошло! Царь мальчишку приданымъ награждать; и какъ въ комнату вошла маленька Наталья Ивановна съ вѣстями, и когда она изъ ея рукъ брала свою любимую атласную душегрѣйку... ни бровью не повела, не содрогнулась.

Но, Боже мой! Только теперь можно было видѣть, чего Софья надъ собой стоило пережить эти пять или десять минутъ въ сутняхъ, исполненныхъ и безъ того всякихъ необычайныхъ волненій. Вбѣжавъ по тесовой лѣстницѣ въ свою свѣтелку, она заложила дверь на задвижку, кинулась-упала на кровать и, забивъ голову въ подушку, зарыдала-зарыдала.

— Левъ на Москвѣ сосватанъ! Царь за него князю Салманову отдаетъ!!

Не утѣжать бы тогда имъ изъ Москвы въ дальнюю сторону. Ахъ! два года тому назадъ не бѣжать бы имъ за тысячу верстъ отъ людей, въ чуждъ глушь, изъ столицы!

Сердце ея было разбито. И въ какой день? Этотъ весь день былъ громовый. Убита на ея глазахъ драхляя голубка, ея Василиса Пахомовна няня. Воеводу,

ея отца, на площадь волокутъ пьяные казаки. Она цѣлмя сутки съ мокрыми ногами, въ бабьемъ тудупѣ. Приказный дякъ, что всегда дрожалъ при видѣ ея отца и стоялъ на вытяжку, хочетъ ее цѣловать и говоритъ про любовь. Съ нимъ да ея старымъ мельникомъ она спасаетъ отца. До сихъ поръ у ней въ ухахъ стонетъ плескъ волнъ да завыванье ночной бури у башни. До сихъ поръ у ней болятъ руки отъ веселья, отъ борьбы съ водою на стремени. Она не очутовалась даже еще и отъ послѣднихъ мукъ, когда кланялась въ ноги отцу и заклинала.

И когда же этому сердцу суждено было разбиться? Наканунѣ.

Это теперь, когда ея отецъ и съ Богомъ и съ людьми, и съ самимъ собою примирился. Да развѣ, на самомъ дѣлѣ, ужъ и не снято съ нея, даже сейчасъ, тяжелое отцово слово? Рѣшительно наканунѣ.

Она плачетъ-мучится, сама себя терзаетъ. «Лѣва! Левъ мой Григорьевичъ! зачѣмъ я тебя, дѣвка, полюбила!» Безропотно, безъ жалобъ на кого другого, она рыдаетъ, сама себя кругомъ винить: можно ли было ей той же любви надѣяться? зачѣмъ, зачѣмъ она его такъ безумно полюбила?

Посмотрѣла бы я его, поглядѣла бы я его: неужели онъ такъ переѣмнился? Левъ Григорьевичъ!.. Лѣвка ты мой! какая она такая твоя невѣста? Бѣлый вашъ домъ, наша церковь красная... ахъ, ты помнишь ли, что въ терему у меня говорилъ ты? Твои дѣтскія кудри; твоя бѣлая рука; живые твои соколиные глаза... Подай, гдѣ у тебя мое колечко?

Она плачетъ, терзаетъ себя: «зачѣмъ я безумно полюбила?» Ужъ не можетъ она жить. Ужъ не о чемъ ей даже Богу помолиться. Она только смерти молится, а онъ на Москвѣ пируетъ. «Нѣтъ, лѣтъ,—далеко отъ него плача, мучить она себя:—и забывая, не забыть ты меня! и разлюбляя, не разлюбилъ ты меня! хочеть другую любить, съ той не ласковъ онъ. И ты помнишь,

какая она такая Софья Даниловна твоя, хоть и по-
вѣнчался съ другою! Но ей для чего теперь жить?
Ни перемѣнить, ни поворотить, какъ ни терзайся.
Лѣва, Лѣва!.. или вправду княжна Салманова теперь
твоя молодая жена!»

Она чувствовала, въ ея жизни это былъ переходъ.

Въ тотъ же день они опять переѣхали домой въ
Тарханскъ. По городу убирали трупы... Мало-по-малу
на улицахъ и въ домахъ водворилась прежняя ти-
шина. У самой ограды Михаила Архангела похоро-
нили ея няню. Палашка сплелась, благодаря прото-
поповой женѣ, у нихъ въ сараѣ, въ пустой кадкѣ.
Наталя Ивановна опять помѣстилась подъ лѣстницей,
и образъ *Всѣхъ Скорбящихъ* висѣлъ попрежнему въ
переднемъ углу на розовой тесемкѣ. Въ ихъ большой
передней комнатѣ попрежнему накрытъ столъ. По-
ставленъ ужинъ. Темно въ комнатѣ; свѣчей нѣтъ, и
мѣсяцъ не глядитъ въ окно. Но апрѣльскій вечеръ
когда же темень бываетъ? Долго никто не приходитъ
за ужинъ. Одинъ Левъ Гурычъ похаживаетъ по пу-
стой комнатѣ. Онъ цѣлый день то и дѣло всякому
попадался въ домъ на глаза.

Дьякъ все чего-то ждетъ.

Глава XXVI.

Объясненіе съ дьякомъ.

Въ тотъ же вечеръ у Софьи Даниловны былъ раз-
говоръ со Львомъ Гурьевичемъ.

Ея сердце было разбито. Чувство, которое много
лѣтъ она берегла въ своей душѣ за святую, которое
именно теперь окрѣпло и созрѣло въ ней, оно какъ
въ могилѣ. Вся ея жизнь переломлена. «Законъ! Царь
неумолимый!» проносилось еще по временамъ въ ея
мысляхъ. Но нѣтъ, сердце не давало себя въ обманъ:
царь только жизнь волею отнять.

Итакъ, вечеромъ у нихъ былъ разговоръ.

Левъ Гурычъ послѣ всѣхъ тревогъ за послѣднія
сутки, видимо, дожидался этого мига побыть съ Софьей
наединѣ. Онъ цѣнилъ въ себѣ, что жертвовалъ за нее
жизнью. Бѣднякъ даже беззастѣночно простоудшно раз-
считывалъ на это свиданье. Когда Софья вышла къ
нему, наконецъ, молодой Каравеловъ сіялъ такимъ
блаженствомъ, что ей стало неловко.

— Левъ Гурычъ,—сказала она ему.—Теперь мнѣ тебя
благодарить надо. Съ нонѣшняго дня ты мнѣ истин-
ный другъ на всю жизнь. И на всю мою жизнь я
тебѣ по гробъ благодарна.

Она подошла къ нему ближе, обняла за локти и по-
цѣловала въ щеку.

Онъ на лету припалъ губами.

— Софья Даниловна!..—вымолвилъ онъ задыхаясь.

— Левъ Гурычъ, полно!—остановила она его лег-
кимъ движеніемъ.

Онъ схватилъ ея руку и запечатлѣлъ какимъ-то рабскипочтительнымъ поцѣлуемъ.

— Ты меня любишь, Левъ Гурычъ!—сказала вдругъ Софья.—Я тебѣ въ томъ вѣрю. Если бъ и не привелъ Богъ тебѣ пособить мнѣ въ моемъ великомъ горѣ, я и по прошлымъ твоимъ рѣчамъ и дѣламъ дала бы въ томъ вѣру. А какъ ты ночью моего родного отца спасителемъ сталъ; только меня любя, за него на вѣрную смерть пошелъ (могли мы съ тобой въ рѣкѣ утонуть, и въ руки разбойникамъ попасться)... такъ какъ же мнѣ твоей любви не вѣрить! Но...

Левъ Гурычъ вздохнулъ.

— Но, — повторила Софья, — мнѣ на своемъ вѣку быть замужемъ видно Богъ не судилъ. Напрасно меня всѣ зовутъ красавицей; ужъ я дольше всѣхъ своихъ ровесницъ въ дѣвкахъ засидѣлась. Также, видно, и впереди мнѣ счастья нѣтъ. Что ты мнѣ теперь, Левъ Гурычъ, на то отвѣтишь, если я тебѣ скажу, что я въ монастырь пойду?

Лицо Льва Гурыча, по временамъ еще оживлявшееся надеждой, вдругъ искривилось горькою усмѣшкой.

— Говоренося!—отвѣтилъ дьякъ съ какимъ-то небывалымъ еще озлобленіемъ. Онъ провелъ по волосамъ рукой, отвернулся въ уголъ и заигралъ въ рукавъ куньею шапкой.

Софья остолбенѣла.

— Удивительно для меня!—всплеснула она руками.—Какъ, Левъ Гурычъ? Да если ты меня вправду, какъ самъ говоришь, любишь, а я твоею быть не могу, развѣ тебѣ не за счастье теперь услыхать отъ меня, что я не кому-нибудь живому человѣку въ руки останусь, а что навѣкъ останусь сирота Божья?

Она схватила его за руки, будто еще умоляла скорѣй сказать: такъ ли она это своимъ дѣвичьимъ умомъ разсудила.

Глаза ея горѣли такимъ огнемъ, какого дьякъ за Софьей Даниловной и не чаялъ. Вся она была обо-

рожительно предъ нимъ. Съ ногъ до головы такимъ желаніемъ жизни вѣяло отъ нея! Влюбленный дьякъ обомлѣлъ.

— Софья Даниловна! (Голосъ Льва Гурыча дрожалъ; онъ страстно сжималъ ея руку; онъ дерзко заглядывалъ ей въ лицо.) Софья Даниловна... ты... въ монастырь пойдешь?

— Пойду безо всякихъ переговоровъ,—съ достоинствомъ отвѣтила Софья и отняла свою руку прочь.

— Богъ одинъ вѣдаетъ, что говоришь, — сказалъ дьякъ, сядя на скамейку, и опять отвернулся въ уголъ. Онъ, очевидно, ждалъ признанія; а ей, повидимому, не хотѣлось больше говорить.—Стало быть, ты за мужъ ни за кого не пойдешь?—прервалъ онъ молчаніе.

— Знать, ни за кого,—молвила Софья.

— И ты мнѣ въ томъ вѣрно общаешься? — крикнулъ дьякъ, вставая, и подставилъ ей свою широкую ладонь.—Ты мнѣ въ этомъ общаешься, что ты замужъ ни за кого, а ты къ Богу, въ монастырь, пойдешь?

— Должно, такъ и есть,—молвила Софья.

Дьякъ глядѣлъ въ полъ.

— Кому было на мнѣ жениться, тотъ, можетъ быть, на войнѣ мертвъ лежитъ,—договорила Софья.

— И на тебѣ теперь никто не женится?—настойчиво спросилъ дьякъ.

— Больше никто!—наотрѣвъ отвѣтила Софья.

Не привыкши еще прежде бѣдный дьякъ въ цѣлые два года считать себя «презрѣннымъ червемъ» предъ семей Обресковыхъ, трудно бы ему было теперь устоять на ногахъ предъ воеводиной дочкой. Сама Софья поспѣшила на помощь.

— Ты развѣ не видишь,—сказала она ему,—во мнѣ перемѣну? Я тебя теперь совсѣмъ за своего друга почла, и ты мнѣ сталъ истинный другъ на всю жизнь. Я тебѣ это, Левъ Гурычъ, не напрасно сказала. Въ прошлое время когда бы ты отъ меня такихъ рѣчей услыхалъ?

Случалось, мы съ тобой и очень подолгу разговаривали, а такихъ отъ меня рѣчей ты никогда еще не слыхалъ. Такова я съ тобой и впередъ на всю жизнь буду.

Въ комнату вошелъ воевода.

Двое слугъ несли за нимъ свѣчи. Данило Ивановичъ былъ въ своемъ домашнемъ на бѣличьемъ мѣху кафтанѣ, а на ногахъ у него были желтые сапоги бѣлыми кисточки.

— Ты вотъ гдѣ, Сонечка,—молвилъ отецъ,—а я всѣ комнаты обошелъ, искалъ тебя.

Левъ Гурьичъ стоялъ уже въ самомъ углу на выжку.

— Батюшка,—сказала Софья Даниловна,—я тутъ безъ тебя Льва Гурьича благодарила за все, что нынѣшній день онъ сдѣлалъ для нашего семейства.

Софья указала отцу на бѣднаго дьяка.

— Левъ Гурьичъ! подойди сюда.—И окольныйчій тяжело вставалъ со своего кресла, опираясь на его ручки.—Почтѣдусь съ тобой по-христіански. (Окольныйчій цѣловалъ своего дьяка троекратнымъ поцѣдуемъ, какъ цѣлуются у Христовой заутрени.) Завсегда будешь нашему дому другъ. И дѣтямъ, и внукамъ своимъ закажу твою добродѣтель поминать. Здѣсь ли останемся, въ Москву ли опять переедемъ, будешь всегда за родного брата всѣмъ намъ. Благодарствую Левъ.

И старикъ опять тяжело опустился въ свое кресло.

Только теперь можно было видѣть, сколько силъ убыло у старика. Онъ поспѣхалъ, одрахъ за цѣлые годы. Рана подъ мышкой все еще была перевязана.

— Не на чемъ, сударь Данило Ивановичъ!—проговорилъ дьякъ надумавшись и отвѣсилъ низкій поклонъ воеводѣ.

Софья, заложивъ руки за спинку кресла, стояла возлѣ отца.

— Надо будетъ скорѣй обо всемъ государю на Москву отписать,—продолжалъ окольныйчій.—На сію минуту силъ моихъ не стаетъ государевыхъ дѣлъ на-

чинать; а завтра... ты самъ ко мнѣ въ домъ не ходи, Левка, самъ я еще до свѣту къ тебѣ въ приказную приду.

— Слушаю-съ!—отвѣтилъ дьякъ и отвѣсилъ низкій поклонъ воеводѣ.

— Стрѣльцамъ вели очередь блюсти строго. Отъ воровъ, правда, теперь никакой опаски нѣтъ. Къ вечеру еще свѣжій гонецъ былъ: ихъ на сорокъ верстъ кругомъ потоптали. Но чтобы все у насъ съ тобою было по чину. Чай, вода сбывать стала?—спросилъ вдругъ воевода.

— За день вся сошла,—отвѣтилъ дьякъ.—Подъ горой у башни, сказываютъ, ужъ въ бродъ опять переходитъ начали. Дружная вода была.

И Софья и отецъ молча перекрестились.

Въ комнату вошла Наталья Ивановна.

— Я: гдѣ братецъ? А вы всѣ тутъ!—сказала старуха. Отъ отца она перешла къ дочери; опять горячо ихъ перецѣловала и въ заключеніе, залившись слезами, повалялась прямо на шею ко Льву Гурьичу.—Дай же, спаситель нашъ, тебѣ-то отблагодарить теперь! Великъ Богъ своею милостью, сотворилъ чудо не по нашему маловѣрію; а и добрымъ людямъ спасибо навѣкъ.

Она плакала и рыдала. Дьякъ горячо обнимаясь съ маленькой Натальей Ивановной. По обычаю всего дома и онъ ее кликалъ маменькой.

— Гдѣ послѣ такого страха здѣсь на чужой сторонѣ оставаться!—заголосила Наталья Ивановна.—Ой, въ Москву, братецъ, скорѣй въ Москву просись у государя. Няня-то наша, добрая моя старуха Василѣса Пахомовна, царство ей небесное, знать, за всѣхъ насъ она тутъ одна свои кости сложила на чужой сторонѣ. (Наталья Ивановна крестилась на образъ.) А тебѣ, Левъ Гурьичъ,—обратилась она на прощаньи опять къ дьяку,—пошли тебѣ тутъ Богъ безъ насъ на Тарханскъ первую, что ни самую лучшую невѣсту.

Дьякъ даже своего «нѣ-начемъ» не отвѣтилъ Натальѣ Ивановнѣ.

— Прощай, Левъ Гурычъ!—поклонилась Софья Даниловна дьяку съ порога, поведя своего больного отца укладывать опять; Наталья Ивановна поспела за ними обѣ свѣчки.

Такъ тутъ и заночевалъ на столѣ ужинъ, никѣмъ не тронутый.

Глава XXVII.

Христосъ Воскресе!

И вотъ, торопится утренняя заря... Ранній бѣлый день апрѣльскую ночь смѣняетъ. Последки снѣговъ стояли кругомъ: вездѣ вода побѣжала. И въ воздухѣ, и на землѣ—во всемъ явно себя сказываетъ весна. Въ воздухѣ свѣжить запахомъ полей. Жаворонки вездѣ запѣли. На небѣ журавли летятъ, гуси тянутъ вереницами. Торопятся сѣрые на лѣтнюю сторону—за Москву, за смоленскіе лѣса, за грязи новгородскія. Тянутъ дикіе къ Бѣлому морю, на Архангельскъ, къ самому океану. На всей Руси колокола въ тотъ день заодно гудятъ. Великая суббота на улицѣ; а завтра—праздникамъ праздникъ. Само, какъ весна животворящая, Свѣтлое Христово Воскресенье подошло.

Христосъ воскресъ! грянетъ изъ края въ край по всей русской землѣ.

И какъ на Москвѣ, при полночномъ гудѣ всѣхъ московскихъ колоколовъ, по церквамъ по приходамъ великое торжество свѣтло праздновалось, такъ и тутъ на чужой дальней сторонѣ, въ Тарханскѣ, въ самую полночь ударилъ колоколъ близъ воеводскаго двора у Михаила Архангела. Пять, шесть здѣшнихъ церквей откликалось ему съ разныхъ сторонъ, и весь здѣшній тарханскій людъ заспѣшилъ къ Пасхѣ.

Тамъ на Москвѣ, въ красной церкви, стоя предъ самымъ образомъ Тихвинской Божіей Матери, было ли кому дальнихъ тарханскихъ вспоминать? И здѣсь, въ глухомъ Тарханскѣ, за тою же великою утреней было

ли кому о дальнихъ московскихъ вспоминать? Разлученные друзья христосовались ли мысленно въ эту ночь между собою?

А то что же?

Чѣмъ для нихъ Свѣтлый праздникъ не свѣтель былъ? Оба на Тихвинскую Божию Матерь во всемъ положились. Тутъ оба сказали въ сердцахъ своихъ: какъ Богу угодно, такъ пусть и будетъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Глава XXVIII.

Царь въ окно поглядѣлъ.

Былъ тихій июньскій вечеръ. Налетали сумерки на Москву. Пространная Красная площадь давно опустѣла. Надъ ея зеленымъ деревенскимъ просторомъ все рѣже щебетали стрижи; по-деревенски еще кружились они и надъ золотыми верхами Кремля. Въ беззвонномъ воздухѣ ждалось и назавтра яснаго дня.

По-тогдашнему шель восьмой часъ ночи.

Стрѣleckая стража ужъ начинала свою переключку. Первый перекрестился сторожъ у Успенскаго собора и затянулъ протяжно и заунывно: «Пресвятая Богородица, спаси насъ!» Въ ближнемъ притинѣ хрипло отозвался другой: «Святые московскіе чудотворцы, молитесь Бога о насъ!» Изнутри Кремля стали ближе и явственнѣе подступать къ стѣнамъ такіа же точно громогласныя возглашенія и «Николаю Чудотворцу», и «всѣмъ святымъ». Вдругъ на всю площадь раздалось со стѣны: «Славень городъ Москва!» и протяжно замиралъ вдали этотъ окликъ. «Славень городъ Кіевъ!» откликнулся другой. И еще дальше раздалось: «Славень городъ Владиміръ!» и еще дальше: «Славень городъ Суздаль!» Изъ затина въ затинъ, отъ башни къ башнѣ, стали перекликаться, какъ колокола, по всѣмъ угламъ. Звучить имя Ростова; зву-

чать имя Ярославля; звучать имена других древних русских городов, вся слава которых для нас, потомков, осталась в одном их имени.

А вот уж и ласковыя лѣтнія звѣзды загорѣлись въ ночной синевѣ. Тяжелыя лампы, теплящіяся у вратарныхъ иконъ, рѣзче выделяютъ свои пламена сквозь окружающій сумракъ. Чешуйчатая, черепичная кровля высокихъ башенъ выступаютъ все темнѣй на голубомъ небѣ. На рву, у Василя Блаженнаго, отъ тамошней высокой травы и отъ густого кустарника потянуло свѣжею росой. Мѣсяцъ ли всходитъ съ края, утренняя ли заря ужъ занимается послѣдъ вечерней, а только Москва рѣка вся, какъ бѣлымъ днемъ, видна въ своихъ глинистыхъ берегахъ. А поглядѣть съ нея на Кремль, уже и онъ больше не темнѣетъ теперь, а сызнова начинается свѣтлѣть своими несмѣтными крестами, двоголовыми золотыми орлами, верхами царскихъ теремовъ, бѣлою зубчатою стѣной и башнями по угламъ.

Сонъ царя на весь Кремль.

Но вдали, за ходами и переходами боярскихъ дворовъ, потомъ за тѣсотой всякой дворцовой постройкой, по-за святыми соборами, тамъ, наверху, въ ночной тиши ярко свѣтился одинъ огонекъ. Въ сплосномъ ночномъ туманѣ и въ глубокомъ безмолвіи, когда развѣ только бородатый стрѣлецъ отгонялъ полночную дремоту нагѣвомъ тропарей, когда темные пустынные соборы еще темнѣй и пустыннѣй казались отъ мрачнаго освѣщенія одиночныхъ ночныхъ лампадъ, тамъ высоко-высоко въ царскомъ теремѣ, и какъ разъ въ государевой спальнѣ, ярко сквозь пунцовую занавѣску свѣтило одно окно. Любопытно ли заглянуть въ теплый царскій уголокъ?

Спаленка царя Алексѣя Михайловича была крошечная комнатка, вся устланная ковромъ и по стѣнамъ утѣшанная коврами. Она была ярко освѣщена двумя восковыми свѣчами въ высокихъ мѣдныхъ шандалахъ,

которые стояли на небольшомъ дубовомъ столикѣ противъ самаго окошка. На немъ красовалась большая мѣдная чернильница съ трубками, а въ трубкахъ цѣлымъ вѣеромъ были натыканы чиненныя гусиные перья. Это былъ любимый уголокъ царя Алексѣя Михайловича, уголокъ отдохновенія. Изъ этой чернильницы, на этомъ самомъ столикѣ онъ обыкновенно писалъ собственноручно дружескія письма пріятелямъ о своихъ охотахъ, о садоводствѣ, страстно имъ любимомъ, о своихъ ненаглядныхъ кречетахъ и соколахъ. Точно такъ же въ здѣшнемъ дубовомъ шкапчикѣ, который стоялъ въ углу, почти въ прислонѣ къ косяку окошка, хранились не царскія дѣловыя бумаги и не другія важныя книги, которымъ отведено особое мѣсто не въ этомъ покоѣ, а хранились и казали себя за стекломъ разныя охотничьи рѣдкости и диковинки: обдѣланная какъ живая черепаха, разныя сушенныя травы, а въ книгахъ и тетрадяхъ заключались всевозможные секреты, бездѣлки и выписки по части его любимыхъ забавъ.

На полу, на низенькой скамейкѣ, спиною въ упоръ къ дубовому шкапчику сидѣлъ девяностолѣтній, сѣдой и съ виду слѣпой старикъ. По тишинѣ въ комнатѣ, по ровной, тихой и съ минуты на минуту все болѣе замиравшей рѣчи этого Божьяго челоуѣка можно было догадаться, что царь уже дремлетъ, а пожалуй и уснулъ, почиваетъ. По боковой стѣнѣ, направо отъ окошка, тянулась узкая длинная лавка, до полу укрытая ковромъ и въ углу съ бѣлыми подушками. На ней и отдыхалъ теперь Алексѣй Михайловичъ. Въ углу нельзя было разглядѣть его лица, и даже были ли у него глаза закрыты. Одна каштановая борода тамъ темнѣла. Безъ сапогъ, въ темно-синемъ халатѣ онъ недвижимо лежалъ во всю длину лавки, скрытъ полусумракомъ. Только махиновые чулки ярко освѣщались на немъ обѣими свѣчами. Царь не шевелился. Свѣчи нагорали все болѣе. Щипцы, точно та-

кіе въ маломъ видѣ, какими нынче захватываютъ горячіе уголья, лежали на мѣдномъ подносі у самыхъ шандаловъ. Но оправдавъ свѣчи Божій человекъ видимо не торопился.

... «И было великое разоренье», — дотягивалъ онъ, какъ псаломщикъ, свой безконечный рассказъ; оставились и сталъ прислушиваться и приглядываться, точно ли государь почиваетъ. — И градъ Ростовъ опустѣлъ... и соборъ сожгли». Старикъ приостановился.

Можно было разслышать стукъ маятника въ столовыхъ черепашковыхъ часахъ.

Молчаніе и непробудный сонъ въ цѣломъ дворцѣ. Спать ли, не спать ли самъ государь Алексѣй Михайловичъ, но спать давнымъ-давно его спальники и стряпчіе, которымъ сегодня очередь быть ночными у него вверху. Спать двое дворянъ на верхней ступени его лѣсенки, которая ведетъ сюда, въ эту спальню, двое спать на средней ея ступени и еще двое спать внизу на полу, прямо на нижнюю ступеньку положили голову, какъ на подушку. Въ боярскомъ отдѣленіи спать «дневальные», которыхъ тутъ на ночь изъ двѣнадцати осталось только двое. Спать дворцовые отроки, тамъ въ среднемъ ярусѣ, у дверей запертыхъ на ночь пріемныхъ царскихъ покоевъ; другіе по сѣннымъ переходамъ и на здѣшнихъ лѣстницахъ, и кто гдѣ поспало. А про отдѣленіе молодыхъ царевичей и еще другое, государевыхъ сестеръ, царевенъ, говорить нечего. Давно спать царица на мягкой пуховой постели, теперь одна въ своей половинѣ. Нигдѣ не видать огня въ пустыхъ царскихъ палатахъ только тихія лампады въ ночной темнотѣ даютъ слабое мерцаніе по угламъ. Близъ иконъ, еще отъ утренняго куренія, пахнетъ ладономъ. Только въ сѣнныхъ переходахъ, гдѣ-гдѣ по широкимъ дубовымъ лѣстницамъ, ночные жирники еле-еле коптятъ масломъ.

Но ниже, у самой подолшвы дворца, только перейти не очень длинныя сѣни, въ дворцовой пристройкѣ,

въ сокольничьей избѣ, будто люди не спятъ. И здѣсь всѣ комнаты на ночь притворены. Только въ передней на дубовомъ столѣ, покрытомъ зеленымъ сукномъ, гдѣ лежатъ тетради и бумаги и стоитъ огромная жестяная чернильница, на самомъ краешкѣ сидитъ нашъ знакомецъ, молодой князь Львовъ. Онъ свѣсилъ со стола свои ноги и для удобства подставилъ подъ нихъ скамейку. Противъ него на скамейкѣ сидитъ блѣдный и разстроенный Левъ. Они оба пробыли сегодня «дневальными», но когда вечеромъ собирались бѣжать домой, Матюшкинъ Аеанасій Ивановичъ какъ-то подозрительно выглянулъ изъ окошка, точно понюхалъ воздуха, и почему-то отпустить ихъ домой не благоразсудилъ. Онъ велѣлъ имъ и на ночь остаться гдѣ поближе. Они оба сидѣли въ потемкахъ и, очевидно, всю ночь проговорили; разговоръ замиралъ. И здѣсь только слабый пламень отъ лампы предъ иконами свѣтился въ самомъ углу.

— Ахъ, тезка, тезка, — мотнулъ вдругъ головою князь Львовъ. — И ты вотъ только когда мнѣ все сказалъ!

— Очень мнѣ тяжело, — отвѣтилъ Левъ. — Самъ не знаю, для чего я тебѣ сказалъ.

— Постой, вотъ на, — перебилъ его князь Львовъ, — оба мы хороши съ тобой! Ну, какой тамъ еще къ тебѣ приходилъ нищій изъ Тарханска? Врутъ они, откуда ни придутъ. А ты вотъ что лучше... Государь-то еще давеча тутъ у насъ сидѣлъ... Ну, еще новыхъ привозныхъ колокольцевъ оглядывалъ. Такъ дьякъ-то прибѣжалъ съ бумагами.

— Ничего у меня въ памяти не было, — отвѣтилъ Левъ.

— Полно, тезка!.. Или что жъ я вправду? Въ самомъ дѣлѣ, кажется, тебя тутъ не было. Право, вдругъ сверху сбѣжали къ Аеанасію Ивановичу съ бумагами, царя спрашивали. Молъ, радостныя вѣсти пришли, а государь именно про нихъ велѣлъ, коли придутъ, доложить ему тотчасъ.

— Шутить?—сказалъ Левъ.

— Да не шутить,—возразилъ князь Львовъ,—а вотъ еще какъ: ну, право изъ Тарханска! Самъ Аеанасій Ивановичъ говорилъ тутъ: молъ, долгое время казачья смута длилась, государь опечаленъ былъ; а вотъ, молъ, и за Самарой теперь воровъ разбили! Сюда къ намъ и думный дякъ входилъ. Что-то весело тамъ потолковали у себя, да и пошелъ сейчасъ государь вверхъ съ бумагами.

Но и это не успокоило Лёву; онъ хорошему не вѣрить. Онъ больше вѣритъ страшнымъ разсказамъ, которые принесъ ему дальній странникъ прямо съ мѣста, прямо изъ Тарханска. Нищій второй день уже пришелъ въ Москву, остановился у нихъ во дворѣ по прежнему знакомству. Казаки при немъ взяли городъ.

Она жива, это онъ слышитъ. Что она жива, про это, пожалуй, сама душа вѣщаетъ ему. Но онъ всѣмъ сердцемъ слышитъ, какимъ-то постояннымъ душевнымъ нитьемъ угадываетъ, что они оба наканунѣ какихъ-то несповѣдимыхъ судеб. Что-то необычайное, что-то нечеловѣчески-страшное близится къ ней. Все время у него въ головѣ какіе-то неразгаданные сны и грезы предъ глазами.

Вотъ, вотъ она! Идетъ высоко и холодно кругомъ въ синевѣ. Она стоитъ, какъ рыцарь со знаменемъ, на верху башни. Вдругъ огонь, пожаръ. Рухнули обгорѣлыя стропила ихъ бѣлаго дома. Она восходитъ дальше и все выше. Ни заплакала, ни засмѣялась, а все о чемъ-то думаетъ; ни съ кѣмъ не говоритъ, а все шепчетъ. Потомъ они вмѣстѣ ѣдутъ по рѣкѣ въ одной лодкѣ; за ними и вокругъ нихъ плыветъ много казачьихъ лодокъ; а она кивнула головой, что никого не видитъ. И лодокъ въ самомъ дѣлѣ нѣтъ, а это околицинъ косымъ взглядомъ смотритъ изъ морекой глубины... Левъ, какъ околѣблѣнный, ужъ не можетъ больше грести. Вдругъ она взяла у него изъ рукъ весло и за-

гребла сама, и спасены оба. Но рѣка замерзла и вся въ бѣломъ снѣгу, лодкѣ некуда плыть... Она только теперь ему улыбнулась и говоритъ: развѣ ты не видишь, мы леденѣемъ? Обоихъ клонитъ ледяной сонъ...

Разсказывалъ ли Лёва вслухъ свои мудреные сны молодому другу, самъ ли бредилъ въ полуснѣ этими грезами, только то вѣрно, что его пріятель князь Львовъ давно уснулъ тутъ же, какъ былъ верхомъ на скамейкѣ, а голову положилъ на столъ, какъ на подушку.

Лёва прислушивается: кто-то идетъ.

Чу! въ ночной тишинѣ во мракѣ сѣннаго перехода изъ дворца къ нимъ сюда въ сокольничью онъ точно слышитъ чьи-то крадущіеся, осторожные шаги. Но, можетъ быть, и самые эти шаги только сонъ.

Спать по-прежнему по лѣстницамъ, какъ и часть тому назадъ, дворцовые ночные слуги; верхнія палаты закрыты стоятъ пусты; на верхней лѣсенкѣ, которая ведетъ въ царскую спальню, попрежнему двое спать на нижней ступени, двое въ серединѣ и двое на верхней ступени... Только на площадкѣ теперь какъ будто ужъ свѣтлѣть начинаетъ.

Въ комнатахъ у государя попрежнему нагораютъ свѣчи. Сонъ, тишина и тутъ. Черепаховые часы все громче стучатъ своимъ маятникомъ. Божій человѣкъ свой длинный разсказъ досказалъ. Теперь, только чтобы не взбудить уснувшего государя самымъ молчаніемъ, онъ еле-еле выговариваетъ себѣ подъ ностъ, достигиваетъ по складамъ послѣднія слова: ...«и соборъ сожгли. И святителю раку въ куски рубили. И самого святого, изъ золота быть выжить, къ себѣ въ полки увезли...» Старикъ тихонько поднялся во весь ростъ со своей напольной скамеечки и простеръ руки къ свѣчамъ.

Вдругъ малиновые чулки зашевелились.

— Вотъ разруха-то была, Кудиничъ!—неожиданно мохлилъ государь, привставъ съ подушекъ, и, пританувъ къ себѣ колѣнки, обхватилъ ихъ руками. Забѣлѣло молочное лицо, каштановая борода затемнѣла.

— Про что еще велишь рассказать, государь?—спросил Божий человек, сняв щипцами со свѣчек, и усеялся опять какъ ни въ чемъ не бывало.

— Царь Борисъ на Оку ходилъ,—проговорилъ царь, опять укладываясь на лавкѣ.—Давно ты мнѣ этого не рассказывалъ,—пробормоталъ онъ уже въ стѣну.

— Хм!—откашлинулся старикъ.—При убогомъ было Феодорѣ. Онъ, божеская душа, на кремлевской стѣнѣ восплакалъ... Бишь, нѣтъ. Про другое велишь, кормилецъ. Ужъ онъ это царемъ сталъ, Борисъ-то!.. На Калгу къ Окѣ выходилъ.

Онъ откашлинулся въ руку, помолчалъ малое время и зачалъ внятно и громогласно: «Есть тому отъ сего сорокъ лѣтъ».

Вдругъ царь разсмѣялся.

— Намъ съ тобой видно годовъ не прибываетъ!—сказалъ Алексѣй Михайловичъ, опять присаживаясь на лавкѣ.—Сколько тебѣ нынче лѣтъ, Кудиничъ? Еще я малый ребенокъ былъ, при покойномъ родителѣ, все ты мнѣ свой рассказъ съ этихъ сорока лѣтъ начиналъ.

— Ну, запомнать, не измысли, кормилецъ,—началъ старикъ, видимо не очень довольный такою перебивкой отъ государя.—Оно, если велишь, можно и сызнова счетъ начать, соколикъ.

Но по-старому ли, по-новому ли, царю, видимое дѣло, не того хотѣлось. Онъ вдругъ всталъ съ лавки на коверъ, и прямо, какъ былъ безъ сапогъ, подошелъ къ окну. Онъ отеторонилъ обѣ свѣчки на столѣ, отдернулъ пунцовую занавѣску и растворилъ окно.

— Ночь-то благодать!—повернулся онъ къ Кудиничу.—Гляди, и пѣтухи запойтъ скоро!

Повѣяло утреннею свѣжестью въ комнату. Кудиничъ всталъ и также смотрѣлъ въ окно.

— Вонъ ужъ гдѣ вечерняя зарница! На край сошла!—указывалъ старикъ пальцемъ на одну яркую звѣзду въ небѣ.—А вонъ и утренняя зарница встаетъ!—Онъ ука-

залъ на другую звѣзду.—Какъ она въ полдерева на небѣ встанетъ, тутъ, вѣстимо, и пѣтухи запойтъ, соколикъ.

Алексѣй Михайловичъ захлопнулъ окно.

— Ну, спасибо тебѣ, старина, на рассказахъ,—сказалъ онъ.—Поди-ка ты, Кудиничъ, да вотъ что: разбуди кто поближе изъ спальниковъ, да сейчасъ вели ему два дѣла. Постой: такъ ты ужъ лучше двоихъ разбуди. Первое дѣло, чтобы прислали мнѣ Еремку или все равно Степку стряпчего; что мнѣ нужно, я имъ самъ велю. А второе дѣло, чтобы духомъ ко мнѣ позвать Матюшкина.

— Ловчаго твоего, Аванасія Ивановича?

— Да, Кудиничъ!

И онъ самъ ему свѣтилъ свѣчою и отворялъ предъ нимъ двери.

— Не свѣти, государь. Ровно бѣлымъ днемъ иду,—обратился къ нему старикъ уже съ площадки.

Алексѣй Михайловичъ, оставшись одинъ въ комнатѣ, обратился на свой образъ въ углу, закрестился предъ нимъ и кланялся въ землю.

Чай уже былъ извѣстенъ тогда въ Россіи. Если еще онъ составлялъ при самомъ дворцѣ довольно цѣнный гостинецъ, то однако ужъ не былъ совершенною новостью. Лучшее его вкуса Алексѣю Михайловичу, казалось, нравилось самое вареніе этой китайской травки въ большомъ горячемъ мѣдномъ чайникѣ и разливаніе въ мелкія шаровидныя настоящія китайскія чашки. По крайней мѣрѣ государевы ближніе давно замѣтили за нимъ эту странность: онъ приказывалъ «духомъ заварить чайникъ» единственно въ такія минуты, когда у него на душѣ было совѣсть свѣтло. Если ему вдругъ приходила охота «накушаться чаю», всѣ окружающіе бывали этому чрезвычайно рады. И обыкновенно это приходило невзначай, какъ и теперь, въ самое неурочное время, когда бы всего меньше можно было ожидать этого. Не удивительно, что когда требуемые Степка и

Еремка выслушали государевъ приказъ «духомъ заварить чайникъ», то оба кинулись, какъ угорѣлые, куда надобно, чтобы привести въ исполненіе государеву волю.

Тогда-то и внизу раздался чьи-то осторожные шаги; сбѣжали и туда въ сокольничью передать государевъ приказъ: сейчасъ же послать къ нему Матюшкина.

Глава XXIX.

Матюшкинъ Леонасій Ивановичъ.

Не заставилъ себя долго ждать Леонасій Ивановичъ.

Разодѣтый, какъ подобаетъ быть одѣтымъ развѣ въ полдень, а не за полночь, если не въ пышномъ турскомъ кафтанѣ, однако жъ именно въ такомъ кафтанѣ и въ такой ферязи, что въ немъ нельзя бы не угадать ближняго государева вельможу, — ловчій, явное дѣло, успѣлъ уже со сна и умыться, и причесать свои волосы, и расправить свои прекрасные усы, и пригладить сановитую бороду. Сія драгоценными перстнями и свѣтлымъ веселымъ лицомъ, въ щегольскихъ сафьяныхъ желтыхъ сапогахъ, Матюшкинъ представлялъ теперь разительную противоположность съ самимъ государемъ, который все еще чуть не босикомъ стоялъ на своемъ мягкомъ коврѣ; его лицо казалось заспаннымъ; каштановые волосы были спутаны на голове; рубашка отстегнулась въ вороту, обнажая грудь.

— Радость моя! — крикнулъ Алексѣй Михайловичъ, на лету долилъ чашку изъ чайника, нацѣдилъ собственноручно и другую для любимаго боярина и бросился его обнимать и цѣловать прямо въ губы. — Ужъ и вижу, свѣтъ! самъ ты догадался, для чего я тебя рано кликнулъ. А-а, посмотри-ка Иванычъ!

Царь отдернулъ пунцовую занавѣску и сталъ указывать въ окно на чуть брезжащій разсвѣтъ.

— Что и говорить! — весело отмахнулъ рукою бояринъ. — Такое вѣдро стоитъ, думается, сто лѣтъ жди,

и такого не будетъ. Куда велишь собираться, государь?

И пухлыми, розовыми щеки боярина дрожали, и весь онъ былъ впопыхахъ, будто сейчасъ же былъ готовъ изъ комнаты скакнуть на коня, и въ поле.

— Только вотъ что, Аеанасій Ивановичъ! — Царь занесъ правую руку на затылокъ и поглаживалъ по волосамъ. — Ужъ ты самъ знаешь: съ разными тутъ порядками на Москвѣ и на Волгѣ-то... такъ я всю нынѣшнюю вѣсну и не поохотился съ вами. И я вотъ какъ скажу теперь: страсть моя пришла! То-есть и на Савино готовъ идти, и на Троицу; а наперво прямо въ Коломенское безъ откладу. Слышишь ли, этотъ разъ по душѣ хочу поохотиться. Да по нашему долговому нехожденію, боюсь, порядковъ какихъ не было бы... Всѣ ли у васъ сокола наготовѣ? всѣ ли у тебя сокольники въ сборѣ?

— Ну что пустого! развѣзно перебилъ Матюшкинъ. — Да не стыди меня, государь Алексѣй Михайловичъ! На что жъ я у тебя и царскій ловчій живу? твой хлѣбъ ѣмъ? Слава Богу, и обувь, и одѣтъ, сытъ и пьянъ твоею милостью. Вотъ какъ. — И онъ руку потянулъ къ царю. — Я за то хочу въ отвѣтъ быть; одно слово: по душѣ поохотимся.

— Бить по рукамъ, что ль? — спросилъ Алексѣй Михайловичъ и изловчился бить по рукамъ.

— По душѣ, — какъ изъ пушки выстрѣлилъ на всю комнату Аеанасій Ивановичъ.

И царь билъ по рукамъ.

За чаемъ Матюшкинъ не переставалъ пророчить небывалую охоту. Онъ помянулъ, что по словамъ разсильщиковъ, которыхъ онъ посылалъ для развѣдки мѣстъ, «въ нашихъ мѣстахъ за Язую въ Сокольниковѣхъ и подъ Угрюшею, въ Острову, и въ Измайловѣ, и въ Коломенскомъ утокъ несчисленно много». Онъ опять ссылался на небывалое ведро, помянулъ что-то о високостъ. Наконецъ, особенно напиралъ онъ теперь

на то обстоятельство, что давно ли де по всѣмъ мѣстамъ воры и разбойники чинили смуту, а вотъ теперь государевымъ счастьемъ вездѣ воровъ побили. Кругомъ, Божьею милостью, замиренье произошло.

— Да, — возразилъ государь, — въ ту пору пришли дурныя вѣсти изъ Тарханска, не чаялъ мятежамъ и конца видѣть.

Аеанасій Ивановичъ только наддалъ плечами въ знакъ согласія, какъ бы говоря: «ну, вотъ видишь ли?» и, какъ нектаръ, сосалъ чай съ блюдечка.

— Да хорошо на умъ вспало, — продолжалъ государь. — Дай воеводѣ пригрожу! Для страха. Анъ, гляди, Аеанасій Ивановичъ, коньчѣ моимъ гнѣвнымъ словомъ какъ повернуло!.. Не все милостью, а гдѣ и грозю! — прибавилъ онъ съ простодушнымъ глубокомысліемъ.

Аеанасій Ивановичъ вздохнулъ.

Алексѣй Михайловичъ сталъ Матюшкину хвалиться что въ тотъ разъ онъ ужъ очень хорошо написалъ свою опальную грамоту въ Тарханскъ.

— Чего на мысли у меня не было, — сказалъ онъ, — чтобъ его всего имѣнья лишить, а и то писалъ, и много всякаго пустого навралъ.

— А поди жъ ты, какъ повернуло! — поддакнулъ Матюшкинъ, прицѣпкнувъ леденцомъ.

Царь признался, что въ попрекъ воеводѣ онъ и о боярствѣ Засѣкина тогда помянулъ въ письмѣ; написалъ и о своей царской милости къ его сыну: «о чемъ у насъ, Аеанасій Ивановичъ, еще объ масленой про парня сдумано; о чемъ я старому князю Салманову вѣчеръ при тебѣ обѣщалъ».

Аеанасій Ивановичъ, не отрывая отъ своихъ губъ горячаго чая, только кивнулъ головою въ знакъ того, что онъ понимаетъ, о чемъ царь говорить.

За чаемъ переговаривали и обо всѣхъ соколахъ и кречетахъ поименно. У Алексѣя Михайловича чутъ чашка не выпала изъ рукъ, когда онъ услышалъ, что Гамаюнъ, его любимый соколъ, выздоровѣлъ.

— Выздоровѣлъ, — воскликнулъ онъ. — Да я и не слыхалъ, что онъ боленъ былъ!!

— Ну! будемъ здоровы! — поблагодарилъ Аеанасій Ивановичъ за чай-сахаръ, вставая съ лавки и опрокинувъ чашку на блюдечко.

— Бѣги, бѣги скорѣй, Аеанасій Ивановичъ! — сказалъ царь.

По лѣстницамъ и коридорамъ ужъ теперь вездѣ замѣчалось движеніе. Хотя совершенно тихо и украдкой, но бѣгали по всѣмъ угламъ. Воздѣ сокольниковъ избы ужъ теперь толкалась цѣлая толпа народа. Матюшкинъ, только что услышавъ, что государь кличетъ его къ себѣ, ужъ тогда же разослалъ верховныхъ и пѣшихъ во всѣ стороны: и на ловчій дворъ и въ Кречетники. Осмотрѣвъ, какъ исполнены его приказанія и отдавъ новыя, онъ весело возвращался въ государствену спаленку. Наверху на лѣстницѣ кто-то его чуть съ ногъ не сшибъ въ потемкахъ, стукнувшись прямо лбомъ въ его пухлое лицо.

— Чортъ васъ носитъ! — кликнулъ бояринъ, схватившись за ность. — Все бѣ вамъ только снова по пустягамъ, лѣшіе.

— Меня государь къ себѣ кликалъ! — раздался въ полутьмѣ важный голосъ Лѣвы, и бояринъ вдругъ прикусилъ языкъ, что называется.

Не безъ того, чтобы не помусить слегка своего сына на носу, Аеанасій Ивановичъ еще веселѣе, чѣмъ былъ вначалѣ, вошелъ въ государствену спаленку.

— Ну вотъ, — сказалъ онъ, — и весь народъ у меня въ сборѣ. Самъ что жъ не собираешься, государь?

Но государь уже почесывалъ затылокъ.

— Да что, Аеанасій Ивановичъ. Я, знаешь, думаю, ужъ полно, ѣхать ли, а? — спросилъ онъ какъ-то нерѣшительно.

Матюшкинъ очень хорошо зналъ, что царь готовъ всякій разъ говорить такимъ образомъ, лишь бы выехать съ его стороны новыя горячія увѣренія. Но на

этотъ разъ было еще что-то и неподдѣльное въ раздумьи царя.

— Право, — повторилъ Алексѣй Михайловичъ. — Кто ихъ знаетъ тамъ? Такая у меня примѣта...

— Да скажи на милость, государь? — завопилъ Аеанасій Ивановичъ уже совсѣмъ жалобно. — Пошелъ я отъ тебя, ты былъ веселъ; хвалился, по душѣ хочешь поохотиться. Только я тебя оставилъ на малое время, и вотъ переимѣна?

— Нѣтъ, да ты знаешь, Аеанасій Ивановичъ... Такъ это... знаешь ли? — И царь опять водилъ по волосамъ на затылкѣ. — Такая у меня охотничья примѣта, Аеанасій Ивановичъ. Ты, Аеанасій Ивановичъ, лѣстницей шелъ, никого не встрѣтилъ?

— Никакъ у тебя кто изъ ребятъ былъ! — отвѣтилъ Матюшкинъ и ухватился за синякъ. — Въ потемкахъ не разобралъ, право.

— То-то, я безъ тебя тутъ Лѣву призывалъ, — началъ Алексѣй Михайловичъ. — Еще обвеселить малаго хотѣлъ. Право. И таково-то, ей Богу, ласково ему говорилъ. И обо всѣхъ ребяткахъ спрашиваю его: ну, что, какъ они? рады ли мое царское величество тѣшить? Какъ онъ слышалъ: что говорить между собою? рады ли нынче въ поле выѣзжать?..

Матюшкинъ кусалъ губы, не находя словъ; метался будто готовъ былъ разорвать Лѣву.

— А онъ это, — продолжалъ государь, — да нѣтъ, Аеанасій Ивановичъ, это я тебѣ не жалуясь говорю, а слышишь по-охотничьи открываюсь... Опять оно, можетъ быть, еще и не вправду, а только мнѣ это такъ съ сердцевъ показалось... Такъ будто гляжу на него, а онъ это на меня дурнымъ глазомъ смотритъ.

— Вотъ я его сейчасъ! — повернулся Матюшкинъ, даже государь удержалъ его за полу.

— Постой, Аеанасій Ивановичъ! — топнулъ на него царь ногою. — Ты мнѣ все дѣло испортишь.

Аеанасій Ивановичъ остановился уже въ самыхъ

дверяхъ, а царь сѣлъ на лавочку, какъ будто еще тѣмъ сказать хотѣлъ: вотъ возьму да и не поѣду! Аеанасій Ивановичъ безмолвствовалъ.

— Нѣтъ, да ты постой, Аеанасій Ивановичъ,—тихо заговорилъ царь.—Ну, чего кинулся? Страху тамъ на нихъ наведешь теперь, на ребятку; лучше мнѣ будетъ тогда вовсе не вѣхать съ вами. А ты вотъ что, Аеанасій Ивановичъ. Ты не все грозой, а гдѣ и милостію. Ты имъ, Аеанасій Ивановичъ, пойди не страху задай; а ты имъ пойди веселости придай, ребяткамъ. Вотъ какъ! Ты, Аеанасій Ивановичъ, вотъ что. О чемъ мы давеча съ тобой толковали про Лёву за чаемъ (потому она моя такая непремѣнная есть воля. Я ужъ и ся родителямъ моимъ царскимъ словомъ общахъ...), такъ ты ему это самое предъ охотой скажи. Да не прямо скажи, а такъ, будто ненарокомъ. И не отъ меня пока скажи...

— Ужъ будь покоенъ, государь!—отмахнулся Матюшкинъ обѣими руками и поспѣшно кинулся въ дверь.

— Постой, постой, Аеанасій Ивановичъ!—остановилъ его царь въ дверяхъ.—Ты мнѣ вели моихъ чалыхъ запретъ въ мою *охотничью* тройкой; да чтобы малымъ обычаемъ, безъ пуму... Къ заднему крылечку подавать.

Аеанасій Ивановичъ бѣжалъ съ лѣстницы, только махалъ руками. Царь что-то еще клякнулъ ему вдогонку и, хлопнувъ дверью за собой, опять вошелъ въ спальню.

Онъ потушилъ свѣчки; отдернулъ пунцовую занавѣску; раскрылъ стекольчатые рамы и сталъ глядѣть въ окно.

Царь вѣхѣлъ Матюшкину: «Скажи не дѣйствительно, будто ненарокомъ! Пойди возвесели ребятку!»

Но Аеанасій Ивановичъ зналъ, какъ сказать.

Онъ бурей слетѣлъ внизъ къ себѣ въ сокольничью избу. Множество сокольниковъ въ своихъ нарядныхъ кафтаныхъ, помоложе и постарше, шумѣли тутъ и

возились, гонялись другъ за другомъ, пробовали силу. При его появленіи мгновенно воцарились мертвая тишина.

— Чтобъ васъ всѣхъ полопало, драть васъ всѣхъ-то!—началъ бояринъ.—Да если кто изъ васъ, лѣшіе, у меня нынче на охотѣ не веселѣ, не проворенъ будетъ, и я—знать бы вамъ это напередъ—я изъ-за одного всѣхъ отодрать велю. Слышите, что ль?

— Слышимъ, Аеанасій Ивановичъ!—раздались отдѣльные голоса.

— Чего не дружно кричите!—крикнулъ, наступая на нихъ, бояринъ.—Рады, что ль, будете для государя стараться?

— Рады, Аеанасій Ивановичъ!—бравымъ хоромъ прогремѣло по всей избѣ.

— Лѣвка! За мной иди,—кликнулъ тогда Аеанасій Ивановичъ, сердито взглянувъ на молодого Засѣкина, и удалился въ дальніе покои.

Они прошли большую избу, гдѣ обыкновенно имъ дѣлались смотры. гдѣ повички самимъ государемъ поставлялись въ чины и гдѣ вообще раздавались милости и награды; прошли за ней и другую избу, гдѣ хранились всѣ текущіе счета и дѣла ихъ сокольничьей избы. За нею былъ служебный покой начальника ловчаго, самого Аеанасія Ивановича, отведенный ему для служебныхъ занятій.

Тутъ уже красовались дорогіе ковры; полавочники и наконники были малиноваго бархата. Длинный столъ былъ накрытъ не зеленымъ сукномъ, а драгоценною, изъ дворца, шелковою скатертью съ золотымъ шитьемъ и съ золотою бахромой до полу. Здѣшнія иконы сіяли жемчугомъ; отъ нихъ вѣяло кадильнымъ дымомъ. Въ углу подъ чашломъ тутъ стоялъ тронъ не тронъ, а именно государево большое кресло. Когда Алексѣй Михайловичъ вступалъ еще только въ переднюю сокольничьей избы, въ тотъ же мигъ давалось будто по сигналу знать объ этомъ сюда. Тогда

Матюшкинъ Аѳанасій Ивановичъ самъ своими боярскими руками скорѣй снималъ чахолъ съ царскаго кресла и придвигалъ его ближе къ столу. Занимаясь своими любимыми дѣлами въ сокольничьей избѣ, царь Алексѣй Михайловичъ подолгу засиживался тутъ, на этомъ самомъ креслѣ. Точно такое же, только въ меньшемъ видѣ, поставилъ бояринъ здѣсь и для себя; оно, напротивъ того, было бѣдно и никогда не отодвигалось отъ стола.

Аѳанасій Ивановичъ теперь съ важностью возсѣлъ на это кресло; а Левъ, по другой край стола, сталъ предъ своимъ начальникомъ «со всею вѣжливостью и со всѣмъ учтивствомъ».

— Ты что у меня, Лѣвка, еще того...—началъ бояринъ и замыкалъ губами.—Вотъ какъ! На свою дружбу съ твоимъ родителемъ, съ бояриномъ Григоріемъ Романовичемъ, не посматриваю; а тебя, какъ пріѣдемъ въ Коломенское, первого отодрать велю. Слышишь ли?

Левъ промолчалъ, оправился съ ноги на ногу.

— Чего стоишь хмуришься? Гляди мнѣ прямо въ лицо!—кликнулъ бояринъ.—А ты вотъ что лучше, Лѣвка. Ты меня до того не доводи, Лѣвушка. Вотъ что. Если вы всѣ нынче государя потѣшите, все у насъ въ порядкѣ сойдетъ, и ты, Лѣва, первый подумай о томъ; ну, всего, чего хочешь, того и проси. Слышишь ли? Все будетъ по-твоему, вотъ какъ!—Бояринъ вдругъ вскочилъ съ кресла, поднялся на цыпочки и сталъ обѣими руками указывать въ самый потолокъ на верхніе поком.—Въ такомъ стику всталъ. Въ такомъ добромъ стику всталъ! На что ужъ лучше, кажется. А коля такой добрый стихъ вдругъ на государя напалъ, намъ всѣмъ о томъ Бога благодарить надобно. Слышишь ли? Не разстраивать, а еще паче того своимъ радѣніемъ и своимъ учтивствомъ государя веселить. Понялъ, что ль?

Матюшкинъ даже потрепалъ его по плечу и по стану, чмокнувъ въ щеку.

— Благодарю, Аѳанасій Ивановичъ, на всей твоей ласкѣ,—молвилъ Левъ.

— Ну, такъ вотъ что, ужъ знай же ты!—заговорилъ вдругъ Матюшкинъ съ какою-то важною озабоченностью въ лицѣ. Обѣ свои руки, по всѣмъ пальцамъ въ драгоценныхъ перстняхъ, онъ дружескимъ обычаемъ положилъ Лѣвѣ прямо на плечи.—Ужъ заразы, видно, договорить. Миловать, такъ миловать, самъ знаешь пословицу. И не отъ себя это я, а отъ самого его царскаго величества говорю.—Бояринъ съ важностью надавалъ своими плечами, видимо копируя Алексѣя Михайловича.—Именемъ самого государя тебѣ говорю: хочеть онъ тебя, парень, такую милостью пожаловать, чего у тебя и на разумѣ нѣтъ. Слышишь ли, Лѣва? Первая на Москвѣ невѣста и красавица, и по отцу съ матерью богачка, а того больше богата царскою милостью, какъ онъ самъ хочеть ее жаловать и сватать, тебѣ сама княжна Саманова отъ государя въ невѣсты дана. Слышишь? Онъ самъ за тебя ее соваталъ и своимъ такимъ царскимъ словомъ при мнѣ ея родителямъ общалъ. Кланяйся-благодари!

И Матюшкинъ чуть съ ногъ не спибъ Лѣву, ухватилъ его за голову и заставилъ чуть не въ землю поклониться предъ собой, какъ предъ самимъ государемъ.

И въ то время какъ Лѣвъ, отдавая себѣ отчетъ въ слышанныхъ словахъ, стоялъ еще какъ вкопанный, Матюшкинъ повелъ своими плечами и широкою грудью какъ-то кверху, какъ онъ умѣлъ это, бояринъ, дѣлать по-своему; потомъ обѣими руками развелъ по воздуху такъ широко, что чуть не задѣлъ на столѣ высокой хрустальной чернильницы съ перьями, и перстни его блеснули молніями, и, весь нагнувшись, добавилъ какою-то важною разстановкой:

— Ужъ это, парень, такая тебѣ отъ царя милость, ей въ твои лѣта выше-то и нѣтъ. Ну, ступай къ своимъ теперь! Да чтобы, всѣмъ скажи, у меня молодцами быть!

Въ то время какъ описанное происходило втайнѣ для всѣхъ во внутреннемъ покоѣ сокольниковъ, снарядивъ ея, почти у самой подошвы государева дворца, шла уже во всемъ развалѣ тихая, никому въ цѣломъ городѣ неслышимая суматоха. Верховые сновали во всѣ стороны, разсылаемые и на ховчій дворъ, и во всѣ мѣста для сбора охоты. Уже тянулись и выѣзжали впередъ необходимые запасы и для птицы, и для коней, и для людей царской соколиной охоты. Конюхи, будто простые съ улицы набранные мужики, которыхъ вся и служба на охотѣ смотрѣть въ ночномъ за слутанными лошадьми,—конюхи спѣшили впередъ; за ними выходила уже въ походѣ и вся рядовая, черновая прислуга. Нѣсколько богатыхъ коней подъ нарядными чепраками провели подъ устцы за воротами. Между молодежью видѣлись тутъ и сановитые, тучные товарищи начального ловчаго. Но все тихо, чинно кругомъ. Шумнаго говора отнюдь не было.

А сверху, изъ своей спаленки, царь, никѣмъ не видимъ, все еще продолжалъ глядѣть въ растворенное окно.

Легкій туманъ вставалъ отъ Москвы-рѣки. Небо и земля занимались тихою утреннею зорькой. Царь перекрестился на соборы. Расписныя ихъ врата живописными золотыми разводами выступали на свѣтъ. Золотые кресты и куполы на утреннемъ туманѣ выступали безъ блеску, сіяя матовымъ сіяньемъ. Изъ царскаго сада пахло сѣномъ, а сѣна у Алексѣя Михайловича въ одномъ его здѣшнемъ дворцовомъ саду накашивалось больше пяти тысячъ пудовъ. Оттуда (въ клѣткѣ, въ садкѣ ли они тамъ сидѣли у царя, залетный ли откуда прилетѣлъ со стороны) вавакаль-кричалъ перепелъ. На Неглинной шумомъ шумѣла, молаха мельница. Государь поглядѣлъ вдаль, на Замоскворѣчье. Нигдѣ изъ трубъ еще не было видно печного дыму. Сами галки и вороны еще нигдѣ по всему городу не просыпались. Ни по чешуйчатымъ,

ни по гонтовымъ, ни по тесовымъ кровлямъ какъ птицъ, такъ и вьющихся дымковъ нигдѣ не видать. Ранняя людская хлѣбная стряпня еще нигдѣ не начиналась. Ворота въ цѣломъ городѣ по всѣмъ домамъ стоятъ еще заперты; окна всездъ закрыты ставнями. И вотъ на Воздвиженкѣ у дякона первый пѣтухъ закричалъ. Стали тогда и царскіе пѣтухи перекликаться. Зачали пѣтухи по всей Москвѣ кричать.

Царь изъ своего окна поглядѣлъ прямо внизъ годовую. Тамъ у него во дворѣ тихая, никому въ цѣломъ городѣ неслышимая суетня. Снуютъ молодые отроки, проходятъ пожилые дворяне въ высокихъ лѣсныхъ шапкахъ. Сбоку конюхи гуськомъ ведутъ подъ устцы богатыхъ рослыхъ коней подъ дорогими турецкими сѣдлами; конницы и пѣшихъ все прибываетъ поодаль за дворомъ. Близъ сокольниковъ безпорядокъ: въ утреннихъ сумеркахъ все больше собирается народа, всездъ толпятся охотники. Сейчас начнутъ въ ряды становиться; будутъ строняться между собой, какъ надо по уставу. Пора государю одѣваться.

И какъ того хотѣлось страстному охотнику, такъ и случилось: на улицахъ ни единой души не встрѣтилось имъ. Въ утреннемъ легкомъ туманѣ съ Москвы-рѣки при брѣжѣ, едва-едва брезжушемъ, такъ что и самый востокъ еще ни единымъ краснымъ лучомъ не отличался, двигался въ величавой тишинѣ длинный, нарядный, торжественный поѣздъ соколиной охоты. Молодцы царскіе сокольники весело идутъ на коняхъ шибкимъ шагомъ; кони будто въ мѣрный ладъ съ ноги на ногу переступаютъ; когда только Матюшкинъ успѣлъ столько народа съ разныхъ сторонъ собрать! Сокола и кречета на рукахъ у всадниковъ прямо молодцами сидятъ и въ сумракѣ будто ужъ воззрились въ дальнюю добычу: наострили макушки своихъ хищныхъ головъ. Впереди всѣхъ на персидскомъ аргамакѣ скакалъ съ веселымъ лицомъ бояринъ Асана-

сий Ивановичъ; и, прощаясь съ Москвой, оборачиваясь и крестился на соборы. За нимъ ѣхали ловчіе, младшіе его чиноу, Хомяковъ и другіе; потомъ начальные сокольники. Въ царскихъ сокольникахъ скакалъ и молодой князь Львовъ; возлѣ него шель на своемъ сѣромъ конѣ молодой Засѣкинъ, не то въ рындахъ, а не то ужъ и въ сокольникахъ, заодно со всѣми. Всѣ царскіе какъ на подборъ! Одинъ другого красивѣй, одинъ другого молодцеватѣй, одинъ другого кудравѣй! Въ заднихъ въ послѣднихъ рядахъ тянуть ихъ поддати и кое-кто отставшіе изъ черновой прислуги, которая выѣхала задолго передъ ними и ужъ, пожалуй, теперь будетъ за заставой.

А тѣмъ временемъ и самъ государь приодѣлся. Спусти много ли, мало ли времени тихо, безъ шума, «малымъ обычаемъ», отѣхалъ и онъ со своего задняго крылечка.

Глава XXX.

На охотѣ.

«Въ поле, въ свѣжее поле! За городъ!» вотъ куда тянуло охотниковъ.

Воды для спуска соколовъ, разумѣется, были давно высмотрѣны. Всякій напередъ зналъ, на какой именно лужѣ или болотинѣ и что они сгоняютъ. Знали даже и то, у какой тогда осоки или на какой песчаной отмели стоя, изволить государь подвинуться къ водѣ еще ближе, чтобъ ему видѣть было гораздо, какъ Богъ дастъ соколъ убьетъ ути. Впрочемъ, нынѣшняя охота была не изъ парадныхъ, не для одной церемоніи, какъ это часто случалось, а настоящая охотничья охота! Титулованные сокольники нынѣшній день могли сдать свои права и обязанности рядовымъ изъ челяди, которые славились своимъ искусствомъ. Чинамъ особенной важности нынѣшній разъ не придавали. Такая-то именно охота и шла всегда живѣе; ее больше любили сами сокольники. Они выѣзжали на тѣ ближнія мѣста по дорогѣ въ Коломенское, которыя каждый изъ сокольниковъ зналъ наизусть.

Правда, тогдашняя старинная Москва была и сама за большую деревню; но лѣтомъ въ знойные дни и тогда вонь изъ города манило охотника. Туда, гдѣ лѣсомъ пахнетъ, гдѣ отъ воды прохладно, гдѣ трава и густая и росистая, а пыли нѣтъ! Туда, гдѣ зеленая листва, липовая, дубовая, березовая сплелась надъ головой въ защитные шатры отъ солнца; гдѣ чистое луговое болото охотника даже въ знойный

полдень съ ногъ до головы обдасть легкимъ воздухомъ! Въ деревню, наконецъ, гдѣ вся огорожа изъ плетня плетена, бревенчатая стѣна смолой пахнетъ, а камня на камнѣ вовсе нѣтъ.

Но не веселить душу охотника, не веселить теперь Лёву и росистое утро, подемъ да луговымъ просторомъ открывшееся передъ ними вдали.

Но царь не даромъ передъ самою охотою корнѣ Аеанасію Ивановичу Лёвинъ дурной глазъ. Онъ и самъ чувствуетъ теперь: испортитъ онъ, пожалуй, всю царскую охоту!

Въ заднихъ рядахъ вдругъ прошепъ громкій крикъ; онъ сейчасъ же откликнулся ближе и въ самой срединѣ и вотъ уже прогремѣло въ переднихъ рядахъ надъ самыми Лёвиними ушами. Это раздалось будто отъ пѣлаго полка громкое здравствование государю.

Царь Алексѣй Михайловичъ на тройкѣ своихъ чалыхъ, въ простой своей телѣжкѣ, своихъ сокольниковъ нагналъ и обогналъ и уже впереди ихъ быстро мчался къ самому мѣсту охоты.

Теперь и Аеанасій Ивановичъ велитъ имъ всѣмъ «скорѣй по зорькѣ поспѣшать». Осталось не очень много пути; сокола не очень растрясуетъ на рысяхъ. Кони у сокольниковъ пошли легкой исторонью. Толпа молодыхъ всадниковъ съ кречетами и соколами на правой приподнятой рукѣ шумѣтъ и веселѣтъ пошла впереди. Позади за ними идутъ сокольники и кречетники порожніе, всѣ равняются по два въ рядъ, а гдѣ и стоятся. Навстрѣчу утренней зарѣ по росѣ все ближе и ближе поспѣваютъ къ Коломенскому.

Въ толпѣ веселыхъ кудрявыхъ головъ одному Лёвъ все тошнѣй, все тяжелѣй скакалось. Онъ въ мысляхъ путается теперь. Аеанасій Ивановичъ тѣмъ царскимъ словомъ тогда въ сокольниковъ избѣ сразилъ его, какъ громомъ. Съ той минуты и до сихъ поръ онъ ни съ однимъ изъ товарищей не перемолвился ни единымъ словомъ. Все дѣлалъ, какъ велѣно, и въ ряды

становился, и скакать безпамятно. Къ тому же нонче... Нѣтъ, это было вчера; но такъ какъ онъ провелъ всю ночь безъ сна, въ разговорахъ съ княземъ Львовымъ, то ему и кажется, что нонче... Вчера отъ нищаго изъ Тарханска онъ услышалъ страшныя вѣсти.

— Не отставай, не отставай, Лёвка!—крикнулъ съ коня, обернувшись на него, Аеанасій Ивановичъ, и лухляя щеки боярина тряслись и дрожали.

Онъ уже выравнивалъ свой полчокъ. Царская телѣжка за околиней ближняго села видѣлась у перваго крымчика. И какъ эта крайняя нарядная изба съ точенымъ перилчатымъ крымчкомъ, такъ и пѣлый порядокъ избъ, вся деревня въ утреннемъ туманѣ, отрывочнымъ, неяснымъ сномъ безъ слѣда промелькнули для нихъ.

Блѣдный, разстроенный, съ сонною больною головой, Лёвъ все больше чувствуетъ, что онъ непременно спутается предъ государемъ. Лучше бы ему было отпроситься за болѣзнью и не выѣзжать на эту охоту.

Какъ всю дорогу не замѣчалъ онъ ни зари, ни росистаго луга, ни всей зеленой свѣжей загородной прохлады, которою вѣяло вокругъ него, такъ и теперь самага солнечнаго восхода онъ не замѣчалъ. Не замѣчалъ даже того, что они давно прѣехали на свое мѣсто и давно началась охота. Царь сидѣлъ уже теперь верхомъ на бѣлой лошади, и его пышное сѣдло безъ преувеличенія горѣло всѣми сокровищами Востока. Лёвъ по своей обязанности въ государевыхъ рындахъ уже не одинъ разъ побывалъ на глазахъ у государя; Алексѣй Михайловичъ передавалъ ему свой носовой платокъ возить и опять брать къ себѣ; дватри раза государь уже посылалъ его въ дальній конецъ передать приказанія, и онъ въ точности исполнилъ всѣ царскія порученія, ни въ чемъ не сбился и, словомъ сказать, ни самъ государь, ни даже Матюшкинъ Аеанасій Ивановичъ до сихъ поръ ему ни словомъ, ни взглядомъ ничего худого не сказали.

И уже сѣрыя утки направо и налѣво пошли вокругъ нихъ мелькать во все стороны. Въ болотѣ прокричали кулики. Стаячка турухтановъ взвилась въ синемъ воздухѣ и запропала изъ глазъ. Царь полюбовался своимъ соколомъ «Алмазомъ», какъ онъ на смерть билъ длинноногую, бѣлогрудую цаплю, и эта воздушная борьба не одинъ мигъ длилась въ синемъ небѣ. Длинноногая три раза запрокидывалась на воздухъ грудью вверхъ и длиннымъ клювомъ и неуклюже вытянутыми ногами будто съ презрѣніемъ отпихивала надъ собою царскаго сокола прочь отъ себя. Но потомъ, какъ опять блеснетъ на солнцѣ своею бѣлизной, соколы «Алмазъ» падалъ на нее изъ небесей и послѣ двѣнадцатой ставки донялъ ее въ конецъ.

Самъ Лѣва залюбовался, какъ она, бѣлогрудая цапля, съ распростертыми крыльями и съ повислою шеей на широкихъ кругахъ внизу винтомъ шла.

А царю соколиный полетъ и бой красивы, а не дичина.

Алексѣй Михайловичъ подозвалъ сокольника Филиппку и взялъ отъ него своего любимого сокола «Гамаюна». Онъ самъ мало держалъ его на своей рукѣ, полюбовался и собственноручно передалъ его Лѣвѣ, велѣлъ держать близъ себя до новаго приказа. Левъ принялъ птицу «со всею учтивостію».

— Ничего, — сказала государь съ добродушною усмѣшкой, — даромъ что все больше въ рындахъ было, а насмотрѣлся нашихъ охотничьихъ обычаевъ.

Чирята у Лѣвы надъ ухомъ прозвенѣли крыломъ; въ своемъ рѣзвомъ полетѣ они пронесли въ двухъ шагахъ надъ его головой, даже соколъ присѣлъ на рукавицѣ. Самъ Лѣва тогда обратился къ царю съ находчивымъ словомъ.

— Кабы ястребъ у меня, государь, а не соколъ, — сказалъ Левъ, — такъ бы онъ и пошелъ пулей въ угонъ за отставшимъ чиренкомъ!

И такое Лѣвино слово больно полюбілось Алексѣю Михайловичу.

— Прекрасное твое разсужденіе, — молвилъ царь. — Правда, всякую птицу ястребъ въ угонъ, а соколъ всегда сверху бьетъ.

Чибиса вились надъ болотомъ. Они опрокидывались внизъ и съ жалобнымъ материнскимъ пискомъ кружили по всему болоту. Охота съ одной воды переѣзжала на другую; которые изъ сокольниковъ были помоложе, очень охотились на чибисовъ своихъ соколовъ напустить. Государь уже фхалъ верхомъ со всеми.

— Прямо на дугъ, Аеанасій Ивановичъ! — сказалъ онъ Матюшкину, тихо повернувшись къ нему голову, когда бояринъ, поравнявшись съ нимъ, держался назади всего въ полъ-лошади.

— Мѣсто привольное, большое, государь, — отвѣтилъ бояринъ, переѣхавшись весь впередъ на сѣдлѣ. — Его до самого полудня хватить.

— А въ жаръ оттуда и ко дворамъ въ Коломенское пора, — тихо молвилъ государь.

И стали подвигаться ровнымъ шагомъ къ дугу. Дорогой еще нѣсколько разъ государь указывалъ откидать соколовъ на случайно взлетающую дичь. Протѣжали мимо длиннаго, свѣтлаго озера, берегъ котораго былъ весь въ камышахъ. Лѣвинъ соколъ, стало быть онъ разсѣянъ былъ, слетѣлъ съ руки и взмылъ высоко. Хорошо такъ случилось: соколъ, Лѣва видитъ, сейчасъ же сталъ въ лету.

— Не прикажешь ли гнать, государь? — съ горячностью обратился къ Алексѣю Михайловичу самъ Аеанасій Ивановичъ и указывалъ, какъ царскій любимецъ «Гамаюнъ» замеръ въ воздухѣ и повисъ на одной точкѣ. — Сталъ въ лету и ждетъ у бою, — за долгъ почелъ Аеанасій Ивановичъ вернуть охотничій терминъ.

И Алексѣй Михайловичъ велѣлъ гнать.

Только что ударили по камышамъ, изъ травы взвилась столбомъ рѣзвая палльная крыжа. И не дать ей «Гамаюнъ» повернуться, ушибъ до смерти. Покуда она шла книзу, онъ опять ударился и вкопался въ

нее, и полудугою вниз тяжёлая утка понесла «Гамаяна» на его рывомъ полётъ. Когда Левъ, соскочивъ съ коня, подбѣжалъ къ «Гамаяну» и сталъ возить сокола съ уткой обминать густую траву почти у самаго государева стремени, обвеселился Алексѣй Михайловичъ, не вѣля въ Левѣ живое отымать, «а чтобъ сокола потѣшить, дать загрызть».

И тихо опять впереди всѣхъ шагомъ на бѣломъ конѣ ѣдетъ государь. Вся его красная охота «со всѣмъ вѣжествомъ» слѣдуетъ за нимъ. Имъ на глаза все краше и краше радостное утро встаетъ; луговымъ просторомъ и ширью полей будто само идетъ къ нимъ навстрѣчу. Охотникамъ ли своимъ, утреннему ли полю радуется государь, на его лицѣ улыбка. Солнце стоитъ въ небѣ всего въ полдерева, на его лучахъ по утренней росѣ даже приятно. Само утреннее солнце въ ясномъ небѣ, какъ юность, какъ жизнь, приятно. Юность и утро одно. Левъ ѣдетъ неподалеку отъ царя. Соколъ на его нарядной рукавицѣ статнымъ молодцомъ сидитъ. Не даромъ хорошия глаза и у людей соколиными зовутъ. Протѣкаютъ душистыми заливыми лугами. Во всѣ стороны травы и голубыми, и алыми, и синими, и какіе только у Бога есть цвѣта, всякими цвѣтами въ мірѣ цвѣтутъ. Левъ бѣлый цвѣтокъ всѣхъ замѣтней.

И колокольчиками, и кудрями, и мохнушками, крестикомъ, звѣздочкой, трубочкой, на всѣ премудрые образы въ полѣ травы цвѣтутъ. Левъ былъ съ дѣтства всѣхъ милѣй колокольчикъ. Иныя травы высоко разметались листомъ, другія бѣгутъ вверхъ тонкою соломинкой, инныя путами расплзлись по землѣ. Цвѣтутъ луга все веселѣе, много бѣлыхъ цвѣтовъ пошло, голубые колокольчики то и дѣло попадались на глаза. Чѣмъ онѣ веселѣе цвѣтутъ, думаетъ Левъ, тѣмъ луга душистѣй!

Москва рѣка на ихъ глазахъ извивъ дала. Вода себромъ вдали заблестѣла. Навстрѣчу бѣлымъ чайки

летятъ. Пролетитъ одна—и пропадаетъ; пролетитъ другая—и пропадаетъ. Предъ ними открылась долина версты на полторы въ ширину, а вдаль и не доглядѣшься. Пока сверху можно было оглянуть ея частые повороты и кривыя извилины, ея сплошные прудки и озера. Рѣчка вьется среди болота, травнистая, илистая, вязкое дно. Она течетъ то узенькою жилкой, то вдругъ цѣлый прудокъ даетъ въ кривулинѣ. И много пошло бычажковъ, обросшихъ камышами. Много множество и прудковъ, и тихихъ заводей по долині. Мелкая ивка растетъ, смотрится въ водѣ верба. Вотъ ужъ и зеленая шмара проступаетъ по водѣ. Во многихъ мѣстахъ, по илистой рѣкѣ, отъ одного берега до другого сплошную зеленью шмара проступаетъ. А гдѣ въ другомъ мѣстѣ вода отъ берега до берега блеститъ чистымъ зеркаломъ и ничуть не мутна въ рѣкѣ; напротивъ, все ея илистое дно съ тамошнимъ подводнымъ растеніемъ такъ на глаза и выступаетъ. Привольно птицъ здѣсь въ камышахъ. На поверхности водъ плаваетъ листатая кувшинка и «большой цвѣтъ» со своимъ дрекольчатымъ листомъ, и спаржа морская съ мелкими розоватыми цвѣтками на стеблѣ, который изъ воды вышелъ наверхъ, а зеленый ея листъ прильнулъ къ водѣ и никогда не отлипаетъ.

Вдругъ Левъ вздрогнулъ. Онъ только теперь вышелъ изъ забытья.

— Летитъ, сшибъ, сшибъ!!—грянулъ цѣлый взрывъ криковъ по долині. Во всѣ стороны скакали соколы-ники. Занималась великая суматоха. Охотники, еще путемъ не уставившись и не оглядѣвшись на новомъ мѣстѣ, очевидно, подняли невзначай какую-то рѣдкую и драгоценную дичину. На первыхъ же порахъ имъ предстояло теперь или сразу непростительно оплошать на всю охоту или, напротивъ, съ перваго же разу сдѣлать тутъ богатое весь день искупающее поле. Это (невѣсть откуда вылетѣлъ) вдругъ взялся надъ самою

охотой огромный черный аистъ: за Волгой часто попадающаяся птица, однако жъ и тамъ она бѣлыхъ аистовъ рѣже, а здѣсь подлѣ Москвой выдаютъ ее изъ годовъ въ годы, и то развѣ по одному въ цѣлое лѣто.

Аистъ грузно, медленно, и какъ-то неуклюже подбравъ шею, забиралъ вверхъ широкими кругами, становясь съ каждымъ кругомъ не выше какъ на полсажени. Все его черное перо, его красный какъ киноваръ клювъ, зеленовато-сѣрый какъ у цапли лапы,—такъ еще былъ онъ низко,—все это можно было простыми глазами разглядѣть на дичинѣ. Царь, приставивъ руку зонтикомъ надъ глазами, глядѣлъ вверхъ и, никого и ничего не видя, кромѣ аиста, самъ кричалъ за четверыхъ: «Пускай, пускай! Откидай соколовъ!» За нимъ то же самое, разумеется еще громче, кричалъ, стоналъ Аѳанасій Ивановичъ. Если не то же самое, такъ ужъ Богъ вѣдаетъ что, кричали всѣ сокольники. И только очень немногіе (и первый молодой князь Львовъ) не растерялись въ общей суматохѣ, а скорѣй высоблаживали соколовъ отъ должниковъ, скорѣй возбуждали, чтобы хищникъ воззрился на красную добычу и скидывали съ рукавицы вверхъ. Да еще и не всякій-то соколъ, пожалуй, черного аиста возьметъ.

Соколъ князя Львова, «Гирей», первый воззрился на аиста; первый съ рукавицы кинулся вверхъ и прямо надъ нимъ сталъ забирать столбомъ вверхъ. Вдгонку за нимъ слетѣли еще два сокола, и вотъ уже цѣлая тройка лучшихъ соколовъ въ царской охотѣ повисла наверху надъ добычей. Черная грузная и неуклюжая на воздухѣ птица совсѣмъ оторопѣла, будто зачуяла, что ей до неминуемой бѣды дошло. Пока аистъ медленно дотягивалъ винтомъ свой послѣдній кругъ къверху, три сокола одинъ за другимъ, все еще забирали высь. Аистъ дотянулъ свой послѣдній кругъ, вдругъ взялъ въ сторону и, что называется, прямымъ стремениемъ на утекъ пошелъ. Соколъ

князя Львова тогда выше всѣхъ стоялъ въ синевѣ; его можно было принять за черную точку. Пока два остальные только еще взбирались къ нему на одну высоту, «Гирей» молніей грянулся съ поднебесья внизъ, даже надъ головой охотниковъ сухой шумъ прошелъ, ихъ какъ опалило... Аистъ вдругъ спшибся на лету, какъ прострѣленный пулей. «Гирей» еще ударилъ; ударили и тѣ двое, еще и еще... «Гирей» зачастилъ свои удары, аистъ мѣшкомъ пошелъ книзу.

Тогда-то вдругъ и раздались крики на всю долину, отъ которыхъ Левъ вздрогнулъ.

— «Гирей», «Гирей взялъ»... «Гирей»!..—слышались отовсюду радостные, побѣдные клики сольниковъ, наполовину конныхъ и наполовину спѣшившихся и толпившихся вокругъ государя. Бѣлую царскую лошада ужъ теперь держали подъ устцы. Алексѣй Михайловичъ стоялъ спѣшившись возлѣ нея. У его ногъ лежалъ распротертый огромный черный аистъ. Князь Львовъ со своимъ побѣдителемъ на рукѣ стоялъ сияющій за этимъ самымъ аистомъ прямо противъ государя. Вся охота толпилась вокругъ нихъ дружною семьей; шумы и громы не умолкали. А главное, не умолкалъ Магюшкинъ Аѳанасій Ивановичъ, который весь усѣхъ этого дѣла, чуть ли даже не самый вылетъ аиста, приписывалъ единственно себѣ. Алексѣй Михайловичъ, довольно налюбовавшись и чернымъ аистомъ, и «Гиреемъ», молодца князя Львова поцѣловалъ прямо въ лобъ предъ лицомъ цѣлой охоты.

За такую рѣдкую удачей, за побѣдными кликами цѣлой охоты, а главное за неуможаемыми похвалами Аѳанасія Ивановича, который утѣрялъ, что онъ на аиста чуть ногой не наступилъ; потомъ за веселыми разсказами о мельчайшихъ подробностяхъ этого счастливаго дѣла, начиная отъ вылета аиста до того мига, какъ онъ пошелъ мѣшкомъ книзу, разсказами, въ которыхъ и самъ государь принималъ живое участие,—за всѣмъ этимъ Левъ, конечно, могъ поблагода-

рить судьбу и перекреститься, что его собственная оплошность по диковинной птице съ лучшим царским соколомъ Гамаюномъ сойдетъ ему благополучно съ рукъ, да врядъ ли кто и могъ теперь ее замѣтить.

Чернаго аиста тутъ на лугу, конечно, больше не взгонять. Но всякій могъ напередъ сказать, что впереди имъ еще много предстоитъ и веселыхъ удачъ, и досадныхъ промаховъ. Ужъ во всѣ охоты таковъ этотъ лугъ.

Царь опять на своемъ конѣ тихимъ и ровнымъ шагомъ ѣхалъ впереди всѣхъ. По бокамъ, отступя въ полъ лошади, ѣдутъ бояре, и Аванасій Ивановичъ не умолкая веселитъ ихъ своими разсказами. Левъ, по царскому приказу, съ Гамаюномъ на рукъ ѣдетъ всего въ пятнадцати шагахъ отъ плеча государя.

«Боже! — думаетъ Левъ, — когда же на своей охотѣ, государь, ты меня такимъ видѣлъ? И моя ли въ томъ вина, что не могу за одно съ другими теперь веселѣть? Княжна Салманова, государь, чѣмъ она удалась тебѣ?»

Въ отдаленіи съ краю пошла высятся вѣковыя сосны ровною стѣной. Небо все синѣй и синѣй царитъ надъ головою. И лѣсъ, и вода, и луговая рѣчная сторона уже разгораются полною красотой лѣтнаго знойнаго дня; жуда какъ хорошо, что въ лицо вѣтерокъ дуетъ. Цвѣтокъ и мотылекъ и порхающая синяя стрекоза пошли предъ глазами заодно мелькать. Левъ видитъ предъ собою, какъ сквозь сонъ, знакомое озеро; на версту и больше потянулось рѣкою; узкое во всю длину, но мѣстами такъ узко, что берегъ съ берегомъ почти смыкается, можно съ одного на другой перескочить на конѣ. Памятное, знакомое озеро!

Стали опять откидывать соколовъ; съ чистой воды и изъ густыхъ камышей въ разныхъ мѣстахъ погнажи дичину. Половина охотниковъ размѣстилась поодаль; прямо подошли къ тѣмъ вѣковымъ соснамъ. Которые стоятъ по сю сторону воды, стараются и они все время забирать противъ вѣтра. Въ глубокой выси и Гирей,

и Алмазъ, и Дрягай, и Алтабасъ, одинъ другого выше носятъ воздушные бойцы. Гонщики шумнѣе ударили по камышамъ. Утки замелькали въ разныхъ направленияхъ цѣлыми станицами; тяжелыя криквы цѣлыми вереницами потянулись въ разныхъ мѣстахъ.

Матюшкинъ подскакалъ вдругъ къ Алексѣю Михайловичу и сталъ что-то указывать на Леву, остановившагося одиноко вдаль.

— Оно лучше, Аванасій Ивановичъ! Не тронь его, — сказалъ государь. — Ничего; я нарочно его давеча не откликнулъ. Не тронь его тамъ вдаль. Здѣсь у насъ соколовъ довольно; да и все чирята одинъ летитъ. А неравно въ тотъ край какая утица сорвется, и коли Гамаюнъ тамъ, я за дальній конецъ спокоенъ.

Одну половину сокольниковъ сталъ теперь Аванасій Ивановичъ отпускать за воду. Онъ скакалъ и туда и сюда на своемъ армактѣ, какъ въ бою воевода. Начальные соколыничьи по его приказу становились по своимъ мѣстамъ. На двѣ версты и больше раскинулась царская охота. Алтабасъ и Стрѣлецъ, Айдаръ и Эсаулъ, и Ахиллесъ, Бѣлый, Зыгъ и Яхонтъ, не перечтешь всѣхъ, пошли въ обгонку другъ предъ другомъ. По полю движеніе отъ всадниковъ и пѣшихъ; по небесью отъ воздушныхъ бойцовъ все бурей перемѣнялось. Глаза охотниковъ разбѣгаются во всѣ четыре стороны.

— По всему воздуху баталія пошла! — обратился къ государю Матюшкинъ, захотѣвъ въ своемъ охотничьемъ жару еще и иностраннымъ словомъ щегольнуть.

Левъ съ красавцемъ Гамаюномъ на рукъ, котораго этотъ разъ не спустилъ и съ должика, совсѣмъ забылся, какъ въ походѣ казакъ на сѣдлѣ спитъ. Въ головѣ у него дурно. Его сѣрый въ яблокахъ стоитъ какъ вкопанный на берегу.

А ему кричали со всѣхъ сторонъ и махали. Къ нему скакалъ во весь опоръ одинъ порожній соколыничъ и кричалъ не разобрать что.

Опомнившись, только теперь увидалъ Левъ, что вся охота подалась отъ него версты на три. «Стой! Не сходи!» закричалъ ему порожній сокольникъ, когда онъ хотѣлъ двинуться впередъ. Царь на своемъ блонь конѣ, приложивъ руку зонтикомъ къ глазамъ, издали смотрѣлъ въ Лѣвину сторону. Аеанасій Ивановичъ, выдѣлившись изъ толпы на своемъ аргамакѣ, всталъ во весь ростъ на стременахъ и неистово махалъ въ его сторону нагайкой. Левъ изъ всей мочи ударилъ своего коня и прямо во весь опоръ поскакалъ къ государю.

Цѣлый взрывъ неистовыхъ кликовъ раздался тогда ему въ отвѣтъ по всей долинѣ.

Хуже, чѣмъ тогда съ аистомъ, была теперь эта новая суматоха. Опять всякій кричалъ и суетился, и объяснялъ по-своему. Матюшкинъ кого-то хлесталъ нагайкой. Четверо сокольниковъ, Ларька, Потапка, Артюшка и Филитерка, запыхавшись, подѣхали къ охотѣ.

— Разгильдяи!—крикнулъ на нихъ царь, и они скорѣй раздalisъ конями въ обѣ стороны.

Государь былъ, видимо, взволнованъ.

— Этотъ самый селезень, — обращался онъ во всѣ стороны, — и въ тетрадькѣ у меня на замѣтъ! Носъ желтъ лимонный! такія жъ лапы, брюхо дымчато, грудь розова!—высчитывалъ онъ, какъ по пальцамъ. — Таковъ самый и вылетѣлъ теперь изъ травы!

И опять всѣ голоса каждый свое; а Матюшкинъ ужъ кого-то другого и заразъ обонхъ хлесталъ нагайкой.

Оказалось, что въ самый разгаръ охоты, когда гонщики, обойдя одно озеро, все очистили съ него до послѣдняго пера, вдругъ среди всѣхъ, съ мѣста котораго уже часъ тому назадъ было пройдено, выскочилъ изъ травы какой-то диковинный, невиданной красоты селезень. Онъ уже на самомъ взлетѣ вышелъ изъ мѣры для ловчихъ птицъ, да и летѣлъ низомъ, что для со-

коловъ неудобно, а ястребовъ тутъ не было. Государь велѣлъ гнать на удачу. Ничего не вышло путнаго; птица удалась; но государь, не спуская съ нея глазъ, вдругъ захлопалъ въ ладоши: селезень взялъ въ сторону, полетѣлъ прямо на Лѣву и всего въ какихъ-нибудь двадцати шагахъ отъ него засѣлъ на бугрѣ въ чемерику. Между ея рѣдкихъ палочныхъ стволовъ даже издали можно было видѣть, какъ ошалѣвшая птица озиралась кругомъ, вытянувъ длинную шею, и воровчалась во всѣ стороны. Алексій Михайловичъ захлопалъ въ ладоши: «Сейчасъ ее тамъ Гамаюнъ возьметъ!» сказали онъ своимъ ближнимъ. Но полоумный не трогался съ мѣста. Селезень на глазахъ всѣхъ преспокойно вылетѣлъ изъ чемерики и полетѣлъ какъ ни въ чемъ не бывало.

Напрасно старались подвезти опять на глаза государю чернаго аиста; напрасно десятки оторванныхъ утиныхъ головокъ тутъ же на его глазахъ давали заклеивать его любимымъ соколамъ, наиболѣе отличившимся сейчасъ въ повальномъ боѣ; напрасно Матюшкинъ (онъ повеселялся только теперь, когда вдругъ такая блестящая мысль озарила его голову) клялся и божился предъ государемъ, что того селезня, который написанъ въ его тетрадькѣ, онъ довольно хорошо знаетъ; и тотъ селезень, истинно сказать, во всѣхъ птицахъ диво! да что изъ травы выскочилъ совсѣмъ не таковъ.

— Другія примѣты схожи!—говорилъ Аеанасій Ивановичъ,—но въ тетрадькѣ—носъ желтъ лимонный, а у этого, хотя не само-красный, какъ киноварь, да и не желтъ лимонный, а розовый.

Государь былъ безутѣшенъ.

Какъ сокольники ни уговаривали, что, пожалуй, опять тутъ на лугу отыщутъ заколдованнаго селезня, какъ ни увѣщавали сами начальныя, что тутъ нынѣшній разъ дичи и въ самомъ дѣлѣ невиданно много, государь поблагодарилъ всѣхъ, ласково улыбаясь; отъ-

тить, что онъ довольно потѣшился, и велѣлъ собирать соколовъ да и къ обѣду въ Коломенское.

Нарядныя рукавицы стали скидываться долой; тебѣги стали нагружаться цѣлыми ворохами дичи; сокола доклевывали окровавленные папортки и головки.

— А ты погоди жъ! Только до Коломенскаго доѣхать дай!—тихо погрозилъ государь Левъ и, опять обратясь къ окружающимъ, заговорилъ еще ласковѣе.

Такое съ виду кроткое тѣлодвиженіе царя вдругъ всѣхъ смутило.

Заранѣе ожидали, что онъ въ припадкѣ бѣшеннаго гнѣва будетъ по обыкновенію и топтать ногою въ полъ и кричать: «велю запороть до смерти!» или: «изъ сокольничьяго чину выкинуть», или: «бить батоги!» Вдругъ ничего не бывало.

Когда блѣдный и разстроенный Левъ только подѣзжалъ къ государю, ужъ всѣ его товарищи начали переглядываться между собой, и во всѣхъ углахъ зашмыкался шопотъ: ударъ, ждали, будетъ громовый. Но когда государь обнаружилъ такую сдержанность, когда онъ произнесъ такое «тихое слово свое», глаза у всѣхъ опустились въ землю.

Гробовое молчаніе прошло по всей охотѣ.

Глава XXXI.

Въ Коломенскомъ.

Коломенское было не даромъ любимое село государево.

Зеленыя березовыя рощи, чистыя воды, поемныя луга,—словомъ, вся великорусская подмосковная красота казала себя тутъ во всѣхъ своихъ видахъ и на всемъ привольи. Поле можно было видѣть далеко, а въ семи верстахъ Москва съ ея колокольнями и монастырями. Подъ самими окнами дворца протекала Москва рѣка. Открытое, веселое мѣсто.

Сельскій потѣшный дворецъ съ башнями, съ повадушами, съ дянными крытыми переходами, съ висячими крыльцами по всѣмъ ярусамъ, съ разнообразными пестрыми кровлями: то гонтовыми по крутымъ откосамъ, то черепичными по отлогимъ косанамъ, то чешуйчатыми по причудливымъ загибамъ и изогнутымъ куполамъ верхнихъ горницъ, представлялся цѣлымъ закованнымъ городомъ приближающемуся путнику. А обстроенный кругомъ жилыми избами, отдѣльными помѣщеніями для боярскаго пріѣзда и для сокольниковъ; потомъ разными необходимыми службами и пристройками, сараями, клѣтками и подклѣтками; потомъ еще со своимъ винокуреннымъ заводомъ; съ птичьимъ и скотнымъ дворомъ, съ рвчарникомъ; съ огромными теплицами аптекарскаго сада и всякими другими затѣями, а главное, со своими живописными семью церквами, изъ которыхъ особенно Вознесенская отличалась «высокою и свѣтлостью»,—Коломенскій дворецъ

среди зеленых рощ и полей возставал и въ самомъ дѣлѣ какимъ-то очарованнымъ сказочнымъ городомъ, — восьмымъ чудомъ свѣта, какъ сказалъ тогда Симеонъ Полоцкій.

И Алексѣй Михайловичъ, можно сказать, душу свою въ Коломенское положилъ. Въ здѣшнихъ прудахъ во множествѣ водились караси и лини; но были еще насажены и украинскія карпи и всякая другая охотнику-рыболову дорогая рыба. Страстный садовникъ, онъ любилъ шелковицу, и тутъ ему давно хотѣлось «за милостью Божьею заложить тутоваго дерева самый большой заводъ». Въ огородахъ, кромѣ грушъ и яблокъ и всякой ягоды, кромѣ тыквъ, дынь и арбузовъ невиданной величины, — тутъ разводились еще разныя рѣдкости и диковинки, или особенно любимыя Алексѣемъ Михайловичемъ, или цѣлебныя травы. Каждая грядка тутъ была имъ самымъ обдумана и взлѣлена. Для каждой лавочки или перегородки имъ самымъ тутъ было указано мѣсто.

И все, что ни заводилъ тутъ рачительный хозяинъ, заводилъ и строилъ и украшалъ не мотовствомъ, какъ самъ онъ любилъ тѣмъ похвалиться, а давалъ деньги по разсмотрѣнiю, дѣлалъ исподволь, дешевою цѣной, безъ убытковъ.

Вступая во дворецъ, всякій могъ на каждомъ шагѣ угадывать личный вкусъ и наклонности государя. Въ переднихъ сѣняхъ были выписаны Зодіаки. Предъ сѣнями красовалась дутая «выставка» съ гербами всѣхъ російскихъ государствъ. Надъ его собственными хорами на щитахъ были написаны Европа, Африка и Азія. На потолкѣ его комнаты былъ живо написанъ Соломоновъ судъ.

Коломенское, казалось, имѣло какую-то счастливую способность навѣвать свѣтлое настроеніе духа на государя; сюда онъ именно наѣзжалъ для «душевнаго покоя». Если Алексѣя Михайловича угнетали какія-нибудь печали и заботы, тогда Коломенское подолгу

не выдавало его. Вотъ теперь Алексѣю Михайловичу пришла охота навѣстить Коломенское, и это лучший знакъ того, что... но скажемъ его собственными словами: «за Божьей милостью теперь всякое дѣло успокоилось».

Любили и сами сокольники наѣзжать въ это мирное пристанище государя. Когда они выѣзжали не въ Щемилровку и не въ Супчево, то-есть въ мѣста, которыя вели къ Свирлову, къ Леонову и къ Алексѣевскому, а въ мѣста, сейчасъ пройденныя ими на пути, сокольники напередъ извѣщали радость, что побываютъ въ Коломенскомъ. Нынѣшнее лѣто они прибыли сюда еще въ первый разъ и, какъ сокольники, послѣ долгой зимы, пріѣхавъ въ деревню, не нарадуются они теперь своимъ любимымъ мѣстамъ и спѣшаютъ оглянуть всѣ знакомые уголки. Они не налюбуются этимъ пространнымъ дворомъ, гдѣ Аѳанасій Ивановичъ перѣдко имѣ дѣлаетъ торжественныя смотры, и тогда вся ихъ сокольниковъ охота представляется зрѣлище великолѣпнаго царскаго развода; дворомъ, который распахнулся цѣлымъ зеленымъ лугомъ, и нигдѣ никогда не увидишь въ такомъ изобиліи стрижей и ласточекъ, сколько всегда ихъ извнѣвается тутъ. Они здѣсь рѣютъ цѣлыми станицами, гогосать и щебечутъ, и гнѣздятся по причудливымъ прилѣпамъ здѣшнихъ самдриковъ и карпозовъ. Не налюбуются сокольники и своимъ большимъ отдѣленіемъ, гдѣ теперь, пообѣдавъ и вовсе не думая отдохнуть съ дороги, пока самъ государь почиваетъ, они, вмѣсто того чтобы спать, возятся на яркихъ солнечныхъ лучахъ полуодѣтые и раздѣтые; сговариваются идти на рѣку купаться, замышляютъ и бабки, и лапту, и другія забавы и все громко хохочутъ, весело разговариваютъ. Въ ихъ отдѣленіи окна раскрыты по всему ярусу; лѣтній сквозной вѣтерокъ играетъ; приподняты нижнія половинки на верхнія и подперты до сихъ поръ употребляемыми по деревнямъ линечками въ зарубкахъ. Но имъ даже этотъ отъ

долгана запустѣнія комнатъ слегка затхлый запахъ здѣшнихъ стѣнъ совсѣмъ не непріятенъ быть.

— Но гдѣ же, господа, Лѣва?

Товарищи хватились только теперь, а молодой князь Львовъ давно уже разыскивалъ его: Лѣвы, въ самомъ дѣлѣ, нигдѣ нѣтъ. Никто не видалъ, куда и когда пропалъ Левъ. Часы проходили. Лѣвы нѣтъ.

— Не видалъ ли кто изъ васъ, господа? — обращается ко всѣмъ молодой князь Львовъ уже съ безпокойствомъ.

Лѣва пропалъ.

Тихо кругомъ. Необытнй просторъ зеленыхъ луговъ стелется за рѣкой. На землѣ и на водѣ и въ воздушной синевѣ застоялась лѣнивая тишина. Морево и переливчатый зной. Жаркій, знойный полдень, удушайущій воздухъ кругомъ. Сонныя холмистыя равнины стелются необозримо вширь и вдалѣ. Тяжелъ да благодать. И синее бездонное небо, какъ нарочно, безъ единого облачка сіяетъ надъ головой. Свѣтла и ясна сама рѣчная глубина предъ Лѣвой. Вода у самыхъ ногъ.

— Къ тому шло! — говорить онъ самъ себѣ.

Бездонное небо сіяетъ надъ головой; рѣка подъ ногами все въ одну сторону, все въ одну сторону воды гонить.

Надо съ нимъ этому быть...

— Лѣвка сумасшедшій!! — вдругъ раздалось у него надъ самыми ушами. — Вотъ ты гдѣ!

И Филитерка всплеснула руками.

Лѣва, оказалось, отошелъ по Москвѣ рѣкѣ версты за двѣ отъ Коломенскаго. Онъ сидѣлъ у самой воды подъ песчанымъ обрывомъ. Бѣловатый песокъ тутъ скатился крутояромъ; по немъ тамъ и сямъ торчали угрюмые листы мать-и-мачихи. У самыхъ его ногъ была вода. Онъ былъ совершенно скрытъ подъ обрывомъ. Филитерка не одинъ разъ прошелъ мимо этого мѣста, ничего не замѣтивъ, и, пожалуй, такъ и вернулся

бы домой послѣ безуспѣшныхъ поисковъ. Но идя вверхъ по рѣкѣ, онъ нечаянно оглянулся назадъ, и вдругъ какъ-будто сила какая ошеломила его. Левъ сидѣлъ подъ отвѣсною крутизной безъ шапки. Филитерка въ первый мигъ принялъ его за удавленника... Только ужъ опоминувшись, онъ разглядѣлъ Лѣву. Невольный возгласъ вырвался тогда у него изъ груди; онъ побѣжалъ къ товарищу.

Близкіе шаги заставили вздрогнуть Лѣву, онъ оглянулся. Филитерка прилежъ грудью на верху крутояра и перевернулся къ нему съ обрыва.

— Что ты тутъ куда запропастился, Лѣвка?

Филитерка насилу переводилъ дыханіе.

— Всѣхъ за тобой разослали, даже конюховъ послали верхомъ. Бѣги скорѣй къ государю; проснулся. Ищутъ долгое время, а ты вотъ гдѣ. Бѣги скорѣй. Осерчалъ, сказываютъ, даже. Совсѣмъ вспыхнулъ.

— Захочу, такъ еще и не пойду, — отвѣтилъ Левъ снизу.

Филитерку такъ и отдавало назадъ.

— Что ему до меня? Я самъ себѣ человѣкъ, — добавилъ Левъ, вставая, и сталъ взбираться на крутизну. Филитерка подавъ ему руку.

— Эй! полно-ка, Лѣвка!.. — сказалъ, наконецъ, Филитерка. — Вотъ онъ великъ тебя отодратъ, такъ мы тогда послушаемъ, такую ли ты пѣсню подъ его розгами запоешь. Ну, парень, право, ступай скорѣй.

И самъ онъ двинулся съ мѣста.

Левъ дико смотрѣлъ ему вслѣдъ. Филитерка бѣжалъ безъ оглядки прямо къ Коломенскому дворцу.

Бѣдный Левъ! вѣрно думали всѣ товарищи: сама судьба, казалось, искала его погубить въ этотъ день. Царь послѣ отдыха всталъ еще веселѣй, чѣмъ былъ поутру. Онъ надѣлъ свой любимый лиловый халатъ, желтыя крымскія туфли на босу ногу, и прямо пошелъ въ садъ, вѣдѣвъ, чтобы ему принесли меду со льда, прямо въ его холодокъ. «Царскій холодокъ» — такъ и звалось это

любимое мѣстечко въ его садикѣ. Когда, пробираясь туда, царь вдругъ кликнулъ съ дороги, чтобы къ нему сейчасъ же позвали Лёвку, всѣ товарищи даже обрадовались. Было замѣчено, что Алексѣй Михайловичъ не любилъ давать въ «царскомъ холодкѣ» никакихъ строгихъ приказовъ; если онъ кого-нибудь призывалъ туда, такъ единственно для милости. Особенно теперь можно было ожидать этого, когда онъ былъ въ лиловомъ халатѣ. Стоило только несчастному Лёвѣ явиться по первому зову, такъ онъ и былъ бы прощенъ. Но надо же было такъ случиться: Левъ запропастился куда-то. Цѣлыхъ два часа его разыскивали понапрасну. Масла въ огонь, конечно, подлилось.

Да и самый Лёвинъ видъ показался товарищамъ зловѣщимъ. Когда онъ, наконецъ, появился тутъ на просторномъ дворѣ—онъ шелъ безъ шапки, безпаметно придерживая ее у коленъ—всѣ игры замозкли. Филитерка* прервала свои разказы; всѣ столпились и жались тѣсной другъ къ другу... Что-то зловѣщее, что-то *на свое* было во всей его поступи, словно не своею волей онъ двигался, а его подталкивалъ рокъ. Длинная тѣнь падала отъ него на песокъ; товарищи молча провожали его взорами, какъ осужденнаго, чрезъ всю ширину двора, пока онъ, наконецъ, пропалъ въ калиткѣ.

Въ саду пахло только что скошенной травой; въ шахматномъ порядкѣ красовались кудрявые яблоньки, за ними, вдали на грядахъ, въ чинномъ порядкѣ росли всякія аптекарскія травы. Левъ шелъ натоптанною тропинкой. Тамъ и сямъ выглядывали анютины глазки; шапочки и бархатцы скромно цвели себѣ; красный макъ пошевеливался съ глубокомыслиемъ, а дальше завидѣлись разсаженные въ порядкѣ кусты шелковицы: «тутовое дерево». Туда и поведя пзвизгистая тропинка, прямо въ царскій холодокъ.

Алексѣй Михайловичъ сидѣлъ на лавочкѣ, подъ своими зелеными липками и кленами. Дубовый столъ,

вдѣланный ножками прямо въ землю, былъ накрытъ бѣлою скатертью. На немъ красовалась ендова меда; серебряная стопка, только что налитая, еще пѣнилась.

Тутъ же, на скатерти, лежалъ огромный лопухъ, только что сорванный, зеленый, свѣжій листъ, чуть не въ павлиній хвостъ величиной. Государь былъ въ своемъ лиловомъ халатѣ и въ крымскихъ туфляхъ. Бѣлое, молочнаго цвѣта лицо, каріе глаза, окладистая каштановая борода глянули въ сторону, откуда подходилъ Левъ. Но замѣтивъ его приближеніе, государь отвернулся совсѣмъ въ другую сторону. Когда Левъ подошелъ къ мѣсту, царь съ поддѣльной развѣянностью обмахивался лопухомъ какъ опахаломъ.

Продлилось молчаніе.

— Гдѣ былъ пропадалъ? — спросилъ, наконецъ, Алексѣй Михайловичъ.

Левъ молчалъ.

Алексѣй Михайловичъ тихо повернулъ голову, и вдругъ... лопухъ выпалъ изъ рукъ государя. Тотъ стоялъ за шагъ отъ его дубоваго столика въ растрепанномъ кафтанѣ, съ разметавшимися волосами; обѣими руками онъ безпаметно придерживалъ шапку. Блѣдность Лёвы и еще что-то, кромѣ блѣдности, очевидно, поразили царя.

— Охъ, бѣсоватый! — проговорилъ онъ, косясь на Лёву. — Гдѣ былъ-пропадалъ? — громко и разстановочно онъ повторилъ свой вопросъ. — Что такъ долго кликать себя заставлялъ?

— Ходилъ на рѣку, — сухо отвѣчалъ Левъ.

— А тебѣ бы помнить, съ кѣмъ разговариваешь, — судорожно Алексѣй Михайловичъ ударилъ кулакомъ по столу. — Не забывать бы царскаго величества! — вскрикнулъ онъ и всталъ съ лавки.

— Я, можетъ, тамъ на рѣкѣ и померъ бы — взвѣлъ Лёва свои очи прямо на государя.

Царь озирался по сторонамъ, будто хотѣлъ кликнуть народа.

— Известно. Нонче живъ, а завтра померъ!—продолжалъ Левъ.—Что царь, что изъ насъ всякій, надъ всѣми воленъ Богъ.

Царя такъ и откинуло назадъ; онъ стиснулъ губы. «Озорникъ!», прослышалось Лёвѣ.

— А за мои озорныя слова казнить меня вели, государь,—сказалъ Левъ. (Онъ даже поклонился.)—Не я первый, не я и послѣдній буду. Царскимъ словомъ мало развѣ людей бывало въ гробъ уложено? Бывали другіе безъ ихъ вины царскою милостью взмысканы.

— Безбожникъ!—вдругъ кликнулъ Алексѣй Михайловичъ, выступивъ прямо на него.—Сердце-то цареву... Сердце цареву въ руцѣ...—И не договаривалъ.

Левъ отшатнулся.

— Самъ знаешь въ чьей?—досказалъ царь, увидавъ его предъ собой на колыньяхъ.

— Вели меня смирить, государь!—вопилъ между тѣмъ Левъ съ земли.—И нагрубилъ я тебѣ, и давеча всю твою царскую охоту испортилъ! А что жъ мнѣ было дѣлать-то? Ужъ заодно съ ними! Одна всѣмъ погибеть, знать!.. Небось, самъ знаешь, онъ и на плаху шель, все за тебя же клалъ голову. А ты меня зачѣмъ съ ней разлучилъ?.. Ахъ! ужъ свѣтъ у меня въ очахъ меркнетъ.

Онъ бился и терзался какъ въ порчѣ.

— Зачѣмъ мнѣ умереть не дали?

Царь въ изумленіи глядѣлъ на него.

— Ты меня зачѣмъ съ ней разлучилъ?—устремилъ Левъ на него дикій взглядъ.—Меня съ ней самъ Богъ соединилъ. А ты для чего Божій судъ ломаешь? Воля твоя, государь, а я твоей воли послушникъ, государь! Въ писаніи сказано: кого Богъ соединилъ, того чеховѣтъ да не разлучаетъ. А ты зачѣмъ насъ съ ней разлучилъ?

— Да о комъ говоришь? Что путаешь?—спросилъ вдругъ царь.

— А извѣстно Тарханскъ сожгли!—неожиданно молвилъ Левъ.

Менте всего царь былъ подготовленъ выслушать именно эту новость.

— Въ писаніи сказано, — повторилъ Левъ: — и ты лучше животъ мой возьми. А что въ душу самъ Богъ вложилъ, и царь въ томъ не воленъ. Да ужъ нѣтъ ея больше на свѣтѣ, знать! Убить старикъ Обресковъ! Жива ли и дочка Софья Даниловна безъ него... Знать, и ея больше въ живыхъ нѣтъ!

Онъ вдругъ зарыдалъ.

— Лёвка, дуракъ! — кликнулъ вдругъ Алексѣй Михайловичъ.—А я и не зналъ, что у Обрескова дочка есть, — сказалъ онъ про себя, какъ бы въ сторону.— Полно, дуракъ, Лёвка! Вставай скорѣе, — говорилъ ему Алексѣй Михайловичъ.— Такъ ты говоришь у Обрескова дочка есть? нагнулся онъ къ нему.

— Ахъ, государь!—воскликнулъ Левъ.—Я предъ тобой въ конецъ виноватъ... А хотъ ты мнѣ и простишь, государь, мнѣ Богъ теперь не простить. Правду я о себѣ молвилъ: тамъ на рѣкѣ, пожалуй, и померъ бы я, кабы еще мало времени прошло. Въ мутной, студенной глубинѣ... тамъ... одинъ мой трупъ по моему зову достали бы изъ воды. Тѣломъ предъ твоимъ судомъ, государь, а душою ужъ тамъ къ Царю Небесному на судъ бы явился!

Царь осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ. На лицѣ его отразилось какое-то самоуглубленіе: будто чудо воочию совершилось предъ его глазами.

— Мы-то съ тобой, по глупости, по человѣчеству, — сказалъ онъ, — поминали Его имя все; а Онъ, Царь Небесный...—Алексѣй Михайловичъ взвелъ руку на небо и потомъ, глубоко поклонившись, коснулся ею земли, — Онъ и воистину, знать, на насъ призиралъ съ небеси.

Левъ стоялъ, какъ послушное дитя, предъ нимъ.

— И тебѣ не Бога гнѣвить, а благодарить бы! — вдругъ воскликнулъ на него Алексѣй Михайловичъ, весь взволнованный. — Давеча о смерти своей съ по-

хвалёбой заговорилъ!.. Ахъ, самоумный!! Тебя бы, Лёвка...—Царь въ горячности ударилъ его по плечу ли, по головѣ ли.—Тебя бы за твои безпутныя рѣчи...—Каштановая борода затряслась, каріе глаза за-сверкали.—Опять меня, царское величество, такъ ли считаешь? А? Миѣ-то, миѣ, своему государю, зачалъ небеснымъ судомъ грозить!.. Ахъ, безбожникъ! ахъ, ты, богохульникъ этакій!.. Ишь, безъ вины царь казнить, безъ вины и милуетъ?! Да рассуждаешь ли о томъ, самоумный: то есть одна изъ «привилей» царскихъ! Право, самоумные вы нынче всѣ!

Левъ хотѣлъ что-то отвѣтить.

— Молчи! — крикнулъ на него Алексѣй Михайловичъ.—Мало тебя батоги бить... А за твое противъ насъ грубiество, противъ царскаго величества, да за богохульныя рѣчи, за все твое безбожество... противъ всѣхъ васъ, безбожниковъ, въ нашемъ царскомъ уложеніи по первой да по второй статьѣ даже смертная казнь положена. И вотъ ты смотри-знай, каковъ я милосердъ государь. Всѣ твои вины, что ты противъ Бога самого, не токма противъ своего земного царя, сдѣлалъ, и я тебя во всемъ прощаю. Вижу, это не самъ ты... а это въ тебѣ твой духъ говорилъ. Да и кланяйся теперь, благодари...—Онъ загребъ въ ладонь его кудрявую голову и повалилъ Лёву наземь предъ собой на колѣни.—Я твое, дуракъ, счастье тебѣ устроить хочу!

— Тихвинская Божія Матерь!..—кликнулъ Левъ и сталъ креститься.

— Да! Чудо воочію!—перекрестился самъ государь.—Божией-то десницею, знать, и вправду не только ты отъ лиха спасенъ... а знать Онъ-то Самъ еще моими руками и счастье твое тебѣ устроить, самъ Богъ, захотѣлъ. Вотъ десницу Божию и познавай.

— Государь-отецъ!..—молвилъ Левъ, простирая къ нему дрожавшія руки.

— Пошли миѣ скорѣй Матюшкина Аѳанасія Иванова!

Левъ чуть не бѣгомъ вышелъ изъ садика.

Кому жъ и было знать это укромное мѣстечко, «царскій холодокъ», лучше Матюшкина? Подъ самыми этими зелеными липами бояринъ обыкновенно игрывалъ въ шахматы съ государемъ; тутъ они по цѣлымъ часамъ распоряжались важными дѣлами по соколиной охотѣ; тутъ они въ знойный полдень за добрымъ ковшомъ янтарнаго меда толковали обыкновенно о суетѣ житейской. Всегда веселое лицо Аѳанасія Ивановича нигдѣ такъ не сіяло, нигдѣ съ такимъ вкусомъ не распоряжалъ онъ своихъ прекрасныхъ усовъ и нигдѣ такъ широко не разводилъ руками, какъ тутъ, именно подъ этими липами и кленами.

Запыхавшись, бѣгомъ поспѣшавъ онъ теперь по извилистой тропинкѣ и гоготавъ издали; цѣлое зарево радости сіяло на его широкомъ лицѣ... Вдругъ, подойдя къ самому «холодку», онъ мгновенно измѣнился.

Алексѣй Михайловичъ молитвенно кланялся въ землю. Матюшкинъ подошелъ на его послѣднемъ поклонѣ; царь только легкимъ движеніемъ руки указавъ ему пождать малость и опять палъ на землю; потомъ всталъ и началъ отрещиваться, какъ на отпустѣ священникъ.

Лицо боярина все еще хранило такое выраженіе, какъ будто онъ отъ избытка благоговѣнія умираетъ.

— Вотъ, Аѳанасій Ивановичъ,—началъ, наконецъ, Алексѣй Михайловичъ, присаживаясь на своей лавочкѣ.—Такое дѣло! такое дѣло!..—Онъ задумчиво качалъ головой.—Такъ я напередъ это зналъ. Такъ вотъ меня и тануха въ Коломенское. Лежу это я, о нонѣшней охотѣ гадаю... все будто напередъ какой радости себѣ въ Коломенскомъ отъ Бога чаялъ. Право такъ.

— Сердце царево въ рукѣ Божіей!—бухнулъ Аѳанасій Ивановичъ безъ запинки этотъ, повидимому, любимый текстъ государя, къ которому, впрочемъ, и прибѣгавъ всегда во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ.

— Ей же ей, Аѳанасій Ивановичъ! Ей Богу, не лгу,—

перекрестился Алексѣй Михайловичъ:—вѣдь онъ было меня, малецъ-то, на мѣстѣ тутъ убить хотѣлъ! Право не вру. Таково-то дошло, малъ-дѣтника, въ своемъ духѣ былъ. Мало чего не дошло.

И Алексѣй Михайловичъ сталъ подробно разсказывать изумленному Матюшкину, какъ оно все было, то есть какъ онъ силенъ въ Лѣвѣ былъ. Государь говорилъ неопредѣленно, называлъ его то *онъ*, то *духъ*.

— А я ужъ и слышу,—говорилъ онъ,—что это въ немъ духъ говорить. Я открещивать, и самъ-то крещусь; да его долго онъ не отпускалъ. И таково-то неистовенно говоритъ. А то вдругъ глазомъ сверкнетъ. Потомъ вдругъ засмѣется *онъ*. Словно зубомъ заскрежетать, ну, право, ей Богу, такъ!.. Потомъ ужъ и восплакалъ. Ну, тогда его совѣтъ *духъ* отпустилъ. Кабы, кажется, не мой крестъ, Аванасій Ивановичъ!..

Государь вдругъ зажмурилъ глаза и махнулъ рукой.

— Охъ!—глубоко вздохнулъ Аванасій Ивановичъ.— Долго ли до грѣха?

И государь до конца разсказывалъ Матюшкину во всѣхъ подробностяхъ какъ его Богъ сподобилъ спасти человеческую душу отъ самовольной смерти, отъ напраснаго лиха. (По словамъ Алексѣя Михайловича, Левъ ужъ раскачнулся съ берега, чтобы прыгнуть въ воду, когда явились царскіе гончики.) И какъ онъ теперь слышитъ, что на немъ лежитъ прямая обязанность устроить Лѣвину счастье и судьбу молодыхъ. «Молъ, поди жъ ты! Надожъ было всему такъ случиться, чтобъ и о княжнѣ-то Салмановой прямо предъ охотой ненарокомъ заговорить!» И какъ Лѣва приводилъ ему отъ божественныхъ писаній: «молъ, полюбилъ молодъ дѣвицу, такъ это самъ Богъ, молъ, ихъ соединилъ, значитъ. Право такъ, Аванасій Ивановичъ! Какъ самъ думаешь о томъ?..» И что, словомъ сказать, у него теперь на душѣ «таково-то сладостно, таково-то сладостно»!..

Аванасій Ивановичъ ужъ утиралъ слезу со своихъ пухлыхъ щекъ и вдавался въ чувствительность.

— По глупости ходимъ, какъ въ потемкахъ,—сказалъ онъ.—А до грѣха долго ли?

Въ свою очередь это понравилось государю.

— Какъ въ потемкахъ,—подтвердилъ онъ и даже головой мотнулъ.

— Долго ли до грѣха!—опять дакнулъ бояринъ.— Примѣры бывали. Хорошо какъ въ воду; а другой, бываетъ, и ножомъ въ себя пырнетъ. Да чего далеко ходить за примѣрами? Ну, а самъ онъ теперь, чья дочка-то съ ума свела парня. Обресковъ-то старикъ. Жена-то его покойница...

— Нѣтъ, я-то, я-то...—остановилъ его вдругъ Алексѣй Михайловичъ.— Я и не зналъ, что у Обрескова дочка есть, а? Такъ что жъ говоришь, жена-то его покойница?

— Правду ли, нѣтъ ли, а такой объ немъ разсказъ живеть. Зарѣзаться хотѣлъ, какъ померла жена покойница. А кто говоритъ, ее все зарѣзать хотѣлъ. Правду ли, нѣтъ ли...—опять говорилъ бояринъ, разводя руками.

Алексѣй Михайловичъ наклонилъ голову и глядѣлъ въ полъ. Тѣлеснымъ и душевнымъ здоровьемъ вѣяло отъ добряка; а взоръ его теперь выражалъ именно сокрушеніе о тѣхъ людяхъ, что вѣкъ болны, живя на землѣ, и душой, и тѣломъ.

— О-охъ!—простоналъ Матюшкинъ.— *Отъ юности моя мнози братья мѣ страсти!*

— Онъ, онъ. Духъ это все,—совершенно согласился съ нимъ государь.

Тутъ же въ прохладѣ подъ липами съ веселымъ сердечнымъ довольствомъ на лицѣ, что такъ-то оно вдругъ все кончилось мирно и, какъ Богу самому угодно, будто самою судьбой устроилось счастье парня съ дѣвкой; кромѣ того, и сама охота на цѣлыя на двѣ недѣли теперь еще веселѣй пойдетъ, Лѣвка не разстраивать охоту, а радовать будетъ государя; разъ тутъ же продиктовалъ Матюшкину, какъ надо велѣть сію же

минуту написать въ Тарханскъ письмо къ окольному, Данилу Ивановичу.

Лёвъ, кликнутому вновь и явившемуся теперь по первому зову, онъ говорилъ:

— Я, Лёвка дуракъ, князю Салманову для чего за тебя выдавалъ? Такъ словно думалось: дѣти отъ васъ хорошіе пойдутъ. И я бы и дѣтей твоихъ пожаловалъ, въ рынды же взялъ бы къ себѣ. Ну, а какъ твоя красавица, говоришь (Лёвъ не говорилъ), еще и Салмановой лучше, такъ я за твою судьбу и подавно радъ. А будешь мнѣ хорошо служить, я и тебя пожалую. Ты мнѣ замѣсто сына духовнаго теперь, я тебѣ какъ отецъ духовный, не по-царски, а по-человѣчеству говорю... Ты смотри!..

Онъ что-то хотѣлъ договорить, повидимому, но только погрозилъ Лёвъ.

Лёвъ поклонился ему въ землю.

— Кто знаетъ?—перемѣнилъ вдругъ государь свою рѣчь.—Богу будетъ угодно, я и въ ховліе пожалую тебя. Онъ сдѣлалъ ему знакъ рукой.

Лёвъ опять поклонился и хотѣлъ идти.

— Пой!—воротилъ его государь съ дороги. — А на духу-то будешь, смотри, не забудь пону-то... Понялъ? Ну, ступай съ Богомъ.

Матюшкинъ принесъ сюда уже готовый исписанный столбецъ бумаги, въ другой рукѣ онъ держалъ золотую чернильницу съ перомъ для собственноручной подписи государя и все это сложилъ тутъ же на столъ, гдѣ все еще красовалась ендова меда и лежалъ зеленый лопухъ, чуть не въ павлиній хвостъ величиною.

Государь отъ строки до строки самъ прочиталъ довольно длинное посланіе, подписалъ его полнымъ своимъ царскимъ титуломъ и именемъ, потомъ тутъ же сдѣлалъ собственноручную приписку строки въ четыре, и готовая грамота прямо отсюда должна была съ нарочнымъ гонцомъ отправиться въ Тарханскъ.

Когда онъ доканчивалъ свою приписку, веселая улыбка пробѣгала по его лицу. Онъ кончилъ; не хуже записного дьяка прицѣкнулъ перомъ о чернильницу, сбрызнувъ чернилами и расправивъ столбецъ на столѣ, велѣлъ Матюшкину прочитать свои строки.

Бояринъ нагнулся, царь сбоку глядѣлъ ему прямо въ лицо. Вдругъ боярскія широкія плечи заподымались вверхъ; на пухлыхъ розовыхъ пальцахъ въ обѣ стороны блеснули брилліантовые перстни.

— Суженаго конемъ не объѣдешь!—сказалъ Асанаей Ивановичъ и развелъ руками.

Листокъ сорвался съ дрогнувшей молодой липки и, кружась, упалъ въ сулою янтарнаго меда.

А охота, какая у нихъ охота теперь пойдетъ въ Коломенскомъ!

Въ тотъ вечеръ и во всю ту ночь опять не спалось молодому Засѣкину въ разговорахъ съ тезкой, съ молодымъ княземъ Львовымъ. Уже все спало мертвымъ сномъ въ ихъ отдѣленіи; товарищи-сокольники, кто на сѣновалѣ, кто тутъ, улеглись еще спозаранку, а они вдвоемъ сидѣли у раскрытаго окна. Предъ вечеромъ зашла было тучка, прошумѣлъ маленькій дождичекъ, но теперь опять разяснѣло. Свѣжестъ и благоуханное тепло стояли кругомъ. Небо вызвѣдило. Въ воздухѣ пахло только что скошеннымъ сѣномъ. Легкій паръ вставалъ съ Москвы рѣки. Гдѣ-то вдали квакали утки; вблизи кричалъ коростель. Лёвъ опять, ужъ давно съ нимъ этого не бывало, засмотрѣлся на ласковое небо, на лѣтнія звѣзды. Молодой князь Львовъ долго молча глядѣлъ ему въ глаза. «Счастливецъ», думалъ онъ.

— Ты, Лёва, счастливѣе меня!—сказалъ онъ вдругъ. — Я никогда не былъ несчастливъ, я въ жизни всегда былъ счастливъ, а ты... Нѣтъ, это совсѣмъ другое дѣло!

И вблизи, казалось, забывавъ подя самое ихъ окно, въ крапиву, все громче дергалъ, кричалъ коростель. Справа плылъ мѣсяцъ.

Глава XXXII.

По старой дорогѣ.

Въ Тарханскѣ проходили дни за днями, но всё они для отца съ дочерью мелькнули за одинъ день.

«Для міра совѣтъ отпѣтый человѣкъ», не даромъ Данило Ивановичъ вымолвилъ тогда о себѣ такое слово въ селѣ Великомъ. Сѣдина смѣнила просѣда; вмѣсто прежней суровости необычайная кротость въ лицѣ, таковъ онъ былъ все это послѣднее время. Московскіе знакомые не узнали бы окольничаго.

Но въ этотъ мигъ не узнала его сама Софья; онъ только что вернулся изъ приказной избы, гдѣ получилъ и—очевидно было—уже успѣлъ прочитать царскую грамоту.

— Отъ государя!—кликнулъ онъ, показывая ее дочери.

Софья рванулась къ отцу.

— Читай! Сама читай!—проговорилъ окольничій.

Знакомый почеркъ государя, этотъ порывистый и разбросанный почеркъ самого Алексѣя Михайловича, опять ударилъ въ глаза окольничему. Онъ указывалъ дочери прочитать приписку.

Софья стала разбирать верхнія строки: ... «И тебѣ бы, Данило Ивановичъ, радоваться тому, писали не гнѣвомъ, а для твоего осмотра...»

— Вотъ, вотъ гдѣ!.. Приписалъ своею государевою рукою!.. Его царскаго величества собственноручная приписка ко мнѣ!—указывалъ онъ на нижнія строки.

И, дрожа надъ бумагой, онъ прочиталъ вслухъ: «И

тебѣ бы, Данило Ивановичъ, спѣшить какъ можно, а дочери своей, зовутъ Софья, безъ насъ замужъ ни за кого не выдавать, а мы ей на Москвѣ жениха нашли... Всея Руси Алексѣй Михайловичъ». А?

Отецъ и дочь переглянулись.

Онъ быстро зачиталъ съ самаго начала: «Спѣшить на наши государевы очи въ Москву тотчасъ, какъ съ наша грамота придетъ... а велимъ пожаловать... а нонѣ и самъ видишь: нашимъ государевымъ словомъ какъ повернуло... тебѣ на пользу, а не во гнѣвъ было писано...» И опять внятіе и разстановочный раздался эти слова: «И тебѣ бы, Данило Ивановичъ, спѣшить какъ можно, а дочери своей, зовутъ Софья, безъ насъ замужъ ни за кого не выдавать, а мы ей на Москвѣ жениха нашли... Всея Руси Алексѣй Михайловичъ».

Торжественное счастье засвѣтилось на Софьиномъ лицѣ, вся она засіяла...

— Батюшка! — кликнула она въ какомъ-то пророчествѣ. — Самъ Богъ за меня заступился... Гадать больше не о чемъ. Ъдемъ въ Москву сейчасъ. Тамъ мое счастье. Не государь кличетъ, самъ Богъ зоветъ!..

Отецъ стоялъ пораженный.

— Старый мой!—кинулась она вдругъ ему на шею. — Съ тобой... Слышишь ли, съ тобой и замужемъ я теперь не разстанусь!

— Да говори же, Софья!—сказалъ вдругъ старикъ, удушаемый ея объятіями. — Кто жъ онъ твой?.. Назови сына-то...

— Батюшка!—отвѣтила дочь.—Замужъ я только за одного пойду. Какъ теперь меня у тебя самъ государь сватаетъ, ты для него да и для меня, конечно, не откажешь теперь.

И она стала предъ отцомъ на колѣни и, земно поклонившись въ ноги, внятно и четко выговорила ему:

— За Льва Григорьевича, за молодого Засѣкина-Рындина.

Не ожидалъ старикъ. Дочь была испугана. Замерли у него губы полураскрыты, да такъ и остались съ тѣхъ поръ навѣки,—какъ у малолѣтка, полураскрыты навѣки.

Наталья Ивановна, не прошло и получаса времени, ужъ голосила о чемъ-то у себя подъ лѣстницей съ тарханскою подругой, протопоповой женой. А часъ спустя ужъ толковалъ цѣлый городъ: «самъ де царь сватается воеводину дочку! Обресковы де насѣтъхъ ѣдутъ въ Москву!»

Самое имя Льва Григорьевича, молодого Засѣкина-Рындина, вдругъ разнеслось по цѣлому уѣзду. Сердце дѣвичье угадало всю правду. Сомнѣнія не было для Софьи: никого другого на Москвѣ, царь ей самого Лёву въ женихи нашелъ. Она никакихъ возраженій не хотѣла слышать себѣ.

Злая боярышня Киндякина вдругъ расплакалась.

Только что ея подруги, заслышавъ новость, заголосили хоромъ: «моль, наше красное солнышко, Софья Даниловна, отъ насъ закатается,—ино не такъ больно будетъ глазамъ смотрѣть; совсѣмъ, было, насъ, темныхъ, ослѣпила!» Боярышня Киндякина даже топнула ножкой въ полъ.

— Вамъ ея не жаль,—сказала она,—а мнѣ такъ Софью Даниловну очень жаль. Вотъ гдѣ сосеть! вотъ такъ тутъ и сосеть!—И она заливалась горячими слезами.

— Прощай Тарханскъ!—сказали они городу со здѣшней поклонной горки.

— Моль, и съ Богомъ, сударыня-княгиня!—махалъ рукой мельникъ Захарь.—Чего тутъ съ нами было? Поѣзжайте съ Богомъ!

— Вотъ тебѣ не жаль меня,—молвила Софья,—а я, Захарь, о тебѣ жалѣть буду.

— О, сударыня-княгиня! Каковъ онъ ни будетъ новый по васъ воевода, а были бы мы хороши сами, будутъ, Богъ дастъ, хороши и съ нами. Мало ли я ихъ тутъ пережилъ?

Онъ земно кланялся вослѣдъ ихъ отъѣзжавшему поѣзду.

А Софья долго еще выглядывала изъ-за полога «татарской кибитки» на синія воды Тарки... Не хотѣлось ей пропустить того мига, какъ станетъ исчезать въ дальней синевѣ «бѣлая Гусыня» и скроется съ ея глазъ навсегда. Льва Гурыича Каравелова не было въ поѣздѣ, который ихъ изъ Тарханска провожалъ попрежнему. Дьякъ еще съ самаго Свѣтлаго праздника отпросился у воеводы въ отпускъ и все пропадалъ въ уѣздѣ. Воеводѣ вдругъ какъ съ неба упала царская грамота; въ ней было сказано: «Сдать городъ впередъ до указу изъ тамошнихъ государевыхъ людей кому будетъ можно». Пришлось сдать, кажется, Бискадарову. А про дьяка только въ послѣднее время прошли слухи, что онъ присватался «къ кому-то изъ уѣздныхъ».

Въ Нижнемъ-Новгородѣ опять ихъ привѣтствовала княжна Зина; но она ужъ теперь не княжна. Теперь она—Зинаида Петровна, по мужу Соловая. Обнимаясь съ Софьей Обресковой, она и при встрѣчѣ, и при провожаньи повторяла все только одно, какъ она помнить, что давно-давно тому назадъ она проводила святки въ Москвѣ у Засѣкиныхъ-Рындиныхъ и сама Софья была тамъ; и когда еще они играли въ *тнцы*, то Софья назвала себя *кречетомъ*, а она себя назвала *кукушкой*...

Наталья Ивановна, веселая съ самаго выѣзда, всю дорогу шутила; а какъ только перевалились за Нижний и предъ ними открылась Владимірка, словно помолодѣла старуха. «Ну,—сказала она,—совсѣмъ теперь лицомъ на Москву покатились!»

Противъ того, какъ они ѣхали за два года, одно мѣсто оставалось пусто въ ихъ «татарской кибиткѣ». Софья всю дорогу не могла выронить изъ памяти, что няни, одной няни, ея Василисы Пахомовны, не достаетъ ей теперь въ счастливой «татарской кибиткѣ».

Глава XXXIII.

Приѣздъ въ Москву.

Непередаваема ихъ радость, какъ у нихъ предъ глазами вдругъ загорѣла въ бѣлыхъ разводахъ церкви Тихвинской Божіей Матери. За нею бѣлѣла ихъ боярскій домъ, а вонъ и другой такой же. Возокъ повернулъ въ ворота... И вотъ уже ихъ обдало тепломъ въ тѣхъ самыхъ комнаткахъ, гдѣ имъ хорошо жилось... такъ давно тому назадъ или, пожалуй, такъ недавно.

Непередаваемо и все это время. Они сосватаны; они женихъ и невеста. Старикъ Обресковъ облаканъ самимъ государемъ. Въ домѣ у нихъ безпрестанныя гостины. Отъ Застѣкиныхъ къ Обресковымъ, отъ Обресковыхъ къ Застѣкинымъ, изъ воротъ въ ворота, поминутные переѣзды, непрекращаемые сносы. Ускоренною, какою-то двойною жизнью жилось имъ всѣмъ тогда въ Кривомъ переулкѣ. Оно легло, это золотое время, сномъ на яву!

До самой свадьбы, съ того мига какъ самъ государь вошелъ въ ихъ дѣло, все спорилось, все ладилось, все удавалось само собою, дѣлалось какимъ-то чудомъ.

— Софья-дружокъ!—говорила ей Лёвина мать.—По тебѣ, ни по комъ другому, какъ по тебѣ, и безо всякой иной боли вѣдь онъ у насъ тутъ безъ тебя въ смертной боли лежалъ!

И со слезами Татьяна Борисовна рассказывала про огневую.

— Софья Даниловна!—говорилъ Лёвинъ отецъ.—Не

напрасно ты Лёву полюбила. Ты, одна ты своимъ дѣвичьимъ разумомъ разгадала его у насъ. Такой онъ... И Григорій Романовичъ не могъ говорить въ военніи, плакалъ въ объятіяхъ нареченной невестки.

А Софья, какъ они ея ни удерживали, падала имъ въ ноги и, земно кланяясь, не за себя, «а чтобъ ея старого отца не оставили своею любовью», молила ихъ со слезами.

А молодая княгиня Львова, Настасья Григорьевна, всѣ свадебныя хлопоты на себя взяла. Сидитъ она тутъ за длинными столами, распоряжаетъ ткачихами и швеями; сама велитъ и указываетъ, какъ надобно лисьи чернобурые мѣха кроить. Выкладываетъ серебряную посуду, гремитъ подносами.

— Я,—говоритъ она,—какъ сама видишь, Даниловна моя... я всѣ по вашей свадьбѣ хлопоты взяла на себя. Старикамъ гдѣ жъ хлопотать? Ну, а про васъ я такъ прямо и сказала: у Обресковыхъ и подавно кому жъ хлопотать? Маменька твоя Наталья Ивановна сама до сихъ поръ въ дѣвкахъ; ну а батюшка твой Данило Ивановичъ, ужъ ты не взыщи на мнѣ, и вовсе ничего не смыслить въ нашихъ бабьихъ дѣлахъ.

Но Софья Даниловна своимъ глазамъ не вѣрить: та ли самая эта *малая китайская куколка* предъ ней?

Будто какая-нибудь княгиня Мстиславская или даже самого Аванасія Ивановича Матюшкина толстуха жена, она въ разговорахъ теперь и размахиваетъ руками, и поминутно хохочетъ, и говоритъ ужъ не плавно, а какою-то веселою скороговорочной...

И что ни шагъ у нихъ въ домѣ, то все больше Софья Даниловна своимъ глазамъ не вѣрить. Узнать нельзя противъ того времени, о которомъ ей упоминала княжна Зина. Старики весь домъ преобразили заново и весь его сдали на житье-бытье молодымъ хозяевамъ, а сами хотятъ теперь завалиться въ крошечный, скромный уголокъ доживать свою старость.

Но сами молодые, видѣлись ли, сговаривались ли они?

За нихъ видѣлись и сговаривались старики. Старики между собою справляли такъ называемое *предложение*; они должны были обо всемъ и переговорить между собой, упрочить всю будущую судьбу молодыхъ; имена Льва Григорьевича и Софьи Даниловны поминутно поминались ужъ неразлучны; на ихъ глазахъ для нихъ слагалось-собиралось цѣлое новое хозяйство, чтобы не только про ихъ вѣкъ, а еще и про ихъ внуковъ хватило, а они оставались все время какъ бы въ сторонѣ, все гдѣ-то пребывали никому невидимы, какъ будто вовсе не о нихъ тутъ все дѣло.

Впрочемъ, и старикамъ было не до разговоровъ. Лѣва—одинъ сынъ у отца; у околыничаго одна дочь—Софья. О чемъ тутъ говорить? Да онъ же и сказалъ давно, разъ навсегда: «и его бѣлый домъ, и ихъ подмосковное большое Крутицкое село, и все что у него есть—все это Софьино, а не его!»

Длинныхъ счетовъ и расчетовъ околыничъ не любилъ.

Скажутъ ли, что Наталья Ивановна могла въ чемъ-нибудь не сойтись съ Татьяной Борисовной? Но обѣ старухи, старинныя московскія пріятельницы, какъ только увидѣлись послѣ разлуки, такъ цѣлый часъ и проплакали на груди другъ у дружки. Каждый день Татьяна Борисовна послѣ денскихъ хлопотъ роскошно отдыхала у «тѣти-мамы», въ ея просторной, сухой и теплой половинѣ.

Онѣ рассказывали другъ другу какъ теперь молодые заживутъ счастливо въ томъ бѣломъ домѣ, какъ однако жъ по воскресеньямъ будутъ сходить за обѣдъ сюда къ старику Обрескову; какъ околыничъ не любить своего бѣлаго дома, только умереть себѣ въ немъ просился у Софьи, а то, говорить, и продайте его совсѣмъ; какъ однако жъ зато каждое лѣто всѣ они, и молодые, и сами старики Засѣкины, будутъ непременно жить въ Крутицкомъ у старика Обрескова, въ его любимомъ селѣ...

Такъ онѣ прохладжались тутъ вдвоемъ, распивали свой любимый взварецъ и закусывали его вяземскимъ пряникомъ.

Видѣлись ли, сговаривались ли между собою молодые—посторонніе не должны были этого знать.

Быль часъ между вечера и свѣта. Въ домѣ у Засѣкиныхъ-Рындиныхъ, какъ и все это время, шла какія-то приготовленія. Люди перетаскивали все что-то, перестановляли; носили какіе-то сундуки. Въ угольную комнату, которая прежде была занята Татьяной Борисовной, а теперь назначалась подъ спальню молодыхъ, сквозь полуразтворенную дверь влетали крики горничныхъ дѣвушекъ, а по временамъ самой Настасьи Григорьевны. Вдругъ они вошли сюда, озираясь, какъ бы еще не увѣренные, что, кромѣ ихъ, никого тутъ не было. Послѣ больше чѣмъ двугодной разлуки это была еще ихъ первая встрѣча!..

Софья въ этотъ разъ была удивлена двумя Лѣвиними словами.

— Софья, — сказалъ онъ ей, — какъ имымъ людямъ отъ роду легко, весело живется! Счастье даромъ дается имъ. Погляди на брата съ сестрой, на Настеньку съ княземъ Львовымъ. Такъ ли намъ съ тобою?

И она опять слышитъ на себѣ его пристальный, этотъ неподвижный, будто безстрастный, этотъ внимательный, почти строгій взглядъ.

Другое было его слово:

— Знаешь, Софья: какъ я одинъ на одинъ самъ съ собою думалъ о твоёмъ правѣ, всегда у меня была одна недогадка. Хотя ты мнѣ ничего тогда не сказала, но вѣдь я все зналъ. Тебя за князя Мартеньянова-Рущаго принуждалъ отецъ, да?

Софья молчала.

— Конечно, да! — отвѣтилъ самъ Левъ. — Также и въ Тарханскъ вы не просто уѣхали. Вѣдь его же норовъ былъ. Догадываюсь я. А?.. Такъ какъ же ты

его почитать могла?... Какъ ты своего отца любить могла?..

— Довольно!—вдругъ молвила Софья, и у ней слеза скатилась.—Вотъ на то-то я тогда тебѣ еще здѣсь у васъ въ домѣ сказала: ты не знаешь его, а я знаю его! Вотъ Богъ далъ... Теперь самъ ступай, погляди на него!..

— Софья Даниловна!—крикнулъ вдругъ Левъ.—Я сейчасъ къ нему побѣгу; я Данилѣ Ивановичу въ ноги упаду.

Съ тѣхъ поръ какъ Обресковы пріѣхали въ Москву, Левъ идти къ окольному все какъ-то медлилъ.

Глава XXXIV.

Левъ самъ видитъ теперь.

Левъ и родился на свѣтъ въ бѣломъ домѣ у Тихвинской. Имя сосѣдей Обресковыхъ съ пеленокъ звучало для его ушей.

— Чудо-красавица!—говорили про малютку-дочь.

— Самъ затворникъ, и еѣ въ затворницы, что ли, готовить?

Ребенокъ слушалъ, и цѣлый міръ складывался въ его мечтахъ. Смежное съ дѣтствомъ отрочество наступило для него. Они увидали другъ друга. Ихъ отрочество перешло въ ихъ юность...

Лѣвъ и въ гостяхъ, и при дворѣ по цѣлой Москвѣ приходилось слышать про Обресковыхъ. Весь городъ зналъ окольного за какого-то сумасброднаго, тяжелаго старика. Окольному мало было дѣла до того, что о немъ говорили. А про него все знали одно то, что онъ въ жизнь ни про кого добраго слова не сказалъ.

Мудрено ли, что нерасположеніе къ окольному расло въ Лѣвъ?..

Левъ вступилъ въ покой Данилы Ивановича, гдѣ былъ одинъ разъ давнымъ-давно еще маленькимъ мальчикомъ. Все тутъ по-старому: большой боярскій письменный столъ съ рѣзною рѣшеткой; картина, завшенная зеленой тафтой, въ темномъ углу; лавка, обтянутая малиновою кожей въ золотыхъ кружечкахъ. Левъ еще съ порога узналъ эту комнату; но онъ не узналъ окольного предъ собой.

Съдая понурая голова; ротъ полураскрытъ; на старческомъ лицѣ дѣтская улыбка; мало сгорбленъ весь.

— Прости мнѣ, Данило Ивановичъ... Не взыщи на мнѣ,—путался Левъ,—если я когда не словомъ или дѣломъ, а хоть помышленіемъ своимъ противъ тебя Богу грѣшенъ былъ.

— Ужъ ты мнѣ лучше, дружокъ, прости!—возразилъ околыничій.—Вы другъ друга любили; моя дочь тобою жила, а я не замѣчалъ!

Онъ пристально поглядѣлъ ему въ глаза.

Левъ грянулся ему въ ноги; Данило Ивановичъ ловко успѣлъ его подхватить вѣ-время.

— Полно, дружокъ! Богу давай вмѣстѣ поклонимся!—сказалъ онъ и подвелъ къ образницѣ. Отворивъ ея стеклянную полудверку, онъ снялъ большой въ золотомъ складѣ Спасовъ образъ.

— Вотъ Софьино благословеніе!—сказалъ онъ.—Этимъ самымъ образомъ ея покойница мать... тогда у кормилицы на рукахъ Софью благословила. Ты возьми его...

Онъ не договорилъ.

Левъ, не давая замѣтить, что онъ видитъ слезы старика, отошелъ въ сторону, поставилъ икону на боярский письменный столъ.

Вдругъ раздалось сзади его какіе-то судорожные шаги. Данило Ивановичъ кинулся въ темный уголъ къ завѣшенному портрету, сорвалъ его со стѣны, прислонилъ на столъ и прочь отодралъ тафту съ рамы...

Кроткое, ангельское лицо глянуло на Лёву...

— Варвара Глѣбовна!..—простоналъ вдругъ околыничій. Послѣ двадцати лѣтъ это еще въ первый разъ онъ вымолвилъ ея имя.

Ни на что не устремленный взоръ голубыхъ глазъ и полусклоненный нѣжный обликъ, казалось, все замучивше глядѣлъ съ холста...

— Возьми и его!..—вдругъ воскликнулъ околыничій, судорожно замахавъ на портретъ руками.

Вдругъ дверь отворилась; въ комнату вошла Наталья Ивановна; околыничій стремительно выбѣжалъ вонъ...

Войдя такъ не впопадъ къ государю-братцу, чуть не сбита я имъ съ ногъ еще въ дверяхъ, очутился лицомъ къ лицу предъ разстроеннымъ Лёвой, а на столѣ увидавъ заразъ и портретъ Варвары Глѣбовны, и ея родительское благословеніе, золотой Софьинъ образъ, Наталья Ивановна съ разинутымъ ртомъ и разведенными руками такъ и осѣла на подорогѣ.

— Лёвушка, другъ ты мой!—кинулась она къ нему на шею.—Ну, вотъ ты самъ видишь теперь... (Она таинственными знаками указывала ему на дверь, въ которую вышелъ околыничій.) Таковъ-то, вотъ таковъ-то онъ у насъ всегда! Ну, что жъ мнѣ больше говорить? Вотъ ты самъ видишь теперь. Ишь, онъ не видѣлъ?! не замѣчалъ!.. (Наталья Ивановна вдругъ еще неистовѣй стала указывать на дверь таинственными тычками.) Всѣ-то знали, всѣ-то видѣли, а онъ нѣтъ. Я-то ужъ и вовсе темная, слѣпая старуха, какъ же это такъ: вотъ я видѣла, а онъ не видалъ?

Вдругъ она оглянулась на дверь и смолкла.

Въ комнату вошелъ Обресковъ; Наталья Ивановна скорѣй зашамкала въ свою половину.

Околыничій былъ тихъ и ясенъ. Истинно-дѣтская улыбка осѣняла его лицо.

— Ну,—сказалъ онъ Лёвѣ,—живите долго и счастливо по-за насъ стариковъ. А она (онъ взглянулъ на женинъ портретъ), можетъ, и вправду съ небеси призираетъ на вашу любовь.

— Софья! да что жъ это со мной?—говорилъ онъ дочери сейчасъ послѣ Лёвина ухода.—Куда ты меня завела? куда я возлѣтъ? въ рай, что ли, ты меня привела? На седьмое небо, а? Себѣ дивлюсь, себя не узнаю...

— Ты себя никогда и не зналъ,—разсѣявшись, отъѣтила Софья,—а вотъ я-то всегда знала тебя.

И нѣтъ въ мірѣ чище того поцѣлуя, которымъ дочь поцѣловала отца.

Въ тотъ же день Левъ и Софья видѣлись другъ съ другомъ. Опять была часъ между вечера и свѣта, когда они мелькнули въ угольной.

— Ну, что? — спрашивала его Софья о чемъ-то. — Нѣтъ въ немъ ни души, ни сердца? Самъ скажи?

Она съ ногъ до головы сіяла.

— Софья! — вдругъ кликнувъ Левъ, какъ бы молясь на нее. — Тѣмъ вотъ ты и воистину дорога!.. Тарханскъ что поминать? Въ Тарханскѣ ты его отъ тѣлесной смерти избавила, здѣшнюю маловременную жизнь ему спасла. Да и что Тарханскъ? На твоёмъ мѣстѣ всякая другая дочь то же бы самое сдѣлала для отца. Но вѣдь ты, Софья, душу сохранила ему, сердце ему сберегла!..

Это былъ послѣдній ихъ короткій разговоръ украдкой. Слѣдующій разъ ужъ они свидѣлись подъ вѣнцомъ въ церкви.

Глава XXXV.

У Тихвинской.

Церковь Тихвинской Божіей Матери никогда еще не свѣтилась такими безчисленными огнями и не была такъ полна народомъ, какъ въ тотъ день.

Храмовая икона, направо отъ алтаря, сіяла драгоценною ризой.

Въ первый день по пріѣздѣ въ Москву изъ Тарханска Софья, отлущавъ заказной молебенъ у Тихвинской, сказала отцу:

— Мнѣ сказывала покойница моя няня, что маменька Варвара Глѣбовна всегда хотѣла сдѣлать серебряную ризу на нашу храмовую икону и велѣть вызолотить. Батюшка! Я ей, Тихвинской Божіей Матери, еще на *стремени* тогда, на рѣкѣ, за тебя молилась. И тамъ, на самомъ *стремени*, вдругъ я вспомнила тогда эти нянины слова. Позволь мнѣ теперь для маменьки и для моей няни, и для всего, что миновалось, позволь мнѣ теперь это сдѣлать. Пусть всему, всему будетъ на память отъ насъ съ тобою.

Выслушавъ дочь, отецъ добавлялъ только:

— Сдѣлаемъ изъ чистаго золота!

Эта самая риза и сіяла теперь.

Она была готова и надѣта на образъ еще ранѣе; но даже вчерашній день и еще нынѣшній день утромъ настычка мудреною вязью, гласившая внизу о сооруженіи ризы, оканчивалась только словами: *Софьею Даниловной Обресковой*. А теперь, тутъ же въ самой церкви, искусный царскій рѣзчикъ дорѣзывалъ послѣднія

IV 13080
добавочныя слова: а въ замужество Заскиной-Рынди-
ной. Лишь предъ самымъ жениховымъ приѣздомъ успѣлъ
онъ докончить наѣчку и, скорѣй подобравъ все свое
мастерство, скрылся въ народѣ.

Свѣчи горѣли цѣлыми пучками, серебряныя пани-
кадила играли переливчатыми огнями. Женихъ, какъ
сказано про рындѣ въ старинномъ описаніи, «стоялъ
какъ статуя неподвижно, и глазами ни въ которую
сторону не оборачивалъ». Сплошная толпа головъ
вдругъ заколебалась... Легкій шумъ пробѣжалъ съ
паперти. Но при всеобщемъ поворотѣ головъ женихъ
все-таки устоялъ недвижимо. Народное множество,
очистивъ дорогу къ аналою, раздалось въ обѣ сто-
роны.

Въ церковь, съ ногъ до головы укутанная дѣвичьею
фатой, смѣлою поступью входила невеста.

И до нашихъ дней цѣла стоитъ красная церковь.
Между насъ живы ихъ потомки...

к о н е ц ъ .